СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ ѲЕДОРОВИЧА КВИТКИ. (Грицька Основьяненка).

I. ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. (Біографическій очеркъ). **В. Науменка** . . . . . 155—189

II. Г. Ѳ. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ (По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его). **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . . 190—214

III. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ И СТАТЬИ ГР. ѲЕД. КВИТКИ. (Къ 50-тилѣтію со дня его кончины). **Д. И. Багалѣя** . 215—244

IV. ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА, КАКЪ МАЛОРУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕДЪ СУДОМЪ КРИТИКИ. **В. Науменка** 245—268

V. А. А. ПОТЕБНЯ, КАКЪ ЯЗЫКОВѢДЪ-МЫСЛИТЕЛЬ. **Д. Овсянико-Куликовскаго** . . . . . 269—289

VI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Г. Ѳ. Квитки. **Глаголя.** б) Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы до появленія: «Малороссійскихъ повѣстей» Гр. Квитки въ Россіи и «Русалки Днѣстровой» изд. М. Шашкевичемъ въ Австріи. **Ю. Т.** в) О могилѣ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка. г) Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы. (Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки). Сообщ. **Ю. Т.** д) По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка. **Н. Ш.** е) Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. **В. Щербины.** ж) Второй отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова.** з) Справка о сочиненіяхъ Квитки. 290—308

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка (1729—30 г.). **В. М.** б) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологической Коммиссіею № 11. Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ В. Б. Антоновича. **В. Ястребова.** в) Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1889 г. **В. Ястребова** . . . . . 309—322

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 113—128).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 августа 1893 года.

ПАМЯТИ

Григорія Федоровича Квитки

(Грицька Основьяненка).

...Въ продолженіе моей жизни я шесть
разъ сватался и на силу уже въ седь мой,
случайно, мимоѣздомъ женился.....

Григорій Квитка-Основьяненко
1816 года

8-го августа 1893 исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины *Григорія Ѳедоровича Квитки* (*Грицька Основьяненка*), извѣстнаго въ русской и малоруссійской литературѣ своими повѣстями и комедіями. Та видная роль, которую игралъ Г. Ѳ. Квитка въ качествѣ малорусскаго писателя съ одной стороны, и то важное общественное значеніе, которое выпало на его долю, какъ культурнаго представителя слободско-украинской жизни—съ другой, обязываютъ нашъ журналъ, занимающійся всесторонней разработкой вопросовъ, связанныхъ съ исторіей Малороссіскаго края, не только удѣлить мѣсто на своихъ страницахъ этому почтенному имени, но даже весь этотъ номеръ посвятить его памяти, главнымъ образомъ наполнивъ книгу статьями и матеріалами, касающимися Г. Ѳ. Квитки. Очень сожалѣемъ, что не могли успѣть въ этомъ же номерѣ помѣстить имѣющуюся въ нашемъ распоряженіи рукописную комедію Г. Ѳ. Квитки „Бой-жинка“, никогда и нигдѣ ненапечатанную, которою мы надѣемся подѣлиться съ читателями въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко.

(Біографическій очеркъ [1]).

„Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ-затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и директоръ странствующей труппы актеровъ; основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ—и въ тоже время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотвореній, гдѣ воспѣвались Маши, Лизы, Нади и Кати, наконецъ—музыкантъ и предводитель дворянства,—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!“ Такъ въ итогѣ характеризуется личность Гр. Ѳ. Квитки словами Г. Данилевскаго; или—какъ еще короче сказано въ эпиграммѣ современника Квитки, В. Н. Каразина:

„Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ“.

Факты изъ біографіи Г. Ѳ. Квитки, къ которымъ мы вслѣдъ за этимъ и обращаемся, должны въ подробностяхъ разъяснить намъ смыслъ только-что приведенныхъ характеристикъ.

[1]) Данный біографическій очеркъ, не претендуя на полноту и имѣя въ виду только оживленіе въ памяти читателя общаго облика Г. Ѳ. Квитки, составленъ главнымъ образомъ на основаніи сочиненія Гр. Данилевскаго „Основьяненко“. Спб. 1856 г.

Г. Ѳ. Квитка родился 18 ноября 1778 года [1]) въ селѣ Основѣ, находившемся подлѣ самого Харькова и населенномъ впервые полковникомъ Донецъ-Захаржевскимъ, а въ 1713 г. проданномъ полковнику Григорію Семеновичу Квиткѣ, прадѣду писателя [2]), и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени находящемся во владѣніи этой фамиліи. Интересно вспомнить тутъ, что самъ Г. Ѳ. Квитка въ своей статьѣ „Основаніе Харькова, старинное преданіе“ [3]) разсказываетъ легенду объ основаніи Харькова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Основы, и приписываетъ основаніе послѣдней роду Квитокъ; тутъ-же указывается и происхожденіе этого рода. Остановимся немного на этомъ преданіи.

Въ 1604 году въ одинъ изъ лѣтнихъ дней явились въ Кіевъ къ одному польскому пану, Ясенковскому, больной старикъ съ прекраснымъ мальчикомъ, отъ котораго только и могли добиться, что у него были отецъ, мать, братъ; но какъ и по какому случаю имъ пришлось разстаться, почему онъ очутился въ Кіевѣ,—это покрыто было какой-то таинственностью. Старикъ вскорѣ умеръ, а мальчикъ остался у этого пана. Вотъ этотъ-то мальчикъ и былъ родоначальникомъ рода Квитокъ, т. к. его стали именовать Андреемъ Квиткою за его красоту: „гарный якъ квитка“. Въ домѣ этого пана Андрей Квитка сошелся близко съ дочерью его Маріею, съ которою они впослѣдствіи убѣжали и обвѣнчались тайно отъ родителей. Послѣ долгихъ скитаній они остановились на степномъ мѣстѣ, гдѣ стекалось три рѣки, и тутъ порѣшили остаться навсегда, такъ-какъ тутъ-же родился у нихъ и сынъ Аѳанасій, о которомъ имѣются уже и болѣе точныя свѣдѣнія, а именно: въ „Запискахъ о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г.“ (Харьковъ 1812 г.) читаемъ:

---

[1]) Этотъ годъ указывается всѣми біографами, и только И. Срезневскій, писавшій некрологи о Квиткѣ въ „Москвитянинѣ“ (1843 г., г. IV-я) и въ Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣдом. (1843 г. № 33), почему-то говоритъ, что онъ „родился въ 1779 году и скончался на 64 году жизни“. Впрочемъ, 1778-й годъ въ послѣднее время былъ безусловно принятъ, какъ годъ рожденія писателя, такъ-что 18 ноября 1878 года былъ отпразднованъ столѣтній юбилей его, съ полной торжественностью—въ Харьковѣ, а болѣе скромно—въ другихъ городахъ.

[2]) Историко—статист. описаніе Харьков. Епархіи. Отд. 2-е, стр. 129.

[3]) Молодикъ на 1843 г.

„Аѳанасій Квитка, изъ шляхетства польскаго вышедъ, въ царствованіе Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, изъ Польскаго Королевства, вступилъ въ подданство Его Величества, служилъ въ гадяцкомъ полку полковникомъ“ (стр. 77).

Въ такомъ видѣ передано это преданіе Г. Ѳ. Квиткою въ вышеупомянутой статьѣ его, на которой мы остановились не потому, что она имѣетъ цѣну историческаго документа, а потому, что въ ней разсказъ ведется съ искусствомъ, свойственнымъ талантливому перу Квитки—живо, поэтично. По поводу этой статьи высказанъ былъ В. Г. Бѣлинскимъ хотя краткій, но весьма лестный отзывъ [1]): „Г. Основьяненко, какъ извѣстно, владѣетъ необыкновеннымъ талантомъ разсказывать разныя старинныя преданія языкомъ легкимъ и понятнымъ даже простолюдину. Обѣщаемъ бездну удовольствія тому, кто прочтетъ до конца „старинное преданіе“ Основьяненка. Нельзя не пожалѣть что въ „Молодикѣ“ только и есть, что одна эта украинская статья [2]), а всѣ прочія или московскія, или нѣмецкія“.

Но изъ области преданій перейдемъ теперь къ болѣе фактическимъ даннымъ.

Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ впервые встрѣчается въ 1666 году; затѣмъ упоминаются имена прадѣда нашего писателя, Григорія Семеновича Квитки, полковника харьковскаго полка (см. выше), и дѣда—полковника изюмскаго полка. О первомъ извѣстно, что онъ ревностно заботился объ укрѣпленіи и украшеніи Харькова и привлекалъ массу переселенцевъ, стремившихся подъ защиту слободскихъ полковъ отъ набѣговъ татарскихъ [3]).

О родителяхъ Григорія Ѳедоровича извѣстій немного. Мы знаемъ только, что отецъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ радушный, гостепріимный хозяинъ, который своей простотой и умѣньемъ со всякимъ быть другомъ, по всей вѣроятности, далъ и сыну своему ту способность, которая сдѣлала его впослѣдствіи милымъ, добродушнымъ и обходительнымъ со всѣми. О матери

[1]) Сочиненія. Т. 7-й, стр. 280.

[2]) Писана по-русски.

[3]) Г. Данилевскій „Основьяненко“ Спб. 1856 г., стр. 2

извѣстно еще меньше, при чемъ это немногое рисуетъ ее невполнѣ привлекательно, т. к. она была хотя очень образованная женщина, но самолюбивая, гордая и суровая [1]).

Первые годы дѣтства были обставлены весьма неблагопріятно для послѣдующаго развитія ребенка, и надо только удивляться той счастливой случайности, которая помогла Григорію Ѳедоровичу выбиться, хотя нѣсколько поздно, на настоящую дорогу. Какъ на явленіе, отрадно вліявшее на него, можно указать только на ту обстановку, среди которой жили вообще въ то время паны Слободской Украйны. Это была старосвѣтская жизнь, не уходившая далеко отъ простыхъ обычаевъ, чуждыхъ всякой насыщенности; хотя и обставленная нѣкоторой роскошью, но въ обыденной жизни не уклонявшаяся ни отъ простонароднаго языка, ни отъ простонародныхъ привычекъ. Вообще, старая украинская традиція держалась тогда еще въ культурныхъ семьяхъ харьковщины, подобно тому какъ держалась она и въ полтавщинѣ. „Харьковъ—по словамъ Г. Данилевскаго [2])—обстроенный при Императр. Екатеринѣ 2-й, представлялъ общество совершенно патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время безъ числа". Эта-то простая обстановка жизни вокругъ и твердо державшаяся украинская традиція—дали возможность Квиткѣ впослѣдствіи выступить со своими украинскими произведеніями во всемъ блескѣ и народныхъ типовъ, и народной рѣчи. Зато эта благопріятная сторона жизни теряла свою цѣну для него, благодаря во 1-хъ, крайней болѣзненности мальчика и, во 2-хъ—отсутствію правильнаго воспитанія. Съ самаго рожденія обнаружились у ребенка проявленія золотухи,

---

[1]) Данилевскій .., стр. 3.

[2]) Тамъ-же.., стр. 5.

которая была причиною того, что мальчикъ въ теченіе первыхъ лѣтъ своей жизни оставался незрячимъ, и даже ему грозила опасность остаться такимъ и на всю жизнь. Къ счастію, на 8 году жизни онъ сталъ видѣть, при чемъ самое исцѣленіе совершилось неожиданно. Возстановимъ разсказъ объ этомъ моментѣ жизни нашего автора со словъ А. Корсуна, который, будучи самъ харьковскимъ общественнымъ дѣятелемъ и младшимъ братомъ Квитки по литературнымъ стремленіямъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ приводитъ слѣдующія подробности, очевидно долго жившія въ семьѣ Квитокъ, какъ родовыя преданія. „Когда Григорій Ѳедоровичъ былъ на рукахъ кормилицы—говоритъ онъ [1])—сдѣлался у него на глазу ячмень; кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, не излѣчивши слѣпоты; и когда все наличное искусство человѣческое было истощено, родители Григ. Ѳедоров. повезли восьмилѣтняго больного въ Озерянскую пустынь (въ 30 верстахъ отъ Харькова) къ чудотворной иконѣ Богоматери (которая находится теперь въ Куряжскомъ монастырѣ, въ 8 верстахъ отъ Харькова). Во время теплаго моленія передъ святымъ образомъ, малютка вдругъ спросилъ: „Какой это образъ, маменька?“—„Развѣ ты видишь?“—„Мнѣ свѣтло“.

И ранѣе этого случая замѣтна была въ мальчикѣ черезмѣрная религіозность, а прозрѣніе при такихъ обстоятельствахъ еще болѣе, конечно, повліяло на развитіе этого чуства. Въ приведенныхъ только-что воспоминаніяхъ А. Корсуна находимъ такое указаніе: „Съ самаго младенчества добрые примѣры родителей и родныхъ дали сердцу Квитки то религіозное чувство, которымъ оно билось во все продолженіе жизни покойнаго. Дитятею еще пробуждался онъ при утреннемъ звонѣ и со слезами бывало просился въ церковь; няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, не смотря на продолжительность ея, и

[1]) Воспоминанія о Григоріи Ѳедоров. Квиткѣ. А. Корсуна (Литерат. газета 1843 г., № 37).

плачетъ, бывало, если не застанетъ начала". И въ самомъ дѣлѣ—фамильныя преданія въ направленіи религіозности были довольно сильны въ семьѣ Квитокъ: они считали въ своемъ роду извѣстнаго Іоасафа Горленка, бѣлгородскаго епископа, сестра котораго была замужемъ за дѣдомъ Григор. Ѳедоров. Квитки; а г. Сементовскій въ статьѣ своей „Харьковъ" [1]) приводитъ извѣстіе, что нашего автора въ дѣтствѣ обучалъ монахъ изъ Куряжскаго монастыря, настоятелемъ котораго былъ родной дядя Григ. Ѳедор., Наркизъ Квитка, который и личнымъ примѣромъ, и наставленіями старался развить въ ребенкѣ не только религіозность, но и желаніе поступить въ монастырь. Помимо всего этого, на развитіе религіозности у мальчика могло вліять, и несомнѣнно вліяло, и все тогдашнее харьковское общество, настроенное на религіозныя темы украинскимъ философомъ Сковородою, этимъ дѣятелемъ въ пользу просвѣщенія Слободско-украинскаго общества второй половины прошлаго столѣтія. Сковорода, какъ извѣстно, бывалъ въ домѣ Квитокъ, и мальчикъ, и безъ того съ религіознымъ настроеніемъ, наслушавшись разсказовъ, приправленныхъ мистицизмомъ, еще болѣе сталъ увлекаться аскетическими подвигами и серьезно подумывать о монашеской жизни. Эта же религіозность, по свидѣтельству А. Корсуна, въ связи съ музыкальной природой его родины, была причиной ранняго проявленія у него музыкальныхъ способностей. „Частое посѣщеніе храма Божьяго, духовное пѣніе, къ которому онъ жадно прислушивался, и, наконецъ, музыкальность родины сдѣлали его музыкантомъ: Григорій Ѳедоровичъ прекрасно игралъ на флейтѣ и въ молодости положилъ на ноты очень много романсовъ, имъ сочиненныхъ. Вотъ гдѣ первое появленіе его глубоко-художественнаго духа!" [2]).

Что-же касается до другихъ, противоположныхъ, вліяній, то ихъ не могло быть, благодаря отсутствію серьезнаго, толковаго ученія. Въ одномъ письмѣ своемъ къ П. А. Плетневу Квитка впослѣдствіи писалъ о своемъ ученіи слѣдующее: „Я и

---

[1]) Иллюстрація 1846 г., ч. III-я, № 46.

[2]) А. Корсунъ. Воспоминанія.

родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло для того удобствъ; притомъ-же болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту—все это было причиной, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что было подъ рукою и чему могъ-бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ то: о глаголахъ, междометіяхъ не могъ слушать терпѣливо. Съ таковыми познаніями писатели не бываютъ! Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ.* [1]).

Въ зависимости отъ всѣхъ изложенныхъ причинъ, какъ было уже сказано, двѣнадцатилѣтній мальчикъ задумалъ поступить въ монастырь, чему, какъ и слѣдовало ожидать, воспротивились родители и даже настояли на томъ, чтобы онъ поступилъ въ военную службу, какъ только исполнилось ему 15 лѣтъ. 11 декабря 1793 г. онъ былъ опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ вахмистромъ, а черезъ 20 дней, какъ говоритъ А. Корсунъ, или черезъ годъ, какъ свидѣтельствуетъ Г. Данилевскій, онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ два года *не у дѣлъ* при департаментѣ герольдіи. Въ воспоминаніе этого періода сохранился одинъ изъ псевдонимовъ въ статьяхъ его, писанныхъ впослѣдствіи, о чемъ мы скажемъ ниже. Въ октябрѣ 1796 года онъ опять вступилъ въ военную службу въ Сѣверскій Карабинерный полкъ ротмистромъ, а въ слѣдующемъ году перечисленъ былъ въ Харьковскій Керасирскій полкъ, послѣ чего вскорѣ вышелъ опять въ отставку и поселился дома. Прежнія впечатлѣнія дѣтства среди домашней обстановки опять берутъ перевѣсъ, и мы видимъ Григорія Ѳедоровича Квитку, будущаго веселаго писателя, на 24-мъ году [2]) по-

---

[1]) Данилевскій. Основьяненко, стр. 8.

[2]) По словамъ Г. Данилевскаго—на 23-мъ году.

слушникомъ, или, какъ говоритъ А. Корсунъ, онъ „въ самомъ разгарѣ юности и страстей стянулъ грудь свою послушническимъ ремнемъ, отпустилъ бороду, отростилъ волосы и удалился въ Куряжскую обитель, гдѣ со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ.“ Долго, какъ видимъ мы, боролся юноша со своимъ влеченіемъ, но наконецъ оно превозмогло его усилія. По словамъ того-же А. Корсуна, рѣшительною минутою для него было свиданіе съ однимъ изъ его друзей. Случилось это такъ. „Григорій Ѳедоровичъ въ Таганрогѣ познакомился и подружился съ артиллерійскимъ поручикомъ Петромъ Ивановичемъ Бѣлѣвцовымъ. Покойный (т. е. Квитка) часто разсказывалъ о живомъ характерѣ его. Представьте-же теперь себѣ впечатлѣніе, которое произвело на юную религіозно-настроенную душу явленіе этого поручика въ монашеской одеждѣ, съ бородою и именемъ Палладія (впослѣдствіи извѣстный архимандритъ и настоятель Невскаго монастыря). Бесѣда, воспоминанія, будущность, вѣчная жизнь....—и Григорій Ѳедоровичъ даетъ слово иноку-другу постричься, во что-бы то ни стало“ [1]).

О пребываніи его въ монастырѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ сохранились больше анекдотическіе разсказы, въ родѣ того: какъ нашъ будущій писатель въ черной рясѣ ѣздилъ на запяткахъ кареты настоятеля монастыря; какъ онъ смирялъ свою плоть, взявши на себя самыя тяжелыя работы монастырскія; какъ онъ однажды, отправившись въ Харьковъ продавать бочки монастырскаго издѣлія, застрялъ съ повозкой въ грязи харьковскихъ улицъ, какъ онъ тутъ сталъ предметомъ разговоровъ, будучи узнанъ мальчишками „якъ панычъ Квитка“, и какъ онъ, сконфуженный, бросилъ все на улицѣ и отправился въ село Основу къ роднымъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться въ монастырь. Конечно, не этотъ случай побудилъ Квитку отказаться отъ аскетической жизни, а равнымъ образомъ—и не та была единственная причина, которую указываетъ А. Корсунъ, а именно: „Прошло два года—говоритъ онъ—а между

[1]) А Корсунъ. Воспоминанія... К. Сементовскій (Москвитянинъ 1843 г. ч. 5-я) говоритъ, что этотъ Бѣлѣвцовъ былъ другомъ отца Г. Ѳ. Квитки.

тѣмъ отецъ Квитки началъ примѣтно ослабѣвать, видимо близиться ко гробу. Это обстоятельство безпрерывно стало нашептывать нѣжно-любящему и нѣжно-любимому сыну отцовскія слова: „Нѣтъ моего благословенія на то, чтобы ты былъ монахомъ“... „Пока будешь монахомъ, запрещаю ходить на мою могилу“... Конечно, повторяю, это была не единственная причина, хотя и довольно сильная для такой нѣжной натуры, какая была у Квитки. Несомнѣнно, что и удаленіе его въ монастырь было слѣдствіемъ нѣкоторой неудовлетворенности, которую онъ, можетъ быть, безсознательно, чувствовалъ въ кругу своихъ, въ кругу общества, не дававшаго пищи его натурѣ, не утолявшаго его духовной жажды. Теперь-же, сознавши, что и монастырская жизнь не удовлетворяетъ его души, онъ, побуждаемый родными и друзьями, очень легко разстается съ монастыремъ (въ 1804 г.) и даже впослѣдствіи самъ подсмѣивается надъ своимъ аскетизмомъ. Г. Данилевскій приводитъ пѣсню, сочиненную будто-бы Г. Ѳ. Квиткою, которая указываетъ на довольно насмѣшливое отношеніе автора къ своему прошедшему.

Вотъ эта пѣсня:

Прыйшовъ Грыць, зажурывсь,
Тай въ чепци пострысь.
Грыцю, Грыцю до роботы!
Въ Грыця порваны чоботы.

Грыцю, Грыцю, до телятъ!
Въ Грыця ниженьки болятъ.
Грыцю, Грыцю, робы хлибъ!
Акхи, акхи—щось охрыпъ.

Впрочемъ, А. Метлинскій помѣстилъ эту пѣсню во 2-мъ изданіи (Народныя южно-русск. пѣсни Кіевъ 1854 г., стр. 467), какъ народную, но безъ первыхъ двухъ стиховъ, въ которыхъ собственно и есть намекъ на монашескую жизнь. Хотя Г. Данилевскій говоритъ, что эта пѣсня впослѣдствіи стада народною, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ Г. Ѳ. Квитка воспользовался существующею народной пѣсней и только присочинилъ къ ней начало, примѣнивъ ее такимъ образомъ къ себѣ. Во всякомъ случаѣ, одинъ тотъ фактъ, что пѣсня распѣвалась пѣвчими брата Григ. Ѳеодоров. и не возбуждала его неудовольствія, показываетъ, что онъ самъ не прочь былъ пошутить надъ своимъ прошлымъ.

Нельзя однако думать, что, кромѣ шуточнаго отношенія къ своимъ прежнимъ религіознымъ влеченіямъ, у него не осталось ничего въ результатѣ; напротивъ, религіозность сохранилась у него до послѣднихъ дней жизни, а впечатлѣнія монастырской жизни дали отголосокъ въ лучшихъ его повѣстяхъ, представляющихъ типы, такіе нѣжные, исполненные религіозности, съ любвеобильнымъ сердемъ, какъ Маруся, Оксана, Ганнуся и др. Это не значитъ, впрочемъ, что авторъ отъ себя надѣлилъ эти типы такими чертами, не придерживаясь даже правдоподобія,—но онъ, благодаря своему личному душевному настроенію, могъ лучше понимать и чувствовать ту простонародную жизнь, которая такъ полна чистыхъ христіанскихъ идеаловъ, такъ способна на дѣлѣ показать примѣръ христіанскаго терпѣнія въ своемъ многострадальномъ быту.

Монастырская жизнь и вообще религіозныя влеченія, по словамъ Г. Данилевскаго, были также поводомъ къ написанію впослѣдстіи нѣкоторыхъ сочиненій церковно-историческаго содержанія, какъ напр. „Краткое описаніе жизни Преосвящ. Іосафа Горленка, Епископа Бѣлгородскаго“, издан. въ Кіевѣ въ 1836 г., „О св. мученицѣ Александрѣ-царицѣ“, помѣщен. въ „Звѣздочкѣ“ 1843 г. и „Краткая Священная исторія“, написанная на малорусскомъ языкѣ, но оставшаяся въ рукописи (1839) [1]). Что касается первой книги; то она намъ кажется представляющей сомнѣнія. Г. Данилевскій говоритъ, что видѣлъ подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяненка, съ помаркамм (стр. 122), и на этомъ основаніи считаетъ ее составленною Г. Ѳ. Квиткою (напечатана безъ имени автора); такого-же мнѣнія держится и г. Лазаревскій (Указатель источниковъ для изученія малор. края“, № 169). Но не вѣрнѣе-ли въ этомъ случаѣ указаніе г. Межова (Библіогр. Указат. Истор. Рус. и Всеобщ. Слов., № 9939), считающаго, что жизнеописаніе составлено Наркизомъ Квиткою; тѣмъ болѣе, что эта книга почему-то издана въ Кіевѣ, когда Г. Ѳ. Квитка могъ издать ее въ Харковѣ.

---

[1]) Объ этой послѣдней говоритъ К. Сементовскій въ стат. „Г. Ѳ. Квитка („Москвитянинъ“ 1843 г., ч. 5-ая, стр. 418), а М. Максимовичъ (см. дальше)

Про первые годы послѣ оставленія монастыря мы знаемъ немного; знаемъ только, что въ это время онъ понемногу привыкалъ къ свѣту, приглядывался къ окружающему, запасался той жизненной опытностью, которая такъ пригодна была ему потомъ для его литературныхъ и общественныхъ заботъ. Хотя онъ сначала и дичился общества, хотя и проводилъ время въ молитвѣ и въ исполненіи разнообразныхъ церковныхъ обязанностей, какъ-то благовѣстилъ къ обѣднѣ, ходилъ по селу съ церковными ключами и пр.,—однако мало-по-малу начала въ немъ проявляться жажда къ общественныхъ развлеченіямъ: онъ сталъ веселъ, развязенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ въ себѣ тотъ національно-украинскій юморъ, который нѣсколько позже обнаружился и въ литературныхъ произведеніяхъ. Эта перемѣна въ его характерѣ можетъ быть отчасти объяснена тѣмъ, что здоровье его значительно улучшилось, и хотя онъ потерялъ лѣвый глазъ отъ взрыва пороха во время приготовленія фейерверка [1]), но общее состояніе его физическихъ силъ было очень сносно, такъ-что когда въ 1806 году раздалась вѣсть о народномъ ополченіи, онъ еще разъ, и уже въ послѣдній, поступилъ въ военную службу, въ должность *провіантскаго коммисара провинціи*, которую и покинулъ послѣ полугодовой службы.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одной наново явившейся черты въ жизни Г. Ѳ. Квитки послѣ оставленія имъ монастыря: это—увлеченіе его сценой. Тогда еще въ Харьковѣ не было общественнаго театра, и потому Квитка выступалъ у себя на домашнемъ театрѣ, при чемъ—по словамъ А. Корсуна—„выбиралъ себѣ роли самыя трудныя, живыя и тонкія“... „Правда, les extremes se touchent, но все-таки и здѣсь видна эстетическая сторона его души“,—говоритъ А. Корсунъ, очевидно имѣя

указываетъ, какъ слухъ, что эта работа навѣяна была Преосвящ. Иннокентіемъ.

[1]) Исполняя волю самого Г. Ѳ. Квитки, не можемъ пропустить одной мелочной справки: это присутствіе въ немъ какой-то особенной страсти къ огню, о чемъ писалъ А. Корсунъ П. Данилевскому: „Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажжетъ, бывало, спичку да и пойдетъ съ нею по свѣчамъ. Онъ говорилъ: пусть мой біографъ не забудетъ этой странности“ (Данилевскій, стр. 121.

въ виду то противорѣчіе, которое обнаружилось въ рѣзкомъ переходѣ отъ роли аскета къ роли актера.

Съ 1807 по 1812-й годъ Г. Ѳ. Квитка не занималъ никакого оффиціальнаго положенія; но это были тѣ годы въ его жизни, въ которые началась его сознательная общественная дѣятельность, направленная въ разныя стороны. Способствовала этому и сама харьковская жизнь, значительно измѣнившаяся къ лучшему, благодаря открытію университета въ 1805 году. Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ этого момента въ жизни харьковскаго общества, такъ какъ желающіе ознакомиться съ нею могутъ прочесть нѣсколько любопытныхъ страницъ уже въ напечатанныхъ матеріалахъ, хотя-бы и въ сочиненіи Г. Данилевскаго „Украинская Старина“, а скажемъ только, что прежняя нравственная спячка харьковянъ замѣняется пробужденіемъ литературы и общественной жизни: открывается университетъ, устраивается благотворительное общество, начинается журнальная дѣятельность, которая по своему достоинству навсегда останется въ памяти, по крайней мѣрѣ въ Малороссіи.

Отзывчивая натура Г. Ѳ. Квитки сказалась въ томъ живомъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, которое обнаруживалось потомъ и во всю послѣдующую его жизнь. Ни одно дѣло, сколько нибудь съ оттѣнкомъ общественности, не оставалось безъ его участія. Такъ, мы видимъ его и директоромъ танцовальнаго клуба, гдѣ вначалѣ онъ бывалъ только въ качествѣ гостя, и директоромъ театра, и ревностнымъ работникомъ въ благотворительномъ обществѣ, и главнымъ устроителемъ института благородныхъ дѣвицъ, и, наконецъ, мы видимъ его, какъ литературную силу, участникомъ во всевозможныхъ журналахъ и альманахахъ какъ харьковскихъ, такъ и столичныхъ. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя частности изъ разныхъ сферъ этой его дѣятельности.

Въ 1812 году начались въ Харьковѣ правильныя сценическія представленія, т. к. возникъ постоянный городской театръ. Г. Ѳ. Квитка принялъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе, сначала какъ постороннее лицо, а позже—въ качествѣ директора театра. Это первое увлеченіе театромъ осталось въ немъ навсегда и сказалось въ его драмматическихъ произведеніяхъ, которыя по

своей сценичности, особенно украинскія комедіи, и до сихъ поръ могутъ считаться хорошими. Въ этотъ періодъ увлеченія сценическимъ искусствомъ Г. Ѳ. Квитка увлекся было одной актрисой и собирался уже жениться на ней, но просьбы родныхъ, особенно увѣщанія матери заставили его отказаться отъ этой мысли. Но не только увлекался онъ театромъ современнымъ и, такъ сказать, текущими событіями сцены,—онъ изучилъ также прошлую исторію харьковскаго театра, слѣдствіемъ чего и была впослѣдствіи напечатанная имъ статья „Исторія театра въ Харьковѣ“ (начиная съ 1780 года) [1]). Здѣсь читатель можетъ найти нѣсколько любопытныхъ страницъ, между прочимъ и объ извѣстномъ актерѣ М. С. Щепкинѣ. Директорство свое въ харьковскомъ театрѣ Г. Ѳ. Квитка покинулъ въ 1816 году, отвлекаемый другаго рода дѣятельностью, къ чему мы сейчасъ и обратимся.

„Въ душѣ его зародилось много филантропическихъ мыслей, которыя онъ желалъ привесть въ исполненіе“—такъ говоритъ о дѣятельности Г. Ѳ. Квитки въ тотъ періодъ А. Корсунъ въ указанныхъ уже нами его воспоминаніяхъ. Однимъ изъ такихъ филантропическихъ учрежденій было „Благотворительное Общество“, основанное въ Харьковѣ въ 1812 году „ревностнымъ его содѣйствіемъ“, какъ свидѣтельствуетъ А. Корсунъ. Не знаемъ, дѣйствительно-ли мысль объ основаніи этого общества принадлежитъ Г. Ѳ. Квиткѣ, но что онъ принималъ въ учрежденіи его самое близкое участіе, видимъ изъ письма его изъ Харькова (отъ 10 декаб. 1811 г.) въ „Вѣстникъ Европы“ съ приложеніемъ объявленія о предполагаемомъ въ слободско-украинской губерніи обществѣ благотворенія (Вѣстн. Евр. 1812 г., № 1, стр. 62). Н. П. Дашкевичъ въ своемъ почтенномъ трудѣ „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ [2]) дѣлаетъ поправку къ прежнимъ біографическимъ и библіографическимъ даннымъ о Квиткѣ, считая, что этимъ письмомъ начинается литературная дѣятельность Г. Ѳ.

---

[1]) Харьков. губерн. Вѣдомости 1841 г., № 2, 33 и 34, а также перепечатка ея въ Литературѣ Газетѣ 1841 г., № 114—115.

[2]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 299.

Квитки, связанная такимъ образомъ съ благотворительнымъ обществомъ; но вѣроятно Н. П. Дашкевичъ только руководствовался въ этой справкѣ „Указателемъ къ Вѣстнику Европы", составлен. г. Полуденскимъ, а лично самъ не заглянулъ въ это письмо, которое, состоя всего изъ нѣсколькихъ строчекъ, никакъ не можетъ быть названо литературнымъ произведеніемъ.

Будучи избранъ правителемъ дѣлъ въ этомъ Обществѣ благотворенія, Г. Ѳ. Квитка началъ со всѣмъ рвеніемъ стремиться къ выполненію главной задачи общества—доставить дѣтямъ бѣдныхъ малороссійскихъ дворянъ всѣ средства къ образованію. Для достиженія этой цѣли общество на свои средства содержало нѣсколькихъ мальчиковъ изъ дворянъ въ пансіонѣ, находившемся при Харьковской гимназіи; но для дочерей дворянскихъ никакихъ пансіоновъ тогда еще не было во всей Малороссіи, и потому Г. Ѳ. Квитка, какъ свидѣтельствуютъ всѣ біографы его, первый поднялъ голосъ въ пользу учрежденія въ Харьковѣ института для благородныхъ дѣвицъ.

Позаимствуемъ нѣсколько данныхъ объ этой крупной страницѣ въ дѣятельности Г. Ѳ. Квитки изъ рѣчи Д. Георгіевскаго, сказанной 1-го іюня этого года на актѣ въ Харьковскомъ институтѣ и составленной по архивнымъ институтскимъ матеріаламъ [1]). Въ задачи „Общества благотворенія" входило: „по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представится или обществомъ откроется человѣкъ, какого-бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства".

Такъ какъ въ понятіе о призрѣніи входило тогда дѣло воспитанія и обученія, въ особенности лицъ женскаго пола, то въ первомъ-же своемъ засѣданіи, благодаря вниманію одного изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, извѣстнаго малороссійскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, общество объявило, что „сверхъ другихъ распоряженій къ облегченію участи неимущихъ, оно обратило вниманіе и на дѣвицъ благородныхъ фамилій, по бѣдности лишенныхъ способовъ къ полученію образо-

[1]) Отрывокъ изъ рѣчи напечатанъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ" № 140.

ванія, приличнаго званію ихъ. Посему и рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый случай 20 дѣвицъ дворянскихъ фамилій изъ бѣднаго состоянія". Тогда же была между дворянами подпискою собрана сумма въ 7,000 руб. и съ этими деньгами Г. Ѳ. Квитка разсчитывалъ покрыть первоначальные расходы по институту. Испрошено было Высочайшее соизволеніе на учрежденіе этого учебно-воспитательнаго заведенія и на назначеніе совѣта для управленія имъ. Самый актъ открытія института былъ подписанъ 27 іюля 1812 г. а торжественное открытіе его послѣдовало 16 августа того-же года.

Хотя первоначально на устройство института было собрано всего 7000 р., а между тѣмъ все содержаніе института было опредѣлено на первый же годъ въ 14,104 р., тѣмъ не менѣе это обстоятельство не послужило препятствіемъ къ открытію института въ такомъ видѣ и съ тѣми цѣлями, о которыхъ было сказано раньше.

Первые 5 лѣтъ институтъ содержался, благодаря только тому, что профессора университета, профессора духовнаго коллегіума, учителя гимназіи и духовнаго училища преподавали даромъ. Суммы-же для покрытія неотложныхъ издержекъ Г. Ѳ. Квитка, которому съ самаго начала было ввѣрено главное управленіе институтомъ, давалъ изъ своихъ средствъ, истративъ на это почти все свое состояніе.

Съ 1812 по 1816 г., когда послѣдовалъ первый выпускъ, въ институтѣ, кромѣ 20 штатныхъ воспитанницъ, было 40 пансіонерокъ, изъ которыхъ 28 на полномъ содержаніи, 6 полупансіонерокъ и 6 приходящихъ.

Послѣ перваго выпуска многіе родители желали помѣстить своихъ дочерей, но помѣщеніе было такъ тѣсно, что могло быть принято только 15. Г. Ѳ. Квитка сталъ собирать деньги на пріобрѣтеніе для института собственнаго дома. Въ концѣ года совѣтъ купилъ землю и съ будущей весны рѣшилъ приступить къ постройкѣ каменнаго зданія. Несмотря на всѣ старанія совѣта, пожертвованій на домъ поступало мало. Въ изысканіи средствъ совѣтъ главную надежду возлагалъ на то, что чело-

вѣколюбивый Монархъ при первомъ дошедшемъ до него свѣдѣніи дастъ институту способъ умножить число воспитанницъ.

Совѣтъ общества рѣшилъ ходатайствовать предъ Императрицею о принятіи института подъ Свое покровительство и начальство. Такъ какъ институтъ отдѣлялся отъ общества благотворенія, то въ чрезвычайномъ его засѣданіи былъ избранъ первый совѣтъ института: предсѣдателемъ его былъ избранъ харьковскій губернскій предводитель дворянства подполковникъ А. Ѳ. Квитка, членами: харьковскій уѣздный предводитель дворянства капитанъ Г. Ѳ. Квитка, совѣстный судья поручикъ Лосевъ, для завѣдыванія же учебной частью—титулярный совѣтникъ Зарудный, бывшій студентъ Харьковскаго университета.

22 апрѣля 1818 г. Императоръ утвердилъ совѣтъ, а 10 мая 1818 г. послѣдовало торжественное открытіе Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ".

Какъ видно изъ всего этого, участіе Г.Ѳ. Квитки не было только внѣшнимъ; онъ вложилъ въ институтъ всю свою энергію первыхъ лѣтъ общественной дѣятельности, все свое состояніе, и даже свою литературную дѣятельность началъ онъ статьями объ институтѣ въ 1816 г. [1]). Статьи эти были напечатаны съ полной подписью автора и заключаютъ въ себѣ отчеты объ институтѣ и благотворительномъ обществѣ, но не сухо написанные, а съ очень частыми восторженными обращеніями къ институткамъ. Судьба устроила такъ, что и послѣднее сочиненіе Квитки было тоже съ посвященіемъ институту, именно статья его подъ заглавіемъ „О святой мученицѣ Александрѣ—царицѣ".

Привязанность его къ институту была такъ велика, что даже избраніе его въ 1817 году въ должность уѣзднаго предводителя дворянства не отвлекло его отъ занятій по институту, гдѣ онъ оставался до 1821 года.

Съ институтомъ тѣсно связана для Г. Ѳ. Квитки и его женитьба. Женился онъ въ 1821 году на классной дамѣ институтской, Аннѣ Григорьевнѣ Вульфъ, которая была лучшимъ его другомъ, совѣтникомъ и даже критикомъ до самой его кончины.

---

[1]) Украинскій Вѣстн. 1816 г. № 1, 4 и 5.

Для доказательства можно привести выдержки изъ письма племянника его, Валеріана Андреевича Квитки, къ Г. Данилевскому.

„Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ на одной изъ классныхъ дамъ... Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института и сблизился съ будущею своею женою... Здѣсь нашелъ онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ... Болѣе симпатической подруги онъ не могъ найти. Жена его была умная, образованная, но некрасивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго..." И далѣе: „Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, не тревожимый никѣмъ, и только подъ вечеръ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ совѣтовался, слѣпо довѣрялъ ея мнѣніямъ, а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ."

Самъ Квитка въ письмѣ къ П. А. Плетневу пишетъ: „Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что „Щирая любовь" интереснѣе „Маруси..." Я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить, или оставить и приподняться; она то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій". Или, въ другомъ письмѣ: „Никогда я не думалъ писать что либо! Читаемое не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ-же занятія пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устраивалъ [illegible] тутъ, боролся съ мнѣніями, предразсудками и понятіями велъ дѣло къ концу,—и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйстр

противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ всѣ мои труды, и тутъ-то, посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать!“ (Данил. стр. 255).

И дѣйствительно, мы видимъ даже въ Аннѣ Григорьевнѣ литературнаго защитника своего мужа. Плетневъ назвалъ „Галочку“ [1]) существомъ неземнымъ. Анна Григор. по этому поводу пишетъ ему слѣдующее: „Почему Вы находите, что Галочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что Вы такъ думаете, что бы въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ. Я васъ могу, увѣрить, что Галочка существовала, и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его“. Много можно было-бы указать мѣстъ изъ писемъ, показывающихъ какъ взаимныя отношенія супруговъ Квитокъ, такъ и то вліяніе, которое имѣла Анна Григорьевна на своего мужа. Достаточно будетъ указать еще на то, что лучшія повѣсти Квитки („Маруся“, „Сердешна Оксана“), посвящены Аннѣ Григорьевнѣ.

Изъ другихъ общественныхъ дѣлъ Григорія Федор. нельзя не упомянуть его участія въ открытіи кадетскаго корпуса, который предположено было основать въ Харьковѣ, и который потомъ былъ переведенъ въ Полтаву, а также участія въ устройствѣ Публичной Библіотеки. Но главная заслуга Григ. Ѳедор.—его литературная дѣятельность, въ особенности какъ украинскаго писателя,—поэтому перейдемъ теперь къ обозрѣнію его трудовъ, помѣщавшихся въ разное время въ разныхъ журналахъ.

Какъ уже было сказано раньше, первою литературною работою Григ. Федор. были его статьи объ институтѣ, помѣщенныя въ вновь открывшемся въ Харьковѣ первомъ журналѣ

---

[1]) Героиня драмы „Щира любовь“, переведенной на русскій языкъ самимъ авторомъ. Совр. 1839 г. № XVI.

„Украинскій Вѣстникъ.“ Журналъ этотъ началъ издаваться въ 1816 г. и продолжался въ теченіе трехъ лѣтъ Квитка во все это время появляется съ своими статьями, то съ подписью своей настоящей фамиліи, то съ псевдонимомъ Ѳалалея Повинухина въ юмористическихъ статьяхъ, которыя производили въ свое время фуроръ среди харьковской публики. Не только въ качествѣ сотрудника явился здѣсь Квитка, но въ 1817 г. и въ качествѣ издателя, хотя скоро онъ отказался отъ участія въ издательствѣ, отговариваясь избраніемъ въ новую должность предводителя дворянства.

Почти одновременно съ началомъ изданія „Украинскаго Вѣстн.“, журнала болѣе серьезнаго, появился въ Харьковѣ и другой журналъ, юмористическій, — „Харьковскій Демокритъ“, который впрочемъ просуществовалъ недолго и въ томъ-же году прекратился; но Григор. Ѳедор. и тутъ явился въ качествѣ сотрудника, помѣстивши нѣсколько довольно плохенькихъ стихотвореній, за которыя конечно винить его нельзя, такъ-какъ онъ совершенно былъ не способенъ къ стихотворству, а между тѣмъ, по обычаю тѣхъ временъ, считалъ себя обязаннымъ писать стихи. Вспомнимъ, что не такъ давно минуло время, когда мало-мальски грамотный человѣкъ считалъ своей обязанностью подарить публику хоть нѣсколькими стихотвореніями. Къ этому-же времени относятся и нѣкоторыя изъ ненапечатанныхъ его произведеній, впервые опубликованныхъ Г. Данилевскимъ. Цѣна ихъ таковаже, какъ и вышеупомянутыхъ. Стоитъ развѣ упомянуть о „Маршѣ“, сочин. въ 1817 г. съ музыкой и объяснительнымъ текстомъ. По *свидѣтельству знатоковъ*, *музыка* довольно сносна.

И такъ, мы видимъ, что первые литературные опыты Г. Ѳ. Квитки совпали съ появленіемъ въ Харьковѣ своей мѣстной журналистики, хотя въ нихъ и намека еще не было на то національно-украинское теченіе, которымъ такъ прославился онъ впослѣдствіи. Это была дань съ его стороны обще-литературному настроенію, рѣзко отмѣчаемому въ харьковской жизни въ началѣ текущаго столѣтія: тутъ устраиваются и литературные вечера въ частныхъ домахъ; тутъ возникаетъ, какъ мы видѣли,

первый мѣстный журналъ „Украинскій Вѣстникъ“; тутъ-же вскорѣ возникаетъ и второй журналъ „Харьковскій Демокритъ“,— и вездѣ принимаетъ участіе Г. Ѳ. Квитка, хотя и отказавшійся отъ соредакторства своего въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ въ 1817 году по случаю избранія своего уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но выступавшій все-же со своими статьями объ институтѣ, со своими сатирическими письмами и даже со своими весьма слабыми стихотвореніями.

Когда прекратилось изданіе Украинскаго Вѣстника, Г. Ѳ. Квитка перенесъ свою дѣятельность въ „Вѣстникъ Европы“, издававшійся тогда М. Каченовскимъ. Писанія его здѣсь, начавшіяся въ 1820 г. и окончившіяся въ 1822 г., ограничились рядомъ статей подъ заглавіемъ „Письма къ Лужницкому старцу“ и нѣсколькими малороссійскими анекдотами, которые Г. Даниловскій приписываетъ перу Квитки, т. к. тема ихъ взята изъ слободско-украинской жизни, а также и на томъ основаніи, что въ одномъ письмѣ Снегирева къ Квиткѣ говорится: „анекдоты Ваши изъ малороссійскихъ пословицъ я читалъ“ [1]). Что-же касается писемъ къ Лужницкому старцу, то надо замѣтить здѣсь, что появились они, будучи случайно вызваны рядомъ статей, помѣщенныхъ раньше въ томъ-же журналѣ за подписью „Лужники“ и носившихъ заглавія: „Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника“ (1818 г., № 13) и „Записки Лужницкаго Старца“ (1818 г., № 20 и 22). Это обращеніе къ издателямъ Украинскаго Вѣстника и дало поводъ Г. Ѳ. Квиткѣ впослѣдствіи, перенося свое сотрудничество въ „Вѣстникъ Европы“, вспомнить этотъ псевдонимъ Лужницкаго Старца и въ № 5 1820 года помѣстить первую свою статью подъ указаннымъ уже заглавіемъ и за подписью „Аверьянъ любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ“, что, какъ было сказано раньше—имѣетъ отношеніе къ ранней службѣ его въ департаментѣ герольдіи. Письма эти къ Лужницкому Старцу, по тону своему очень напоминая письма Ѳалалея Повинухина

[1]) Даниловскій..., стр. 53.

(въ Украинск. Вѣстн.), тянулись въ „Вѣстникѣ Европы нѣсколько лѣтъ и имѣли разныя подписи: *Шестериковъ, Юноша Бѣлаго города, №№ и др.*, а въ 1822 г.—опять подпись *Ѳалалей Повинухинъ*.

Затѣмъ наступаетъ довольно большой перерывъ въ его литературной дѣятельности, такъ какъ до 1828 г. ничего нигдѣ не было имъ напечатано, да и въ 1828 году только были помѣщены одни стихи „Каламбуръ" въ альманахѣ „Опытъ русской анѳологіи Мих. Яковлева. Такое молчаніе его, по словамъ Г. Сементовскаго [1]), объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что до 1829 г. онъ постоянно былъ выбираемъ предводителемъ дворянства харьковскаго уѣзда, а потому за служебными дѣлами не могъ предаваться литературѣ. Но и дальнѣйшая жизнь его, начиная съ 1832 г. до самой смерти, проходила въ занятіяхъ служебными дѣлами, сначала въ должности совѣстнаго судьи г. Харькова (до 1840 г.), а затѣмъ въ должности предсѣдателя харьковской палаты уголовнаго суда. Скорѣе можно думать, что перерывъ этотъ произошелъ вслѣдствіе личнаго сознанія, что не тотъ родъ литературы, который онъ преслѣдовалъ до сихъ поръ, былъ ему по плечу; можетъ быть, въ это время онъ какъ-разъ подыскивалъ ту колею, по которой такъ удачно прошелъ остальной свой жизненный путь; можетъ быть, въ это время заготовлялся имъ матеріалъ для его работъ, которыя и не замедлили появиться въ огромномъ количествѣ. Нельзя также не обратить вниманія и на то вліяніе, которому подпалъ онъ женившись въ 1821 году, т. к. самъ онъ, какъ мы видѣли, признавалъ, что Анна Григорьевна первая возбудила въ немъ охоту стать вполнѣ литературною личностью.

Послѣ этого длиннаго перерыва мы встрѣчаемся раньше всего съ піесами драмматическими Г. Ѳ. Квитки, изъ которыхъ однѣ по достоинству могутъ быть названы хорошими, а другія даже слабыми. Вообще имя его, какъ писателя, создалось не драмматическими произведеніями. Остановимся прежде всего

---

[1]) Москвит. 1843 г. ч. V-я, стр. 417.

на одномъ его драмматич. произведеніи, хотя напечатанномъ только въ 1840 г:, но на заглавномъ листкѣ котораго находится надпись: писано въ 1827 году. Комедія эта—„Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ", она была поводомъ многихъ толковъ, такъ-какъ по сюжету своему очень напоминаетъ „Ревизоръ" Гоголя, хотя и появившагося въ свѣтъ раньше этой комедіи, но написаннаго позже. Толки, ходившіе среди литераторовъ, были двухъ родовъ: одни предполагали въ Квиткѣ соперничество съ Гоголемъ, другіе—заимствованіе Гоголемъ сюжета у Квитки. Г. Данилевскій приводитъ слѣдующій любопытный фактъ. Когда появилась комедія „Ревизоръ", Квитка собралъ знакомыхъ своихъ, прочелъ сперва по тетрадкѣ свою комедію, а потомъ напечатаннаго Ревизора. Гости изумлены были сходствомъ послѣдняго съ комедіей Квитки и порѣшили, что „Ревизоръ" есть заимствованіе. Съ другой стороны, ходили толки, будто Квитка напечаталъ свою комедію ради соперничества съ Гоголемъ; но предполагать этого нельзя, такъ какъ Квитка долженъ былъ сознавать, что, не смотря на однообразный сюжетъ, его „Пріѣзжій изъ столицы" по художественности и обработкѣ значительно уступаетъ „Ревизору". Въ доказательство такого сознанія приведемъ отрывки изъ писемъ его къ П. Плетневу. „Вы, я думаю, видѣли въ „Пантеонѣ" мою комедію. Она точно написана давно, была у меня брошена, попала вовсе безъ цѣли въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ „Пантеонъ". Я недоволенъ ею, а нѣкоторыя, хотя и ничтожныя выходки противъ нѣкоторыхъ, мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрогивать"!—Или въ другомъ письмѣ: „Прискорбно мнѣ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть черезъ комедію какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ, и если-бъ это предвидѣлъ, вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи. Соперничать съ кѣмъ нибудь никогда не помышлялъ, и если-бъ узналъ, что кѣмъ написанное—въ родѣ подобномъ моему, то скорѣе всего пріостановился-бы и бросилъ свое" [1]).

---

[1]) Данилевскій..., стр. 108—109.

Такъ писалъ онъ въ 1840 г., когда уже можно было относиться спокойно къ этому вопросу. Но не такъ, должно быть, относился авторъ „Пріѣзжаго изъ столицы“ въ 1836 г., когда онъ послалъ свою комедію къ Загоскину, директору москов. театра, прося его, поставить ее на сцену, для того чтобы показать публикѣ сходство его комедіи съ „Ревизоромъ“ Гоголя. Вотъ что пишетъ въ отвѣтъ М. Н. Загоскинъ отъ 10 ноября 1836 г. „Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію „Пріѣзжій изъ столицы“, которую вамъ угодно было при вашемъ письмѣ доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и если-бъ я получилъ ее прежде, чѣмъ Ревизоръ былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непремѣнно принята; но такъ-какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та-же, какъ и въ Ревизорѣ Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда черезвычайно строга къ подражаніямъ, а увѣрить ее едвали будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи Гоголя“ [1]).

Г. Данилевскій удачно распутываетъ этотъ вопросъ, во 1-хъ, указавъ на рукопись этой комедіи, процензурованную предсѣдателемъ Москов. цензур. комит. Сергѣемъ Аксаковымъ въ 1827 году, а во 2-хъ, напечатавъ письмо Сергѣя Аксакова, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что Гоголь слышалъ о комедіи „Пріѣзжій изъ столицы“, но самъ не читалъ ее. Откуда-же подобное сходство? „Изъ всего этого, говоритъ Г. Данилевскій можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ въ Россіи“ [2]).

Вскорѣ послѣ комедіи „Пріѣзжій изъ столицы“, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1829 года, являются въ печати отдѣльными книжечками 3 комедіи Г. Ѳ. Квитки: „Дворянскіе выборы“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ; „Дворянскіе выборы. Часть вторая, или: Выборъ исправника“, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и „Шельменко, волостной писарь“. Комедія въ 3-хъ

---

[1]) Данилевскій..., стр. 113.

[2]) Тамъ-же, стр. 57.

дѣйствіяхъ. Но не эти комедіи составляютъ славу нашего писателя: хотя его драматическія произведенія, особенно украинскія, хороши, но конечно значительно уступаютъ его украинскимъ повѣстямъ. Въ предисловіи къ его драмматич. сочиненіямъ читаемъ такой отзывъ о нихъ г. Кулиша: „О достоинствѣ драматическихъ сочиненій Квитки нѣтъ надобности распространяться. Довольно сказать, что онъ изображалъ нравы и обычаи, очень хорошо ему извѣстные, не вдаваясь въ идеализацію, свойственную писателямъ его времени. Исторія провинціальной жизни найдетъ въ его пьесахъ обильные матеріалы для возсозданія общихъ понятій, убѣжденій и привычекъ. Драматич. сочиненія Квитки гораздо слабѣе его украинскихъ повѣстей, но провинціальные театры наши долго были заняты ими почти исключительно. Своими насмѣшками надъ кривосудіемъ, надъ барскою спесью, надъ пошлостью помѣщичьей жизни Квитка опередилъ Гоголя, хотя остался далеко позади его по художественности выполненія своихъ концепцій [1]).

Въ періодъ времени съ 1832 г. по 1837 г. было напечатано нѣсколько произведеній Квитки, изъ которыхъ повѣсть „Харьковская Ганнуся“, была напечатана Погодинымъ въ русскомъ переводѣ съ пропусками, при чемъ не упомянуто даже имени автора [2]). Въ примѣчаніи къ повѣсти сказано: „Я получилъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малороссіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ пересказать ихъ по своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое. Слѣдовательно, автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе, а за разсказъ отвѣтственность падаетъ на меня“ [3]). Эта повѣсть въ 1839 году была издана въ Харьковѣ отдѣльной книжкой въ полномъ видѣ, и оказалось, что сокращенія М. Погодина только были въ ущербъ достоинству, хотя современная критика признала и эту полную повѣсть гораздо слабѣе другихъ украинскихъ повѣстей, а именно: „*Ганнуся*“, соч. Основьяненка—не новость; она была уже напечатана въ

[1]) Драмат, соч. Квитки. 1862 г. т. 1, стр. 1. (Отъ издателя).

[2]) Телескопъ за 1832 г., ч. VII-я.

[3]) Укр. Стар. Данил., стр. 53.

журналѣ, а теперь только издана книжкою отдѣльно. Намъ кажется, что она не изъ лучшихъ произведеній умнаго и милаго малорос. разскащика" [1]). Вслѣдъ затѣмъ появились еще въ альманахѣ „Утренняя звѣзда" 1833 г. „Суплика до пана издателя", „Украинское утро" и „Солдатскій патретъ"; и отдѣльной книжкой „Сватанье на Гончаривци", малороссійская опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Харьковъ 1836 г. Эти повѣсти впервые появились съ именемъ „*Основьяненка*", и съ этого времени большая часть его сочиненій подписана этимъ именемъ. Въ литературной сферѣ его почти не знаютъ, какъ Квитку, чему доказательствомъ можетъ служить удивленіе Бѣлинскаго, высказанное имъ по поводу того, что на повѣсти „Сердешна Оксана" онъ прочелъ посвященіе „Любій моій жинци Анни Григорьевни Квитка"; „изъ этого видно", говоритъ Бѣлинскій, „что Основьяненко и Квитка—одно и тоже лицо" [2]). Въ статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, напечат. послѣ смерти (въ Москвит. 1849 г. № 20, кн. 11-я), Квитка объясняетъ свой псевдонимъ такъ: „Написавъ нѣсколько повѣстей на малор. языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего прозвища, принимать другое или по имени отца, или по мѣсту жительства,—взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ Основѣ, и такъ, да буду Основьяненко,—и пошелъ такъ писаться".

Въ это время Основьяненко подготовлялъ сборникъ своихъ украинскихъ повѣстей, которыя вышли въ свѣтъ въ 1837 году въ двухъ частяхъ. Вотъ эти повѣсти: „Салдацькій патретъ", „Маруся", „Мертвецкій Велыкдень", „Добре робы, добре й буде", „Конотопська видьма", „Отъ тоби й скарбъ". Повѣсти эти доставили автору полнѣйшую извѣстность, такъ какъ въ нихъ открылся тотъ именно талантъ, которому суждено было такъ долго лежать подъ спудомъ. Припоминаются слова Кулиша, сказанныя имъ по поводу новаго изданія повѣстей Квитки [3]): не такъ поведенъ былъ онъ съизмала, не такими людьми былъ окруженъ,

---

[1]) Сынъ Отеч. 1839 г. т. XI, отд. IV стр. 47.

[2]) Бѣлинск. Т. 5, стр. 306.

[3]) Сов. 1858 г.

что-бы его природный поэтическій даръ расцвѣлъ въ свое время и съ каждымъ годомъ усиливался. Онъ самъ не зналъ, какія у него крылья, не распускалъ онъ ихъ на всю ширину, не смѣлъ подняться выше своего обыденнаго дѣла. Квитка родился эпическимъ поэтомъ;долго долженъ былъ онъ, самъ того не зная, совершенствовать свою мысль, пока она получила силу явиться въ словесномъ образѣ, ясномъ для всякаго. У него явилось святое желаніе сказать святое слово о тѣхъ людяхъ, которые не на книгахъ воспитались. Затронулъ онъ жизнь простого народа, взялъ сюжетомъ своихъ повѣстей неграмотнаго, темнаго хлѣбопашца, взялъ его живаго, какъ онъ есть,—родича своего по происхожденію, и заговорилъ о немъ на его-же языкѣ". Не останавливаясь на подробномъ обзорѣ критическихъ отзывовъ объ этой сторонѣ литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитки, мы приведемъ только болѣе характерные и компетентные изъ нихъ. Вотъ слова И. И. Срезневскаго изъ письма его къ редактору „Москвитянина", написаннаго по поводу смерти Григорія Ѳедоровича: „Худо-бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто-бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разскащика—наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; не въ этомъ однако его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованія моды, что-бы пробудить въ немъ охоту читать и учиться, и любовію къ книгѣ—душевное сознаніе. Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художеста, п. ч. художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой

и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ на Украйнѣ“ [1]). Или вотъ какъ писалъ рецензентъ „Маяка“ (1840 г., т. I, ч. 2-ая): „Дѣло рѣшенное: никто не пишетъ повѣсти такъ превосходно по русски, какъ Основьяненко пишетъ ихъ по малороссійски. Этотъ человѣкъ просто засѣлъ въ самую сердцевину человѣческаго сердца и за какую жилочку захочетъ, за ту васъ и потянетъ. Въ этой удивительной простотѣ столько силы и красотъ, что даже въ переводѣ ихъ еще много остается, не смотря на то, что Основьяненко, какъ и все истинно-оригинальное, не переводимъ. Малороссійскій языкъ имѣетъ свои колера, заимствующіе свою игру, живость, яркость и блескъ отъ мѣстнаго быта, природы и свойства самихъ людей; эти колера непремѣнно теряютъ свою свѣжесть и блескъ подъ русскимъ свѣтомъ и атмосферой, а все таки Основьяненко удивительно хорошъ и въ переводѣ“. Большинство критиковъ, современныхъ Основьяненку, признавали это, признавали, что насколько онъ былъ великъ въ своихъ украинскихъ разсказахъ изъ народной жизни, настолько часто былъ слабоватъ въ своихъ русскихъ повѣстяхъ. Позволяемъ себѣ привести еще одну выдержку изъ критики помѣщенной въ „Современникѣ“, что-бы съ этимъ вопросомъ покончить совершенно: „Между современными писателями повѣстей, авторъ, принявшій на себя имя Грицька Основьяненка, безъ сомнѣнія одинъ изъ первыхъ талантовъ, даже и не въ Росссіи только. Природа надѣлила его такою тонкою наблюдательностію характеровъ, странностей и всѣхъ сторонъ жизни, что прекрасное родится подъ его перомъ безъ малѣйшаго усилія. Въ то-же время великій критикъ въ собственномъ трудѣ своемъ... Изображая простонародный бытъ—этотъ камень преткновенія для самыхъ счастливыхъ писателей,—онъ черты не внесетъ лишней и ни однимъ словомъ не повредитъ обольщенію. Мало того: его сцены—веселыя, смѣшныя, даже каррикатурныя—нигдѣ не переходятъ въ излишество и никогда не теряютъ истиннаго интереса... Его Маруся въ сво-

[1]) Москвитян. 1843 г. ч. IV стр. 503.

емъ родѣ такое-же совершенство, какъ и всякое изъ безсмертныхъ созданій чудной древности [1]). И дѣйствительно, разсказываютъ много случаевъ, что читавшіе въ то время „Марусю“ Основьяненка, не могли удержаться отъ слезъ. Самъ онъ гордился своимъ произведеніемъ: много можно-бы привести мѣстъ изъ его переписки, гдѣ онъ высказывается по поводу *Маруси*. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ: „По случаю былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе неспособенъ. Знавъ его удобство, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малорос. яз. можно растрогаться“. Или: „Живя въ Украйнѣ, пріучаяся къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена Маруся и другія, п. ч. писаны съ натуры, безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая Марусю, Галочку (Щира любовъ) и пр., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все“ [2]). Сказанное до сихъ поръ можно бы продолжить и далѣе, перебирая остальныя повѣсти Григор. Ѳедоров., но, не имѣя намѣренія вдаваться въ полный критическій разборъ произведеній Г. Ѳ. Квитки, я не сдѣлаю этого, а укажу только на ту живучесть типовъ во всѣхъ повѣстяхъ его, которая очень рѣзко бросается въ глаза. Вообще, простонародная жизнь болѣе способна къ сохраненію своихъ природныхъ качествъ, нежели жизнь высшихъ слоевъ общества. Поэтому, очень часто талантливыя произведенія, затрогивающія жизнь образован. общества, скоро старѣются, по мѣрѣ измѣненія идеаловъ, по мѣрѣ вырожденія стараго типа; маломальски-же сносно составленная народная повѣсть остается долго живою, современною. Такими именно и являются всѣ повѣсти Основьяненка.—Нельзя однако пройти

[1]) Современ. 1838 г. т. 12-й стр. 64—66.

[2]) Данилевск. стр. 90—91.

молчаніемъ и тотъ фактъ, что были мнѣнія объ Основьяненкѣ совершенно противоположныя. Отмѣтимъ для примѣра мнѣніе нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, который, какъ извѣстно, долго смотрѣлъ на народную словесность съ недоступной вышины своей эстетической критики и который по поводу оперетки Основьяненка „Сватанье на Гончаривци высказался такъ: „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка, слѣдственно—нужно много таланта, чтобы ее идеализировать". И далѣе.—„Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то-же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило" [1]).

Я остановился на украинскихъ повѣстяхъ въ этомъ именно мѣстѣ, что-бы въ дальнѣйшемъ изложеніи не затрогивать болѣе значенія Квитки какъ украинскаго писателя, хотя въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ является все съ болѣе и болѣе развивающимся талантомъ въ этомъ направленіи. Повторяю, цѣльмоя—не критика его сочиненій, а только воспоминаніе о его личности и литературныхъ заслугахъ. Послѣ 1837 года журналы столичные и разнаго рода альманахи наперерывъ запрашивали его въ свои изданія, и мы видимъ его участникомъ до конца жизни въ „Современникѣ", въ „Отечественныхъ запискахъ", въ „Маякѣ", въ „Пантеонѣ" въ „Москвитянинѣ" въ „Литературной газетѣ", въ „Харьковскихъ губер. вѣдомостяхъ", а также во многихъ альманахахъ—„Ластовка", „Молодикъ", „Сказка за сказкой", „Кіевлянинъ"—и пр. Тутъ были и украинскія повѣсти и комедіи, и русскія повѣсти (особенно много переводовъ его украинскихъ повѣстей), и научныя изслѣдованія о родной его Украинѣ, преимущественно Слободской.

Изъ украинскихъ сочиненій этого времени болѣе другихъ выдавались: „Козирь-дивка", переведенная потомъ порусски, „Шельменко-деньщикъ", комедія въ 5 дѣйствіяхъ, передѣланная изъ его-же русской повѣсти „Украинскіе дипломаты", напечатанной раньше; „Пархимове снидання". „Сердешна Оксана",

[1]) Бѣлинск. Т. 5, стр. 305 и 306.

переведенная въ Парижѣ въ 1854 г. на французскій языкъ. Большая часть этихъ и преждеупомянутыхъ украинскихъ произведеній была переведена на русскій языкъ, то самимъ авторомъ, то другими лицами. Самъ Квитка доставилъ переводъ слѣдующихъ своихъ повѣстей: Маруся, Конотопская вѣдьма, Вотъ тебѣ и кладъ, Мертвецкій Великъ-день, Дѣлай добро, добро и тебѣ будетъ, Вотъ любовь. Но переводы эти, какъ уже было сказано, представляли слабую копію подлинниковъ, и потому неудивительно, что критика напустилась на нихъ. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ самъ авторъ въ письмѣ своемъ къ Плетневу: „Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски, и совершенно по-русски, точно, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, и что-же? Малороссы не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ красотъ малорусскихъ оборотовъ“. И далѣе: „Также точно вы видите, что я не могу по нынѣшнему писать очищеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ малороссійскій“ [1]). Вотъ разъясненіе неудачи русскихъ повѣстей. А критики нападали и въ крайнемъ случаѣ сожалѣли, что Основьяненко не пишетъ порусски [2]).

Этимъ же отчасти можно объяснить и не вполнѣ удачное изображеніе типовъ въ его оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ, которыхъ появлялось тоже довольно много, прибавивъ еще къ этому, что типы эти не были ему хорошо знакомы. И хотя Г. Ѳ. Квитка въ статьѣ о своихъ сочиненіяхъ и писалъ: „Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благоприличіе... Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразован-

---

[1]) Данилевскій стр. 92—93.

[2]) Бѣлин. т. 5 стр. 305—306 и Современ. 1838 г. т. 12-й стр. 65.

ныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу. Вотъ и выходятъ мои Маруси, Оксаны, Наумы“ [1])....,—хотя, говорю, и писалъ это Квитка но не оставался вѣренъ себѣ, а принимался за описаніе и не только народныхъ типовъ. Поэтому его „Панъ Халявскій“, „Похожденіе Столбикова“ и многія другія не встрѣтили въ публикѣ большого сочувствія, а въ критикѣ—страшные нападки. Въ письмахъ Г. Ѳ. Квитки къ Плетневу не разъ встрѣчаемъ мы указанія на эти нападки; его это мучило, особенно мучило то, что критики иногда черезчуръ уже далеко заходили въ своихъ шуткахъ. Для образчика приведемъ нѣкотор. отзывы о его русск. повѣстяхъ. Напримѣръ, въ Библіотекѣ для чтенія“ [2]) по поводу романа „Похожденія Столбикова“ читаемъ: „Такого языка нѣтъ и у Бальби, въ его Атласѣ всѣхъ возможныхъ языковъ. Онъ не похожъ даже и на малорусскій языкъ, самый непохожій на русскій изъ всѣхъ языковъ. Говорятъ, будто въ Малороссіи его называютъ нашимъ языкомъ русскимъ. Мы торжественно отъ него отрекаемся! Мы вовсе не принимаемъ этого гибридскаго языка!“ И далѣе: „Эти похожденія не что иное, какъ тяжелое подражаніе тяжелымъ романамъ покойной школы Жилъ-Блаза. Есть даже мѣста, безъ церемоніи выписанныя изъ Лесажа, мѣста, въ которыхъ все заимствовано у этого писателя, исключая главнаго что составляетъ романъ, то-есть, исключая слога“. Или въ другомъ мѣстѣ того-же журнала [3]): „Есть разнаго рода остроумія болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ 6 сосѣдей и т. д. все это можетъ казаться очень за-

[1]) Москвит. 1849 г. т. 20, книга 11-я стр. 333-я.

[2]) 1841 г. т. 48 отд. VI-й, стр. 43—46.

[3]) 1841 г. № 1.

мысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе". И далѣе въ такомъ-же родѣ. Бѣлинскій, не отрицая дарованія и таланта Основьяненка, по поводу „Столбикова" писалъ: „Не понимаемъ, что за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ Основьяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни, и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ собственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ". Или: „Столбиковъ Основьяненка не потому, видите, дуракъ, что родился дуракомъ, не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу; даже не потому что мошенникъ-опекунъ съ умысломъ дурно воспитывалъ его; а потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у француза Филу" [1]). Нѣсколько съ большимъ снисхожденіемъ отнеслись къ его роману „Панъ Халявскій", но и этотъ типъ собственно былъ не по немъ; да и задумалъ онъ его не по собственной иниціативѣ, а по порученію Жуковскаго что мы видимъ изъ письма Квитки къ Плетневу: „Въ Отеч. зап. явится скоро „Панъ Халянскій". Онъ началъ по порученію Васил. Андреевича, чтобы описать старинный быть малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятіе и все до послѣдняго" [2]). Изъ этого видно, что мысль не дурна и съ типомъ, можетъ быть, справился-бы Г. Ѳ. Квитка, но главный недостатокъ его—въ художественномъ изложеніи на русскомъ языкѣ. Впрочемъ, даже В. Г. Бѣлинскій въ письмѣ своемъ къ А. А. Краевскому (отъ 19 авг. 1839 г.), издававшему тогда „Отечественныя записки", гдѣ и печатался романъ "Панъ Халявскій", далъ слѣдующій, сравнительно снисходительный, отзывъ объ этомъ произведеніи

[1]) Бѣлин. т. 6-й, стр. 327—229.

[2]) Данилевскій.... стр. 100.

Г. Ѳ. Квитки: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ—возведеніе малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе воедино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, *для журнала* „*Халявскій*“—*кладъ;* онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя“ [1]).

Изъ приведенныхъ мною выдержекъ критическихъ отзывовъ о литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитки видно, что всѣ они могутъ быть разбиты на слѣдующія группы: 1) одни, признавая вполнѣ достоинство его украинскихъ разсказовъ, считали и его переводы, и оригинальныя русскія повѣсти слабыми и совѣтовали не затрогивать тѣхъ сторонъ жизни, обрисовка которыхъ была не по его таланту; 2) другіе, тоже признавая въ немъ талантъ, и главнымъ образомъ въ украинскихъ повѣстяхъ, наоборотъ, сожалѣли, что онъ не пишетъ по-русски; 3) наконецъ, третьи, не признавая за нимъ никакихъ талантовъ—и замѣтимъ, только потому, что онъ провинціальный писатель,—просто говоря, глумились надъ нимъ и позволяли себѣ выходки, по меньшей мѣрѣ неприличныя не только въ литературѣ, но даже и въ общежитіи.

Что касается научныхъ статей, то въ настоящемъ случаѣ я только то скажу о нихъ, что почти всѣ онѣ касались родины Г. Ѳ. Квитки, какъ-то: „О слободскихъ полкахъ“, „о Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ харьковской губерніи“, „городъ Харьковъ“, „театръ въ Харьковѣ“ и др.,—а потому онѣ есть свидѣтели той любви автора къ своей родинѣ, которая заставила его и свою общественную дѣятельность, и свою литературную и научную способность отдать всецѣло на служеніе ей. Остается упомянуть еще о книжкѣ, изданной имъ въ 1839 году въ Харьковѣ и по своему содержанію не подходящей ни подъ беллетристику, ни подъ чисто научныя работы; это „Лысты до любезныхъ земля-

[1]) Отчетъ Император. Публичн. Библіот. за 1889 г.; приложенія, стр. 13.

кивъ"—книжечка популярная, предназначавшаяся для народнаго чтенія. Будучи написанной на малорусскомъ языкѣ, эта книжечка должна была, по идеѣ автора, разъяснить народу положеніе различныхъ слоевъ общества въ государственномъ строѣ. Критика отнеслась къ этому изданію съ большимъ сочувствіемъ. Такъ напримѣръ, въ Маякѣ (1840 г., Т. I, ч. 2-я) читаемъ такія строки: „Почтенный Основьяненко въ четырехъ бесѣдахъ постоянно объясняетъ своимъ разумнымъ землякамъ порядокъ и причину всего ихъ окружающаго, пріучаетъ ихъ давать себѣ прямой отчетъ во всемъ, смотрѣть на все свѣтлыми глазами. О поможи-жъ вамъ Боже, добрый земляче! Если вы такъ проговорите нѣсколько лѣтъ, много добра выростетъ на русскомъ и малороссійскомъ свѣтѣ! О разумный пипъ его крестивъ!" Не ограничиваясь этой одной книжечкой, Г. Ѳ. Квитка затѣвалъ цѣлый рядъ подобныхъ изданій, изъ которыхъ извѣстна въ рукописи „Краткая Священная Исторія" на малорусскомъ языкѣ, и въ проектѣ „Краткій сводъ уголовныхъ законовъ".

Вотъ краткое обозрѣніе жизни и дѣятельности Григорія Ѳедоровича Квитки, 8 го августа 1843 года на 64-мъ году скончавшагося отъ воспаленія легкихъ. Умеръ онъ, почитаемый и уважаемый лицами разныхъ сословій, начиная отъ сослуживцевъ и кончая простымъ народомъ, какъ-бы чувствовавшимъ, что онъ теряетъ въ этомъ человѣкѣ и своего учителя, и своего бытописателя. Прекрасно подведенные итоги всей его дѣятельности находимъ мы въ надгробной рѣчи, произнесенной надъ его могилой 10-го августа 1843 года И. И. Срезневскимъ. Вотъ выдержка изъ нея. „Подумаемъ-ли о разсадникѣ воспитанія дѣвицъ въ нашемъ краѣ, роскошно цвѣтущемъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ призоромъ Государыни нашей—и вспомнимъ, что онъ, глубоко сознавая необходимость женскаго воспитанія, первый задумалъ объ этомъ заведеніи, первый положилъ ему начало, первый осмѣлился обратиться къ милостямъ царицы. Подумаемъ-ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ вѣры и науки, правилъ мысли

и жизни—и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украйнѣ, сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ, такъ что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простого селянина, дотолѣ не понимавшаго силы слова. Подумаемъ-ли о нашей современной словесности, о даровитѣйшихъ изъ ея дѣлателей—и вспомнимъ, что онъ былъ въ числѣ этихъ избранниковъ, умѣлъ быть русскимъ и по мысли, и по выраженію, и знаніемъ общества, и сознаніемъ его нуждъ и требованій, его достоинствъ и недостатковъ. Взойдемъ-ли въ одно изъ святилищъ закона и правосудія—и вспомнимъ, что онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовію къ отечеству, любовію къ людямъ, любовію къ правдѣ, ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчилъ судьбу виновнаго или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія,—судилъ, возносясь думою къ подателю святыхъ совѣтовъ... Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. Жизнь его вся была служеніемъ Богу и отечеству. Этого-ли мало, чтобы поминать покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться предъ могилой его?“.

Этими послѣднмми словами и мы закончимъ нашу статью о Григоріѣ Ѳедоровичѣ Квиткѣ въ *день исполнившагося пятидесятилѣтія* со дня кончины его.

В. Науменко.

Г. Ѳ. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его).

Имя Г. Ѳ. Квитки—Основьяненка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Ѳ. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи иниціатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала („Украинскаго Вѣстника"), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія (Листы до любезныхъ земляковъ"). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку (*Харьков. Сборн.* 1884 г. стр. 421, 423). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно при этомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и

даже съ оттѣнкомъ пренебреженія—на этнографическомъ элементѣ въ сочиненіяхъ Квитки.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти текущаго столѣтія. О томъ, какъ обрисовано въ повѣстяхъ Квитки харьковское дворянство стараго времени, я уже говорилъ въ „Кіевской Старинѣ“ (1884, VI). Въ настоящее время обрисовка эта имѣетъ, разумѣется, почти исключительно историческое значеніе. Иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій большею частью сохраняютъ живое значеніе и, слѣдовательно, имѣютъ этнографическое и современно-бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того, въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а вслѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патретъ, Мертвецкій великдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ весьма немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти „Щира любовь“, несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсями, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксанъ, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями торгашескими,

фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти „*Пархимово Сниданье*“ есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксанъ, и теперь черезъ 50 лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгородныхъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова, почти исчезая изъ народной среды приблизительно на 20 или 30 верстъ разстоянія отъ города и въ сторону отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи на село. женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. „А зубата була! Вже не заидайся зъ нею нихто. Тилько зачепы іи, такъ разомъ якъ залящыть, затрещыть, загомоныть, перекорены батька и матиръ и увесъ ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешься, видкиля вона усего набралася. И вже іи ни за що не переговорышъ“.

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ „первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова“ (*Отчетъ* о 29 присужд. наградъ гр. Уварова 97).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени

питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: корскій, шаповальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишенное интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. „*Маяка*“ 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малороссійской старины; „многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ насъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи“. Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ разсказовъ.

Въ статьѣ „*Украинцы*“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ.) гораздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славну жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы.
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Книжечки на стилъ, батеньку до пигъ
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до пигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки

крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ „*Сватанье на Гончаривци*“ дивчина Уляна говоритъ: Хиба паны и брешуть? Воны сего не вміють и надъ дивкамы не будуть гнущатись. Воны письменни. Въ повѣсти „*Маруся*“ старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти. „*Божи диты*“ Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти „*Ярмарка*“ по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ пріѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: „А чья эта шерсть“? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: „Овеча“. „Дуракъ“! кричитъ барыня. „Я спрашиваю какого пана“. Михаила Петровича“. „Да какого“? Нашего. Гей, цобе, сирый, цобе? и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти „*Добре робы*“ отмѣчена мимоходомъ такая *черта народнаго характера*: „Вы паны“, говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, и все хочете попанськи робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що

вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовои копійки жалко".

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказываются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти „Божи диты" старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ „*Ложныхъ понятіяхъ*" (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ комнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоновыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораб-

лики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ Борисовской и Суздальской школы. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ „гостиненку“, дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ „кухоньку“, а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, „упокой“, предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься „мужицкимъ промысломъ“, т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ „Ложныхъ понятіяхъ“. Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, об-

лекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что „ему такъ не посчастливилось".

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ „Запискахъ" о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы текущаго вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялся почти исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы

совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46).

Нѣтъ надобности доказывать, что среди алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенко предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти „*Малороссійская быль*“ Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомѣріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. „Житы по-людьски“ стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ современныя ему бытовыя явленія. *Т. П. Пассекъ* въ своихъ запискахъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузъ—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ „Віють витры, віють буйны“ или „Стоитъ яворъ надъ водою“. Если слышалось

„Солнце низенько“, значитъ Тузъ настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ „Удовыцю я любывъ“.

Вообще, дѣйствующія лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти „Добре робы“. Тихонъ Брусъ—„старъ чоловикъ“, уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ „розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нымъ выхвачувався“. Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. „Объ анахтемьскому барышеви“ онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздилъ въ Курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ“, що коли що надумавъ то, хоть спорь, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ“. Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, „заразъ одъ усякого двора выйшло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тыхонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або прислявъ ему по новому хлибови.—Се було на самого Прокипья. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона..... Чоловикъ увійде, помо-

лытця, хлибъ святый положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скризь слезы говорыть:" Прыйми, дядьку, хлибець святый, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семъею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастлыву годыну". Тамъ дытына вбижыть, та тежъ хлибець несе..... Тамъ увійде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою..... Другой прекрасный „старъ человикъ"—Захарій Скиба (въ повѣсти „Божи диты"). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купитъ въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика Наумъ Дротъ (въ повѣсти „Маруся"), тарановскій сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти „Панна Сотниковна") и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ „Щира любовь"). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день приготовляютъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ чего нибудь выпить за здоровье новорожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насиловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщихъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведмедиха (въ повѣсти

„Сердешна Оксана"). Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея сказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думае, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала ii на пичъ покладаты и кожухомъ укрываты и водою наповаты".

Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый обольститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи роднаго села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашелъ Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое—прехудое, сухое, блѣдное. Петро пошелъ къ ней, разговорился, и подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очинокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена"..... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни разсказывай о капитанѣ, а и ты виновна.... „Ну, та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру".

Въ повѣсти „Перекотиполе" находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работящаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану

нема, чи хто тебе знае!"—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та, знай багатіють, а ты ось ныякъ не раздобудеся ни на що, щобъ початы господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невистка поможе. Невистка жъ ничъ и день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . . тутъ пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просятъ, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы". Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелецъ, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ „Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ", помѣщенномъ въ „Молодикѣ" 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти „Вотъ Любовь" и въ драмѣ „Щира любовь". Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасеній, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женитьбу на мужичкѣ. Что-бы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіи выходитъ замужъ за отцовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что „Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здравомъ состояніи другихъ способностей". Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты, чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно,

это была излюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти „Козиръ—дивка". Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликами, которые господами „судящими" были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла до губернатора, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга—живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная, ее никто не одуритъ, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся—прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василя и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его отсутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть „Маруся" при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ею зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обиль-

наго чувства. „Се не Маруся въ насъ передъ очима, говоритъ Кулишъ, се наша юность, се тіи дни святи, приснопамятни, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ серци.... Красенъ Божій міръ, а ще краща душа чоловича, и тягне вона насъ до себе непобидимою сылою. Велики скарбы своеи благости розсыпавъ Богъ у своему красному мырови, а ще бильшими скарбамы збогатывъ чоловичу душу. И не того намъ хочетця жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочетця душею въ чужи души входыты и благодатни скарбы на скарбы миняты".

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣютъ сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу, она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣе ихъ обѣихъ. „Се сокровище, а не дивка, говоритъ о ней старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залается, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулкы, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу".

Болѣе живучимъ оказался женскій типъ Насти, о которомъ была уже рѣчь въ началѣ статьи. Въ основаніи многихъ разсказовъ Квитки лежатъ народныя сказки. Содержаніе разсказа *„Перекотыполе"* хорошо извѣстно. Мужикъ Трохимъ шелъ домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелецъ Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохымъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе.

Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохыма перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработалъ народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. записана весьма сходная сказка о перекотиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокій яръ и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: „прощай перекотыполе; та гляды, будешъ мени свидокъ“. Убійца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала (*Рудченко*, Народ. южнор. сказки, I № 79).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка „Ковылъ-трава“ слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковылъ-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня“! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мумъ признался, и потомъ жена за побои выдала его властямъ (*Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодаго поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: „плодъ этого одинокаго дерева заговоритъ и обвинитъ убійцу“. На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ (*Владимировъ*, защитит. рѣчи, 450).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійцъ поэта Ивика уличили журавли, вполнѣ соотвѣтствующіе перекотиполю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій разсказъ „*Пидбрехачъ*“, напечатанный впервые въ „Молодыкѣ“ 1843 г., представляетъ передѣлку, а можетъ быть простую передачу народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что „недобре дило брехаты“, фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: „Просывъ Пархимъ Остапа, щобъ пійшовъ за нёго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ—ничого робыты, каже: „Добре пійду, абы-бъ товарища зискаты.

Зострився зъ Самійломъ.

„Здилай мылость, Петровичу Самійло“, каже Остапъ: „ійды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

„Та воно нетрудно“, каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; а безъ брехни вже не можно! Я забрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають“!

— Добре, Остапе. Зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою“. Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святий пидъ плече, палычки у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклонылыся и почалы казаты законныи речи про порошу, про князя, про куныцю,—и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврины усе слухають; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

„Та у нёго чымало е чого“, каже першый староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У нёго усёго е багацько.

„Е й волыки“.

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

„Е й овечата“, почына першый староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

„Е й хатына“.

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

„И у господарстви недуже дае кому воли“.

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкають, що таке добро достанетця ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто именно парубокъ.

„Отъ колы знаете, Пархимъ“, сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

„Э! се-бъ-то той крывый на ногу?“ спытала маты Хиврина.

„Та винъ такъ трошкы хрома, на одну ногу“—сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! пидправывъ пидбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

„Такъ, выпье по-трошку, колы-та-колы“, каже Остапъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не потрошку, а пъе, поки звалытця.

„Та троха чы не косый?“ пыта батько Хивринъ.

— Та такъ, косенькій на одно око, каже староста.

„Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и обома ничого не бачыть!“

„Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?“ допытуетця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы, сказавъ староста.

„Якъ-то можно трошкы? Ёго таки гарно катъ кнутомъ попобъе, та й на Сыбирь зошлють“, закинчавъ пидбрехачъ...

Писля такои розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бенкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й повикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идутъ вмѣстѣ брехачъ и пидбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ, что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у пидбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Пидбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки (*Kolberg*, Pokucie, IV № 52).

Въ бѣлорусской сказкѣ „Лгала и Палагала“ выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и пидбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжецъ, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, подбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ этой капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огородникамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили. (*Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669). Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.).

Сходная польская сказка у *Кольберга* Lud XIV 348.

Содержаніе разсказа „*Мертвецькій Велыкдень*“ состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Татъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“ былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: „На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ „запусты“, послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и кивaютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница“.

Разсказъ „*Конотопська видьма*“ построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. „Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы описля якои капости?“— спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвъязано верёвками, та впьять, якось то хытро та мудро переплутовано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не въятери, а те жъ верёвкы... Калавурны стереглы нызку видёмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру“... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб.* I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесалы терновыми“. Въ Угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно броса-

ютъ ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 347). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. (*Аѳанасьевъ* Поэт. воззр. III 511). Въ „*Культурныхъ переживаніяхъ*“ подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій „Божій судъ водой“—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы „*На пущаньня якъ завъязано*“ и „*Пархимове сниданьня*“ написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ „*Знахаръ*“ (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти „Маруся“ отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—„побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; „бо се ін мабуть зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть“. Отецъ же Маруси Наумъ „заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды

тропки напытысь, а самъ пидкурювавъ ім херувимськимъ великоднымъ ладаномъ"...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы первой половины текущаго вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка „*Украинцы*", можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ „*Подбрехачъ*" (по изд. 1887 г. II 193) и „*Маруся*" (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ „*Козырь—дивкѣ*" (II, 87—91) и въ „*Сватанъѣ на Гончаривци*".

Описаніе вечерницъ находитси въ повѣсти „*Маруся*" (I 34) и въ „*Панъ Халявскомъ*".

Похороны дѣвушки изображены въ „*Марусѣ*" (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ разсказъ „*Панна Сотниковна*".

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ „*Маруся*" (I 77, 80) и „*Отъ тоби и скарбъ*" (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ „*Божія дѣти*" и „*Панна Сотниковна*".

О ярмаркѣ въ „*Солдатскомъ патретѣ*", „*Пархимовомъ сниданьѣ* и отчасти въ „*Ярмаркѣ*" (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малороссовъ (въ „Украинцы" и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ—трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, „не одна обѣщалася дванадцять пьятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого;

не—одна тыхенько видъ матери по пьятинкамъ пряла на свичечку"... („Божи диты" II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сыраго этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и Харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ годамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ—сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Насти стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Историческія повѣсти и статьи Гр. Ѳед. Квитки.

(къ 50-тилѣтію со дня его кончины).

Къ 1892—1894 гг. относятся юбилейныя поминки трехъ найболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Слободской Украйны,—Вас. Наз. Каразина, Гр. Ѳед. Квитки и знаменитаго украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды. Харьковскій университетъ въ прошломъ году почтилъ память виновника своего существованія В. Н. Каразина. Въ 1878 г. городъ Харьковъ торжественно отпраздновалъ столѣтіе со дня рожденія Гр. Ѳед. Квитки. Однимъ изъ найболѣе важныхъ и осязательныхъ результатовъ этого празднованія было изданіе его сочиненій, предпринятое харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ подъ редакціей проф. А. А. Потебни въ пользу народной школы имени писателя въ его родной Основѣ.

Теперь по случаю 50-тилѣтія со дня кончины Г. Ѳед. Квитки нельзя не вспомнить о его плодотворной общественной и литературной дѣятельности.

Я, впрочемъ, намѣренъ коснуться только литературныхъ трудовъ покойнаго писателя и при томъ не всѣхъ, а только тѣхъ, которыхъ я не могъ обойти въ своихъ историческихъ работахъ и на которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, не останавливались прежніе изслѣдователи [1]),—именно его историческихъ статей и повѣстей.

Гр. Ѳед. Квитка представляетъ изъ себя самый яркій типъ областнаго общественнаго дѣятеля: онъ болѣе тѣсно связанъ съ

[1]) Библіографію статей о Гр. Ѳед. Квиткѣ см. въ „Очеркахъ Укр. Лит." Петрова, а также рецензію на эту книгу проф. Н. П. Дашкевича (въ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій).

Харьковомъ и Харьковщиной, чѣмъ даже В. Н. Каразинъ и Гр. Сав. Сковорода: первый не былъ малороссомъ по происхожденію, второй родился въ Лѣвобережной Малороссіи; родъ же Квитокъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ въ Слободской Украйнѣ. Онъ игралъ видную роль въ историческихъ судьбахъ этого края, наравнѣ съ Кондратьевыми, Лесевицкими, Тевяшовыми, Шидловскими и др. и уступалъ въ этомъ отношеніи только однимъ Донцамъ-Захаржевскимъ, которые были найболѣе популярны въ Харьковскомъ и Изюмскомъ слободскихъ полкахъ. Впрочемъ и изъ фамиліи Квитокъ также выбирались полковники въ эти два полка. Фамильное преданіе выводитъ Квитокъ изъ Москвы. Гр. Ѳед. Квитка разработалъ это фамильное преданіе въ особомъ литературномъ произведеніи „Основаніе г. Харькова“ (о немъ будемъ говорить впослѣдствіи). Но едва ли можно сомнѣваться въ малорусскомъ происхожденіи Квитокъ—объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ ихъ фамильное прозвище (квитка—по-малорусски цвѣтокъ); притомъ и въ фамильномъ преданіи Андрей Квитка выводится изъ Юго-Западной Руси, откуда вышло огромное большинство жителей Слободской Украйны; боярское же происхожденіе его ничѣмъ не доказывается, и мысль о немъ, очевидно, была вызвана желаніемъ доказать древность своего рода. [1]). Гр. Ѳед. Квитка ограничился въ этомъ случаѣ невинной литературной обработкой семейной легенды; другіе же съ этою же цѣлью ссылались на польскіе гербовники, особенно въ концѣ XVIII в., когда вопросъ о дворянскомъ званіи получилъ практическое значеніе. Какъ бы то ни было, Квитки своею личною дѣятельностью создали себѣ почетное положеніе въ мѣстномъ Харьковскомъ обществѣ во 2-й половинѣ XVII и XVIII вв. Изъ ихъ семьи вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей на поприщѣ воен-

[1]) При томъ Илья Ив. Квитка, авторъ „Записокъ о Слободск. полкахъ“, изданныхъ Гр. Ѳед. Квиткою, производитъ Квитокъ изъ польскаго шляхетства и говоритъ, что ихъ родоначальникъ Афанасій вышелъ изъ польскаго королевства и, вступивъ въ подданство царя Алексѣя Михайловича, былъ полковникомъ Гадяцкаго Малороссійскаго полка; сынъ же его Семенъ, по смерти отца, перешелъ въ Харьковскій полкъ въ 1666 году и былъ избранъ тамъ полковымъ судьей. (См. Зап. о Слоб. полк., 2 изд., стр. 23).

наго и гражданскаго управленія краемъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Харьковскій полковой судья Семенъ Аѳанасьевичъ Квитка, занимавшійся постройкой укрѣпленій противъ татаръ; онъ обновилъ городки—Тарановку, Гуляй-Поле и опустошенный валъ (въ 1713 г.); онъ въ числѣ прочихъ подписалъ просьбу о сохраненіи за старшиною прежнихъ правъ по части полковаго самоуправленія, которое старался нарушить полк. Прок. Куликовскій. Таковъ былъ сынъ его, прадѣдъ Гр. Ѳедоровича, Харьковскій полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка, пожалованный въ полковники по докладу Апраксина Петромъ Вел. 2-го ноября 1703 г.; при немъ казаки Харьковскаго полка должны были обратить особенное вниманіе на сторожевую службу, потому что въ это время особенно усилились наѣзды запорожцевъ; онъ же предводительствовалъ казаками, отправленными въ отдаленный персидскій походъ, откуда вернулись немногіе. Таковъ былъ дѣдъ нашего писателя Иванъ Григорьевичъ Квитка, пожалованный въ 1743 г. грамотою Елисаветы Петровны въ полковники Изюмскаго полка. Будучи обознымъ Харьковскаго полка, онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ Ласси, о чемъ оставилъ собственноручныя любопытныя замѣтки; тогда сожгли Карасу-Базаръ, а онъ самъ едва избѣжалъ смерти. Онъ предводительствовалъ слободскими казаками, отправленными въ 1733—1734 г. въ польскій походъ. Только отецъ Григорія Ѳедоровича не занималъ уже видной должности, но, вѣроятно, потому, что въ это время прежній полковой режимъ былъ уничтоженъ и введено новое общерусское управленіе.

Квитки были связаны съ Харьковомъ и своею службою, и своимъ имѣніемъ—знаменитой *Основой*, давшей Григорію Ѳедоровичу его извѣстный псевдонимъ Основьяненка. Подгородное селеніе Основа было куплено Квитками у Донецъ-Захаржевскихъ. Квитки были соединены узами родства со многими харьковскими фамиліями. Такъ, мать Григорія Ѳедоровича происходила изъ рода Шидловскихъ, а Шидловскіе пользовались большею извѣстностью и вліяніемъ въ харьковскомъ краѣ; дѣдъ писателя Изюмскій полковникъ Ив. Гр. Квитка былъ женатъ на сестрѣ знаменитаго іерарха—епископа Бѣлгородскаго Іоасафа Горленка.

Это родство имѣло повидимому большое вліяніе на развитіе религіознаго чувства въ семьѣ Квитокъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слободско-украинская казацкая старшина въ массѣ была вообще религіозна; теплое религіозное чувство она должна была вынесть (и дѣйствительно вынесла) еще изъ Заднѣпровья, гдѣ не было свободы совѣсти и гдѣ религіозныя преслѣдованія вызвали къ жизни и православныя церковныя братства, и полемическую литературу духовнаго содержанія, и школы, и типографіи, и шпитали. И всѣ эти учрежденія были перенесены выходцами изъ-за Днѣпра на ихъ новую родину—въ Слободскую Украйну. Во главѣ всѣхъ этихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій стояло духовенство, не только не порвавшее связей съ народомъ, но наоборотъ крѣпко связанное съ нимъ нравственными узами и общими духовными интересами. И здѣсь, какъ въ Запорожьѣ, многіе славные воины находили себѣ „тихое пристанище“ подъ конецъ жизни въ монастыряхъ; изъ выдающихся мѣстныхъ старшинскихъ фамилій выходили даже настоятели и настоятельницы такихъ монастырей; самыя обители основывались подъ часъ представителями тѣхъ же фамилій; они же были щедрыми вкладчиками въ существующіе монастыри и церкви. Школа была органически, а не искусственно, связана съ церковью: извѣстно, какъ много тогда было народныхъ школъ, въ которыхъ учителями были представители низшаго духовенства—дьячки; извѣстно, какую важную роль игралъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія харьковскій коллегіумъ и его питомцы, какъ сильна была въ немъ струя свѣтскаго элемента, проявлявшаяся и въ предметахъ преподаванія, и въ составѣ учащихся (среди нихъ было не мало старшинскихъ, казацкихъ и мѣщанскихъ дѣтей). Однимъ словомъ, было свободное взаимодѣйствіе двухъ силъ, интересы которыхъ не расходились, а находились въ гармоническомъ сочетаніи: свѣтское общество подвергалось вліянію духовной среды, въ рукахъ которой находилось просвѣщеніе,—но оно въ свою очередь вліяло на духовенство: отъ него зависѣлъ выборъ приходскихъ священниковъ; оно содержало школы и братства. Вотъ на этой то почвѣ, очевидно, и развивалось у отдѣльныхъ представителей семейства

Квитокъ стремленіе къ монашеству. Родство съ Іоасафомъ Горленкомъ, само собою разумѣется, должно было еще болѣе укрѣпить въ нихъ религіозное чувство, такъ какъ епископъ Бѣлгородскій подолгу гостилъ въ Основѣ, любилъ своихъ родственниковъ и, отличаясь стремленіемъ къ благочестивой жизни, долженъ былъ оказывать вліяніе въ этомъ именно направленіи и на нихъ. И дѣйствительно, изъ фамиліи Квитокъ вышелъ цѣлый рядъ монаховъ и монахинь. Таковъ былъ Николай Ивановичъ Квитка, принявшій постриженіе въ Куряжскомъ монастырѣ въ 1752 г. Таковъ былъ дядя Григорія Ѳедоровича, Наркизъ, бывшій настоятелемъ въ томъ же монастырѣ; въ Основянской церкви доселѣ хранится его наперстный крестъ. Въ Хорошевскомъ монастырѣ двѣ настоятельницы были изъ семьи Квитокъ—Ѳеофанія и Марія; о первой въ лѣтописи Квитокъ записано: „1728 г. генваря 28 дня сестра моя Ѳеодосія приняла иноческій чинъ и наречено ей въ иночествѣ имя Ѳеофанія; постригалъ архіерей харьковскій Ефремъ Черкасскій“; о второй въ той же лѣтописи мы читаемъ слѣдующее: „Вас. Андр. Гамалѣя, умершій въ Гилянскомъ походѣ, имѣлъ въ супружествѣ дочь Харьк. полк. Гр. Сем. Квитки, Марѳу Григ., которая послѣ его смерти въ 1729 г., приняла монашество въ Хорошевскомъ монастырѣ и тамъ была нѣсколько лѣтъ игуменіей; фамилія Гамалѣевъ въ Стародубѣ; ихъ деревни в. богатыя“. Наконецъ, и самъ Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ извѣстно, былъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Религіозное усердіе мы замѣчаемъ даже у тѣхъ представителей рода Квитокъ, которые всецѣло были поглощены военными и гражданскими дѣлами; такъ, напримѣръ, полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка создалъ первый храмъ въ своемъ селеніи Основѣ; Ѳедоръ Ивановичъ Квитка (отецъ нашего автора) построилъ вторую церковь. Говоря о людяхъ, близкихъ къ семьѣ Квитокъ и оказывавшихъ на нихъ духовное вліяніе, нельзя, конечно, умолчать о знаменитомъ украинскомъ философѣ—Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ. Въ немъ было именно такое сочетаніе монашеско-аскетическаго и свѣтскаго элемента, какое всѣхъ удивляло въ Григоріѣ Ѳедоровичѣ Квиткѣ. Извѣстна эпиграмма на него В. Н. Каразина:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Григорій Савичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ, и его религіозно-нравственная проповѣдь должна была оказать сильное вліяніе на впечатлительную душу юноши поэта; онъ удалился въ монастырь, но не долго удержался тамъ: въ немъ проснулась любовь къ жизни, къ искусству и поэзіи. Это пробужденіе совпало и было вызвано даже, по всей вѣроятности, общимъ пробужденіемъ харьковскаго общества въ началѣ XIX ст. Такое крупное событіе, какъ основаніе университета (въ 1805 году), должно было само по себѣ уже оказать замѣтное вліяніе на всѣ стороны мѣстной жизни, въ особенности же на просвѣщеніе. Но Харьковскій университетъ былъ основанъ кромѣ того при исключительныхъ обстоятельствахъ, благодаря яркому проявленію сочувствія къ учрежденію высшаго учебнаго заведенія въ полуденной Россіи со стороны различныхъ слоевъ харьковскаго общества; сочувствіе это выразилось въ огромныхъ денежныхъ жертвахъ. Вотъ это то общественное движеніе, начатое В. Н. Каразинымъ, и захватило Г. Ѳ. Квитку; его имя мы находимъ въ числѣ немногихъ, проэктировавшихъ внести въ пользу новаго университета не 400,000 рублей, а цѣлый милліонъ. Потомъ Г. Ѳ. Квитка явился уже самостоятельнымъ руководителемъ общественной дѣятельности въ Харьковѣ въ сферѣ женскаго образованія, театра и литературы; тутъ этотъ скромный, робкій человѣкъ сдѣлалъ такъ много, какъ никто; здѣсь ярко выразились тѣ просвѣтительныя вѣянія, которыя постоянно проникали въ семью Квитокъ. Свидѣтельствомъ любви къ просвѣщенію у Квитокъ можетъ служить между прочимъ ихъ фамильная лѣтопись, которую вели различные члены этого семейства въ XVIII вѣкѣ. Изъ среды Квитокъ вышелъ также одинъ изслѣдователь южнорусской старины, стоявшій очень близко къ Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ—Илья Ивановичъ Квитка (род. въ 1745 г.). Илья Ивановичъ былъ сынъ извѣстнаго намъ полковника Ивана Григорьевича Квитки, одного изъ авторовъ Семейной Хроники, и приходился роднымъ дядею Григорію Ѳедоровичу. Изъ статьи о немъ г. Шугурова видно, что онъ зани-

мался исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, собиралъ для этого рукописные матеріалы и что ему принадлежитъ одинъ, а можетъ быть и два труда въ этой области—Записки о Слободскихъ полкахъ и Историческое описаніе о Малой Россіи. Интересуясь родной стариной, онъ вошелъ въ ученую переписку съ Гр. Н. Тепловымъ, Кочубеемъ и Тимковскимъ. Григорій Ѳедоровичъ Квитка стоялъ очень близко къ своему дядѣ Ильѣ Ивановичу и настолько интересовался его историческими работами, что одну изъ нихъ (Записки о Слободскихъ полкахъ) издалъ на свой счетъ. Можно предполагать, что на И. И. Квитку оказалъ вліяніе и Гр. Сав. Сковорода, и это вліяніе выразилось съ одной стороны въ занятіяхъ исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, а съ другой—въ его религіозномъ настроеніи. „И. И. Квитка, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ: ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни“.

Таковы были общія условія, вызвавшія въ Григоріѣ Ѳедовичѣ Квиткѣ любовь къ родной былевой и бытовой старинѣ—фамильные разсказы, преданія и записки, непосредственное знакомство въ юности съ разными историческими, дѣятелями (напримѣръ Головатымъ), вліяніе роднаго дяди; наконецъ, къ этому располагало и самое время. *Историческая эпоха* жизни была пережита краемъ; областная автономія его пала; сфера политической дѣятельности сильно съузилась; наступала пора историческихъ преданій, но преданій свѣжихъ и живыхъ; разсказы можно было слушать еще изъ устъ участниковъ и очевидцевъ прежней казацкой жизни—дѣятелей старой Гетманщины, Запорожья, Слободской Украйны. Таково, очевидно, происхожденіе историческихъ повѣстей Квитки („Головатый“, „Гаркуша“); его „Татарскіе набѣги“ основаны на разсказахъ старожиловъ, помнившихъ еще объ этомъ времени; „Основаніе Харькова“ представляетъ литературную обработку фамильнаго преданія. „Исторія театра въ Харьковѣ“ основана уже большей частью на личныхъ наблюденіяхъ. Наконецъ 3 послѣднія

статьи—о Слободскихъ полкахъ, Украинцы, городъ Харьковъ — могутъ быть названы вполнѣ историческими работами, потому что основываются главнымъ образомъ на древнихъ письменныхъ актахъ.

Мы остановимся прежде всего на тѣхъ разсказахъ Г. Ѳ. Квитки, въ основу которыхъ положены устныя преданія, разсказы и его личныя наблюденія. Большое значеніе въ составленіи ихъ имѣли острая память и живой, наблюдательный умъ Квитки. „Будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ, по словамъ Г. И. Данилевскаго, изумлялъ всѣхъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ, безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ впрочемъ на свѣтъ очень зорко, и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо, прибавляютъ, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные до сихъ поръ въ городѣ подъ именемъ *квитки́нскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основьяненко“. Его, конечно, не могла не интересовать историческая судьба семьи, и онъ подвергнулъ литературной обработкѣ фамильное преданіе о своемъ родоначальникѣ въ особомъ произведеніи „Основаніе г. Харькова“. Это семейное преданіе тѣсно связано съ тою самою прадѣдовскою золотою цѣпью, о которой мы только что упоминали со словъ Г. И. Данилевскаго. „Золотая цѣпь, говоритъ въ этой повѣсти Гр. Ѳед. Квитка, на которой, можетъ быть, отецъ Андрей носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ! при раздѣленіи домовъ дѣлилась на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ“. Григорій Ѳедоровичъ выводитъ свой родъ отъ какого то московскаго боярина Аѳанасія, который подвергся

опалѣ и отправилъ малолѣтняго сына своего Андрея въ Кіевъ съ вѣрнымъ слугою Агафономъ. Здѣсь ихъ пріютила семья нѣкоего Ясенковскаго, прозвавшая мальчика за его красоту Квиткой. Потомъ Андрей былъ принятъ въ домъ кіевскаго воеводы и, убѣжавъ съ его дочерью Масей въ московскія владѣнія, избралъ себѣ для поселенія мѣсто, названное „Основой“, а подлѣ него, при помощи новыхъ переселенцевъ, устроилъ нынѣшній городъ Харьковъ. Въ историческомъ отношеніи разсказъ этотъ несостоятеленъ: Квиткѣ хотѣлось приписать основаніе города Харькова своему родоначальнику и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать исторію его прихода изъ Заднѣпровья; но объ этомъ отдаленномъ времени сохранилось только темное неясное преданіе, которое пришлось принять на вѣру и пополнить собственной фантазіей. Если бы даже мы изъ него и выбросили совершенно легендарныя подробности о происхожденіи и первоначальной судьбѣ Андрея Квитки то и тогда въ немъ не останется ничего достовѣрнаго. Какими данными можно доказать, что Основа древнѣе Харькова? Документальныя свидѣтельства стоятъ въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Квитки, что основателемъ ея былъ Андрей Квитка: она принадлежала первоначально не Квиткамъ, а Донцамъ-Захаржевскимъ и пріобрѣтена была ими у него только въ 1713 году. Названіе ея мы не встрѣчаемъ въ разныхъ древнихъ актахъ XVII вѣка. Указаніе на 1646-й годъ, какъ на годъ постройки городскихъ укрѣпленій, противорѣчитъ документальнымъ даннымъ: въ дѣйствительности постройка ихъ относится уже къ 50-мъ годамъ XVII вѣка. Первый поселокъ города Харькова Григорій Ѳедоровичъ пріурочиваетъ къ мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится „Бѣлгородская креница“; на самомъ же дѣлѣ его нужно поіурочить къ нынѣшней центральной части города, гдѣ тогда было *харьковское городище,* бывшее остаткомъ какого-то болѣе древняго укрѣпленія. Григорій Ѳедоровичъ называетъ харьковскимъ осадчимъ Андрея Квитку, а на самомъ дѣлѣ таковымъ является, какъ это видно изъ найденныхъ мною документовъ, Иванъ Каркачъ. Заслуживаютъ довѣрія въ этомъ разсказѣ только нѣкоторыя указанія общаго характера, напримѣръ, о колонизаціи

края, хотя и тутъ, какъ намъ кажется, Григорій Ѳедоровичъ придавалъ слишкомъ исключительное значеніе хуторамъ, какъ первоначальнымъ, по его мнѣнію, формамъ поселеній. Однимъ словомъ, данный разсказъ на нашъ взглядъ является самымъ слабымъ въ историческомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ художественномъ отношеніи; и причина заключается конечно въ томъ, что здѣсь затронутъ давній историческій моментъ, о которомъ преданіе не могло сохранить реальныхъ чертъ: первая половина XVII вѣка являлась уже слишкомъ сѣдой стариной для автора, писавшаго въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Инымъ характеромъ отличается другой разсказъ историко-бытоваго содержанія „Панна Сотниковна". Самъ Квитка называетъ его истиннымъ происшествіемъ. Въ основу его положено также преданіе, но только преданіе сравнительно недалекаго прошлаго. Здѣсь, какъ извѣстно, рѣчь идетъ о трагической судьбѣ дочери Тарановскаго сотника; ее хотѣлъ изнасиловать великороссіянинъ юнкеръ, но она предпочла смерть поруганію своей дѣвичьей чести и заколола себя кинжаломъ. Личность героини несомнѣнно идеализирована; идеализированы и отношенія ея родителей къ простому рядовому казачеству. Пани Сотникова, говоритъ авторъ, знала всѣ бѣдныя семейства въ Тарановкѣ и снабжала ихъ необходимымъ не только для жизни, но и въ уреченные праздники доставляла, что имъ было нужно, по ея выраженію, „для закона", не ведя ни въ чемъ счета, а только смотрѣла на крайность просившихъ. Панъ сотникъ же, хотя и ни во что домашнее не входилъ, но когда видѣлъ возвращающихся съ полученнымъ пособіемъ, то, пересмотрѣвъ данное, воротитъ казачку и скажетъ женѣ; „прикажите, душка, прибавить ей чего нибудь еще. Я знаю ихъ и видѣлъ всю ихъ нужду. Бѣдность такая, что способу нѣтъ". Бывали-ли въ дѣйствительности такіе сотники и сотнички, сказать трудно; во всякомъ случаѣ обычный распространенный типъ представляетъ полную противоположность начертанному Квиткой. При тогдашнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ и при сходствѣ быта старшины и народа, жены сотниковъ могли дѣйствительно въ сочельникъ доставлять неимущимъ узваръ, но отъ этого до постоянной помощи бѣднымъ

было еще далеко. Впрочемъ, несмотря на эту идеализацію, и сущность разсказа, и подробности его представляются вполнѣ вѣроятными, получается впечатлѣніе, что здѣсь разсказано истинное происшествіе. Оно передавалось изъ устъ въ уста и, кромѣ того, закрѣплено было краткою записью въ фамильной лѣтописи Квитокъ. „Въ лѣтописи одной фамиліи, начальствовавшей въ слободскихъ полкахъ, пишетъ Квитка, подъ 1732 годомъ говорится: „того жъ году, декабря 28 дня, Тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь, Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ“... Въ 1732 году дѣйствительно происходила перепись Слободскихъ полковъ (лейбъ-гвардіи маіора Хрущова), о чемъ говорится и въ повѣсти (стр. 41); перепись производилась великорусскими офицерами и генералами или, какъ они иначе назывались, кондукторами. Два изъ нихъ и являются печальными героями разыгравшейся драмы. Будучи призваны къ столь важному дѣлу, какъ перепись мѣстнаго населенія, они, очевидно, свысока смотрѣли на туземцевъ, въ большинствѣ случаевъ плохо знавшихъ русскій языкъ и жившихъ по своимъ старосвѣтскимъ обычаямъ: происходило то, что впослѣдствіи повторилось въ генеральную опись Малороссіи Румянцева; при томъ они считали себя русскими дворянами, между тѣмъ какъ мѣстная казачья старшина дворянскими правами въ это время не пользовалась. Къ 1732 же году относится и армейская реформа слободскихъ полковъ кн. Шаховскаго; перепись Хрущова должна была послужить только началомъ ея. Во главѣ Слободской Украйны теперь была поставлена Канцелярія коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ. Подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго въ ней присутствовало два члена изъ великороссіянъ, и только въ затруднительныхъ случаяхъ призывались на совѣщаніе мѣстные полковники, которымъ прежде принадлежала высшая власть въ краѣ. Полковники получили премьеръ-майорскій чинъ. Послѣ всего этого дѣлается понятнымъ отношеніе одного изъ хрущовскихъ сотрудниковъ къ мѣстной казацкой старшинѣ. „Не я буду, говоритъ онъ своему товарищу, если не изловлю этой пташки (панны сотниковны). Будетъ помнить нашихъ. Завтра звалъ

насъ къ себѣ на имянинный пиръ какой то здѣшній *чупъ*; пойду и если *моя* будетъ тамъ, уже влюблю же въ себя, а потомъ брошу. Пусть мучится. Я не одну изъ ихъ братьи усмирялъ въ этомъ глупомъ, хохлацкомъ краю, гдѣ, правду сказать, *только и хорошаго, что вишневка до панночки*" (стр. 60). Очень вѣрно очерчены вообще подробности время препровожденія и старинаго быта слобожанъ. Изъ фамильной лѣтописи взяты факты о постриженіи Квиткиныхъ въ монахини (стр. 38—39). И это подтверждается приведенными нами раньше документальными данными. Вѣрно описано школьное ученіе сына сотникова, состоявшее въ изученіи часослова, псалтыря и поздравительныхъ виршей; правдоподобенъ эпизодъ о неудачѣ новой „муштры" (стр. 50—51), при разсказѣ о поздравленіи сотника приведена вирша, скомпанованная по словамъ Квитки одимъ изъ учителей Харьковскаго Коллегіума; вирша эта написана по новому литературному стилю „штатскимъ языкомъ", т. е. тѣмъ страннымъ литературнымъ нарѣчіемъ, которое представляетъ смѣсь русскаго съ славянскимъ и которое стало вытѣснять тогда старыя вирши, написанныя по малороссійски.

На верхъ, я юный, горъ Парнасскихъ возлетаю,
Сый младъ, вселенный міръ въ мигъ я обозрѣваю,
Кипятъ и стынутъ, на что я нынѣ зрю, чувства,
Но се упалъ безъ всякаго мой духъ искусства.

Такую виршу говоритъ сотнику по словамъ Квитки питомецъ Харьковскаго Коллегіума, сынъ эсаула. И мы знаемъ, что подобные вирши дѣйствительно сочинялись въ Коллегіумѣ, особенно лицами, преподававшими въ немъ піитику. По поводу открытія Коллегіума читалась такая похвала его основателю епископу Епифанію Тихорскому, составленная нѣкіимъ Иліей Филипповичемъ:

Днесь паче Украйна свѣтися малѣйша,
Иногда мала суща, нынѣ же честнѣйша.
Сицевый премудрости домъ въ себѣ имуща.
Прославляйся днесь всяко въ веселіи суща,
Восплещи нынѣ крили орле, двоеглавный,
Превозноси свой скипетръ, высокодержавній!

По складу, по общему характеру эти двѣ вирши, какъ видимъ, очень похожи другъ на друга, и можно съ большою вѣроятностью предполагать, что вирша, приведенная Квиткой, дѣйствительно была составлена въ Коллегіумѣ. Не забудемъ, что въ тогдашнемъ Коллегіумѣ обучалось много дѣтей казацкой старшины и онъ вообще не представлялъ изъ себя узкой спеціально духовной школы ни по праграммѣ преподаванія, ни по составу учащихся. Питомцы Коллегіума очень часто ѣздили „на кондиціи“ въ деревни къ казацкой старшинѣ и обучали ея дѣтей разнымъ наукамъ.

Въ текстѣ своей повѣсти Квитка приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописи—о выборѣ на гетманскій урядъ Даніила Апостола, о появленіи кометъ, о зимнемъ громѣ, о пожарахъ (стр. 55—57). И всѣ они теперь отыскиваются въ отрывкахъ изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ, изданныхъ мною и П. С. Ефименкомъ [1]).

Еще болѣе историческаго элемента заключается въ повѣсти Квитки „*Татарскіе набѣги*“. Это прекрасный популярный разсказъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытывала Слободская Украйна отъ татаръ. Онъ основанъ почти исключительно на устныхъ преданіяхъ, но автору много помогло тутъ хорошее знакомство съ историческимъ прошлымъ своего края вообще и характеромъ татарскихъ нападеній въ частности. Вѣрно объяснена исторія заселенія этой мѣстности, вызванная по словамъ автора притѣсненіями православнаго южнорусскаго народа въ Заднѣпровьѣ; справедливо сказано, что и раньше когда-то этотъ край имѣлъ населеніе; прекрасно охарактеризовано богатство его естественныхъ произведеній; „земли самаго лучшаго качества, нетронутой, дѣвственной огромное пространство; лѣса лучшаго дерева непроходимые; дикіе сады, овощныхъ деревъ чрезвычайно много:

[1]) Тогоже (1730 г.), читаемъ мы, напримѣръ, тамъ противъ 5-го числа видны были двѣ кометы въ полунощи, одна пошла на востокъ, а другая на западъ, видомъ красны, якобъ отъ пожара; къ свѣту исчезли“; у Квитки: „въ позапрошедшемъ (1730 г.) февраля противъ 5-го числа видны были кометы отъ полунощи. Одна пошла на востокъ, а другая на западъ видомъ красныя якобы отъ пожару по снѣгу отдавалося червонымъ, отъ перваго часа ночи, а далѣе къ свѣту исчезли (стр. 55).

звѣрей даже дорогихъ, куницъ и т. п., птицъ въ изобиліи; рѣки, хотя и незначительныя, но могущія способствовать къ устроенію мельницъ, винокурень и снабжать рыбою" (стр. 78—79). Едва ли только можно признать достовѣрной ту идиллическую картину отношеній между панствомъ и подданными крестьянами, которую рисуетъ намъ Квитка. „Не одинъ простой народъ переселялся, говоритъ Квитка, но вмѣстѣ съ нимъ пришли и паны, также съ семействами, имуществомъ и крестьянами своими. А было еще и такъ, что какъ въ семействѣ старыхъ пановъ еще не было, повымирали, а оставались малолѣтнія дѣти, то крестьяне, имъ принадлежавшіе, собираясь на Слободу", забирали съ собою и малолѣтнихъ владѣльцевъ" своихъ, берегли, охраняли ихъ въ пути и, прибывъ на мѣсто, селясь сами, строили и для маленькихъ господъ своихъ приличные „будынки", т. е. домъ, изъ промежду себя составляли имъ дворню, прислугу, принимали на долю помѣщиковъ своихъ землю, лѣса, гдѣ признавали за выгодное и удобнѣе, и начинали обрабатывать новое хозяйство еще безгласныхъ своихъ владѣльцевъ „(стр. 78.) Что вмѣстѣ съ простымъ народомъ переселились въ Слободскую Украйну и паны— это несомнѣнно, но чтобы крестьяне, уходившіе отъ панской неволи, добровольно закабаляли себя въ свободномъ краю, это, конечно, невѣроятно. Правда, и здѣсь очень скоро появились зависимыя отношенія (путемъ закликанія на слободы вольныхъ посполитыхъ), но они не напоминали собой той идилліи, какую намъ изображаетъ Квитка. Преувеличиваетъ роль пановъ Квитка и въ другихъ отношеніяхъ: быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ и привезъ съ собою изъ за Днѣпра пушку (хотя едва ли съ фамильнымъ гербомъ), но не таково было, вообще говоря, происхожденіе слободско-украинскихъ „гарматъ"; полковую и сотенную старшину выбирали всѣ полчане, а не одни паны „изъ промежду себя", какъ утверждаетъ Квитка (стр. 80).

Чрезвычайно ярко рисуетъ Квитка тревожное положеніе слобожанъ, ожидавшихъ ежедневно, ежечасно татарскихъ нападеній. Сдѣлали татары набѣгъ на село; однихъ перебили, другихъ взяли въ полонъ, немногіе спаслись... и вотъ выходитъ избѣжавшій грозы счастливецъ изъ своего убѣжища... „Все тихо,

татаръ нѣтъ, но и семейства своего не видитъ. Была жена, дѣтки малютки, престарѣлые родители; теперь, осматривая у себя повсюду, жены и слѣдовъ не отыскиваетъ, дѣточекъ также не находитъ, или если и найдетъ, такъ лучше бы и не видалъ, не зналъ бы о участи ихъ! Былъ хозяинъ достаточный, были свои лошади, нѣсколько паръ воловъ: все уведено, угнано, изъ амбаровъ, сундуковъ все вынуто, лучшее взято, ненужное, тяжелое перебито, переломано, перепорчено; окна выбиты, печь разбита, двери всѣ выломаны... Было все и всего много, жилъ въ семействѣ— черезъ два, три часа остался сирота на свѣтѣ, какъ палецъ, и голъ, и босъ, и голоденъ"... (стр. 80—81). Вѣрно указаны и тѣ оборонительныя средства, которыя употребляли поселенцы противъ татарскихъ набѣговъ. Обо всемъ этомъ ходили устные разсказы въ народѣ, и понятное дѣло, что, при извѣстной склонности малороссовъ къ юмору и насмѣшкѣ надъ самими собой, въ нихъ подъ часъ изображались и эпизоды трагикомическаго характера. Таковъ разсказъ Квитки о двухъ братьяхъ, захваченныхъ татарами, благодаря ихъ словоохотливости. Они успѣли спрятаться во время татарскаго погрома и гроза было уже миновала, но на бѣду татарину захотѣлось пить—онъ на минуту вернулся въ хату и сталъ пить изъ кадочки воду; хозяинъ, сидѣвшій на печи, не могъ будто бы воздержаться отъ обычной вѣжливости и крикнулъ: на здоровье!" Татаринъ схватилъ его арканомъ и потащилъ за собою; тогда другой братъ отозвался къ нему съ упрекомъ: „зачѣмъ было откликаться!", и его, конечно, также схватили и увели. Этотъ разсказъ на маруссковъ языкѣ долго циркулировалъ среди населенія харьковской губ. и въ такомъ именно болѣе подробномъ изложеніи былъ напечатанъ однимъ харьковскимъ старожиломъ г. Очеретянымъ, отдѣльной книжечкой. Это, конечно, анекдотъ, напоминающій отчасти знаменитую „Очаковску биду", напечатанную П. А. Кулишомъ въ его „Зап. о Южной Руси". На стр. 85—86-й Квитка приводитъ уже совершенно невѣроятный и неостроумный анекдотъ о двухъ слобожанахъ, которые не посмѣли ослушаться приказа татарина и добровольно шли въ крымскій полонъ. Очень интересно и правдоподно изображена Квиткой судьба одной плѣн-

ницы, уведенной татарами въ крымскую неволю и освобожденной оттуда послѣ многихъ перипетій ея роднымъ братомъ. Гораздо болѣе слабыми или даже прямо ненужными являются дальнѣйшія подробности Квиткинской повѣсти, ея конецъ. Разсказъ о кладѣ представляется неудачнымъ анекдотомъ (стр. 109—116); тоже самое нужно сказать о пустой бочкѣ, напугавшей сотника, объ указѣ Бѣлгородской канцеляріи, о письмѣ умершаго казака, о харьковскомъ генералѣ „съ властью губернатора"; наконецъ, анекдотическіе разсказы о новыхъ обычаяхъ и порядкахъ, распространявшихся въ Украйнѣ, чисто механически присоединены къ повѣсти, безъ всякой нужды ее удлиняютъ и дѣлаютъ конецъ ея скучнымъ и тяжелымъ. Но первая половина разсказа написана очень интересно и заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ историческихъ подробностей. Онѣ находятъ себѣ оправданіе въ тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя изданы были гораздо позже (Преосв. Филаретомъ и мною). „Пахарь, идя за плугомъ, говоритъ Квитка, непремѣнно долженъ былъ имѣть за плечами ружье и при боку какую нибудь хоть видъ сабли" (стр. 82). А въ воеводскихъ отпискахъ мы постоянно читаемъ, чтобы всѣ, отправлявшіеся на пашню, сѣнокосъ и въ лѣсъ, имѣли съ собою пищали, луки, рогатины и бердыши, чтобы безъ оружія нигдѣ „никаковъ человѣкъ не былъ". Въ ожиданіи татарскихъ нападеній жители не жали своего хлѣба; въ 1688 году чугуевскій вѣстовщикъ доносилъ: „въ Балаклѣѣ жители ожидаютъ прихода непріятельскихъ людей; стало худое житье въ Балаклѣѣ и они пойдутъ въ разные города покиня свои дворы". Въ моемъ изслѣдованіи о колонизаціи Слободской Украины сгруппировано множество фактовъ о громадномъ вредѣ, который причиняли своими набѣгами слобожанамъ татары—и эти факты только подтверждаютъ картину, нарисованную намъ мастерскою рукою Квитки. Любопытно, что та юмористическая струйка, которую мы видимъ въ Квиткинскомъ разсказѣ, встрѣчается даже въ актахъ—такова уже природа малороссіянина, который не можетъ обойтись безъ шутки въ самомъ серьезномъ дѣлѣ. „Орда, читаемъ мы въ одномъ извѣстіи, впадала въ Изюмскій

полкъ и много шкоды зробыла, *щобъ ей поганой борщу у глаза не видати*".

Не касаемся тѣхъ повѣстей Квитки, въ которыхъ изображается современная ему харьковская жизнь, хотя и тутъ можно отмѣтить не мало чертъ историко-бытоваго характера. Замѣтимъ только, что и эти повѣсти въ настоящее время являются историческимъ матеріаломъ для характеристики всѣхъ слоевъ слободскоукраинскаго общества въ 1-й половинѣ XIX столѣтія. Такова, напримѣръ, его „Ярмарка", очень близко подходящая по своему характеру къ Семейной хроникѣ Аксакова [1]) таковы и другія его повѣсти; таковъ и „Панъ Халявскій", которому сильно вредитъ анекдотизмъ, каррикатурность, но въ которомъ вѣрно схваченъ общій тонъ жизни.

„Исторія театра въ Харьковѣ" не заключаетъ уже въ себѣ ничего вымышленнаго; это—историческое сочиненіе или, правильнѣе, историческій мемуаръ, потому что онъ основанъ гл. образомъ на личныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ старожиловъ. Объ этомъ говоритъ самъ Квитка. „Видя съ свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ отстроивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумалъ я, что свѣдѣнія объ учрежденіи въ разныя времена здѣсь театра будутъ сколько нибудь занимательны, почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ" (стр. 499). Не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія этой статьи Квитки; замѣтимъ только, что она читается съ огромнымъ интересомъ и послужила источникомъ для многихъ затѣтокъ по исторіи Харьковскаго театра. Въ ней очерчена судьба его въ XVIII и самомъ началѣ XIX в. до появленія въ Харьковѣ труппы Млотковского [2]). Таковы *историкобытовые* очерки Г. Ѳ.

[1]) Разсмотрѣніе этихъ повѣстей не входитъ въ нашу задачу, и мы только замѣтимъ, что описаніе Троицкой шерстяной ярмарки Квитки (въ его разсказѣ „Ярмарка") вполнѣ подтверждается воспоминаніями В Е. Пашкова, относящимися къ 40-мъ годамъ.

[2]) Въ настоящее время печатаются въ „Южн. Краѣ" интересные очерки по исторіи Харьковскаго театра г. П. Ч.; на нихъ можно смотрѣть, какъ на продолженіе работы Г. Ѳ. Квитки.

Квитки; *исторически-былевымъ* характеромъ отличаются его повѣсти „Головатый“ и „Преданія о Гаркушѣ“. Разсказъ объ извѣстномъ запорожскомъ и черноморскомъ дѣятелѣ Антонѣ Головатомъ носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности. Самъ Квитка сообщаетъ, что Головатый былъ друженъ съ его отцомъ, посѣщалъ его и подробно разсказывалъ ему о своихъ петербургскихъ приключеніяхъ; сына своего Головатый оставилъ въ Харьковѣ на попеченіе отца Квитки.—Дружеская переписка между ними продолжалась безостановочно.

Разсказы Квитки о подвигахъ Головатаго подтверждаются въ общемъ историческими данными; таковъ эпизодъ о взятіи Березани (во время очаковской осады); только на самомъ дѣлѣ запорожцы взяли этотъ неприступный островъ не посредствомъ хитрости, а благодаря своей отчаянной и рѣшительной храбрости. „Березань, говоритъ новѣйшій историкъ Черноморья, представляла по тому времени почти неприступный островъ, находившійся въ открытомъ морѣ, вблизи очаковскихъ береговъ. Высокій, обрывистый берегъ этого острова со стороны моря, прекрасная пропасть въ этой части острова и сильныя батареи съ юга, по отлогому берегу, доступному для нападенія со стороны суши, казалось, дѣлали невозможнымъ сколько нибудь удачный штурмъ Березани, и тѣмъ болѣе для козаковъ съ ихъ небольшими силами и гребными судами. Однако утромъ по приказанію Потемкина, казачья флотилія, подъ начальствомъ войсковаго судьи Антона Головатого, смѣло направилась на островъ со стороны суши, не смотря на сильный непріятельскій огонь съ Березани. Приближаясь, на сколько позволялъ этотъ огонь и глубина моря, къ отлогому берегу Березани, козаки сдѣлали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились за тѣмъ въ воду, вползли на укрѣпленный берегъ и остановили непріятельскія батареи. Рукопашная схватка заставила турокъ бросить батареи и отступить къ крѣпости, до стѣнъ которой преслѣдовали ихъ козаки.“ Вообще въ статьѣ Квитки далеко не исчерпаны военные подвиги Головатого, но за то вѣрно обрисована его роль въ возстановленіи на Тамани запорожскаго козачества, получившаго названіе „Войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ“.

Потемкинъ дѣйствительно получилъ тогда, какъ утверждаетъ Квитка, титулъ гетмана козачьихъ войскъ; при немъ дѣйствительно была конвойная команда Черноморскаго войска; онъ дѣйствительно подъ конецъ своей жизни превратился въ милостиваго батька Черноморцевъ и смерть его повергла ихъ въ большое уныніе. Черезвычайно интересный разсказъ о поѣздкѣ Головатаго съ депутаціей въ Петербургъ также вполнѣ подтверждается историческими данными: результатомъ поѣздки были двѣ грамоты (отъ 30 іюня и 1-го мая 1792 года), послужившія краеугольнымъ камнемъ автономіи Кубанскаго войска. „Надо отдать полную справедливость, говоритъ цитированный нами выше источникъ, той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала козачья депутація и въ особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и чудачество козака малоросса, этотъ замѣчательно умный и по своему времени довольно образованный козакъ настолько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти выраженіяхъ козачьей инструкціи и прошенія“. Изъ Петербурга депутація привезла грамоты, новыя регаліи и подарки войску. Точно такъ обо всемъ этомъ разсказано и у Г. Ѳ. Квитки. Извѣстная пѣсня: „Ой Боже жъ нашъ, Боже мылостывый! Вродылысь мы въ свити несщастлыви!“,—сочиненіе которой Квитка приписываетъ Головатому, несомнѣнно принадлежитъ этому послѣднему. Текстъ рѣчи Головатаго императрицѣ, приведенный Квиткой, подтверждается современнымъ спискомъ ея, бывшимъ у покойнаго проф. А. А. Потебни. Любопытны заключительныя слова этой рѣчи: послѣ серьезнаго, торжественнаго обращенія слѣдуетъ юмористическій конецъ: „тай годи“. Это „тай годи“—совершенно въ духѣ древнихъ малорусскихъ обычаевъ: въ книгѣ судебныхъ рѣшеній полтавскаго магистрата (XVII в.) показанія свидѣтелей обыкновенно оканчиваются почти такимъ же выраженіемъ—„поты моей повисти“.

„Преданія о Гаркушѣ“ уже въ гораздо меньшей степени проникнуты историческимъ элементомъ: тутъ нѣтъ ни строгой

хронологіи, ни настоящихъ именъ и фамилій; это дѣйствительно преданія о громкихъ подвигахъ украинскаго разбойника Сем. Гаркуши, стяжавшаго себѣ огромную популярность въ массѣ народа; но преданія эти, отъ постоянныхъ передачъ, нѣсколько потеряли въ своей реальности и пріобрѣли характеръ литературныхъ легендъ; личность Гаркуши въ нихъ получила героическій характеръ, который на самомъ дѣлѣ былъ ей присущъ въ гораздо меньшей степени. Это обстоятельство заставило и самаго Квитку придать своему разсказу моральную тенденцію, чтобы, такъ сказать, развѣнчать народнаго героя—разбойника; съ этою цѣлью онъ вывелъ на сцену совершенно вымышленное лицо—*молодого человѣка*, въ уста котораго вложилъ обличительныя рѣчи въ опроверженіе теорій Гаркуши. Литературный элементъ произведенія проявляется и въ тѣхъ латинскихъ фразахъ, которыми уснащаетъ свою рѣчь Гаркуша.

Но въ основѣ своей, повторяю, и повѣсть о Гаркушѣ является исторической. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Квитка въ письмѣ къ Плетневу. „Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденіе его, и отъ нѣкоторыхъ благодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцыза*. Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ*, то это не винитъ его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія... Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, т. е. страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой человѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, если бъ все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйстви-

тельно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодого человѣка—вся сентенція, и потому нужно бы, что бъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана".

И это свидѣтельство Квитки о близости его Гаркуши къ дѣйствительному, реальному лицу подтверждается документальными данными, извлеченными изъ подлиннаго оффиціальнаго дѣла о разбойникѣ Сем. Гаркушѣ. Разбойничьи подвиги Гаркуши относятся къ 1772—1784 гг.; они засвидѣтельствованы судебнымъ слѣдствіемъ. Между прочимъ тутъ мы находимъ и эпизодъ съ городничихой, такъ подробно разсказанный Квиткой (стр. 157—163, 193—205). Мѣсто дѣйствія—г. Конотопъ (черниговской губ.). „Въ Конотопѣ въ то время славилась, говоритъ авторъ монографіи о Гаркушѣ, своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за Конотопскимъ Городничимъ, Петромъ Базилевичемъ. Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда то былъ первымъ купцомъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣскольку дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было 9 лѣтъ тому назадъ и многое измѣнилось съ того времени... Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала Конотопскимъ Городничимъ Петромъ Базилевичемъ". Такою изображаетъ свою Степаниду Городничиху и Квитка. Приходъ Гаркуши въ домъ городничаго у Квитки разсказанъ не такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ: у него Гаркуша явился туда переодѣтый генераломъ; на самомъ дѣлѣ онъ узналъ черезъ своихъ товарищей объ уходѣ ея слугъ на полевыя работы и, воспользовавшись этимъ, совершилъ внезапное нападеніе. Городничихѣ Гаркуша сдѣлалъ строгое внушеніе нагайкой за ея прегрѣшенія, забралъ массу серебряныхъ вещей, денегъ и благополучно ушелъ назадъ. Нѣсколько напоминаетъ дѣйствительный случай и, разсказанная Квиткой, расправа Гаркуши

съ скупымъ помѣщикомъ-хуторяниномъ, (стр. 225—230). Ей соотвѣтствуетъ эпизодъ о Холодовичѣ, у котораго Гаркуша, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, захватилъ огромныя богатства. Въ остальныхъ разсказахъ Квитки мы не находимъ уже такого соотвѣтствія съ дѣйствительными подвигами Гаркуши, отмѣченными въ оффиціальномъ дѣлѣ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы были вымышленные. Во-первыхъ, на судебномъ слѣдствіи едва ли и возможно было возстановить всѣ разбойничьи наѣзды Гаркуши, а вовторыхъ, кромѣ того судебнаго дѣла о Гаркушѣ, которымъ пользовался въ библіотекѣ Кіевской Временной Коммиссіи цитированный нами авторъ, есть еще, и другое—оно хранится, сколько намъ помнится, въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ архивѣ Маркевича-Лукашевича. При томъ, сущность, конечно, заключается не въ полномъ соотвѣтствіи эпизодовъ съ дѣйствительностію, а въ правильномъ пониманіи характера дѣятельности Гаркуши—и въ этомъ отношеніи Квиткинскіе разсказы о его подвигахъ являются вполнѣ вѣроятными, правдоподобными. Всѣ они служатъ выраженіемъ одной самой главной черты Гаркуши, выдѣляющей его изъ многочисленной группы обыкновенныхъ разбойниковъ и позволяющей ему занять мѣсто героя въ повѣсти; это разбойникъ принципіальный, своего рода Шиллеровскій Карлъ Мооръ; ему присуща идея о народномъ благѣ и справедливости, но только онъ ее осуществляетъ незаконными средствами. Конечно, дѣйствительный Гаркуша не руководствовался въ своихъ разбояхъ исключительно принципомъ высшей справедливости (хотя и дурно понятымъ), какъ это выходитъ у Квитки; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что грабилъ онъ преимущественно такихъ богатыхъ людей, которые пользовались дурной репутаціей среди своихъ сосѣдей и крестьянъ. И это объясняется совершенно просто: самъ Гаркуша вышелъ изъ народной среды и свою юность провелъ на Запорожьѣ, гдѣ демократическія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ; тамъ формировались въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ гайдамацкія купы, отправлявшіяся подъ начальствомъ запорожскихъ ватажковъ въ правобережную Малороссію для гра-

бежа *панскихъ* имѣній; незадолго передъ выступленіемъ Гаркуши на его поприще, это гайдамацкое движеніе разрѣшилось, какъ извѣстно, послѣднимъ страшнымъ взрывомъ — уманской рѣзней. Самъ Гаркуша потерялъ въ Польшѣ все свое богатство, благодаря все той же гайдамачинѣ: онъ долженъ былъ тайно пробраться черезъ кордонъ, такъ какъ послѣ уманской рѣзни въѣздъ запорожцамъ въ Польшу былъ запрещенъ, былъ настигнутъ стражею и принужденъ спасаться бѣгствомъ, оставивъ всѣ свои товары. Впослѣдствіи онъ, образовавши изъ запорожцевъ разбойничій отрядъ, пробрался въ Польшу и произвелъ два гайдамацкихъ набѣга на богатаго польскаго пана и еврея. Такимъ образомъ, Гаркуша дѣйствовалъ, очевидно, въ духѣ и согласно традиціямъ старыхъ гайдамаковъ; а въ образѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ проявлялась не одна страсть къ грабежу, а и соціально экономическіе, и политическіе мотивы. Такіе соціально экономическіе мотивы мы находимъ и у Гаркуши; они то и сдѣлали личность его популярной въ народѣ; они то и привели къ идеализаціи ея въ народной фантазіи и поэзіи. Квитка, составившій свой разсказъ на основаніи преданій, циркулировавшихъ въ мѣстномъ обществѣ, столкнулся съ двумя взглядами—панскимъ и мужицкимъ; по первому Гаркуша былъ злодѣй, одно имя котораго приводило въ трепетъ мужчинъ и женщинъ; по другому—герой, носитель высшей правды и справедливости. И то, и другое было односторонне. И нужно отдать должное Квиткѣ, что онъ съумѣлъ разобраться тутъ и провести свой трезвый, примиряющій, вѣрный взглядъ на дѣятельность Гаркуши. Онъ не извращаетъ фактовъ; онъ рисуетъ вѣрныя сцены, близкія къ дѣйствительности; онъ и не замалчиваетъ идейной стороны поступковъ Гаркуши, но онъ подвергаетъ ее критикѣ и доказываетъ несоотвѣтствіе ея съ правомъ и нравственностью. Его Гаркуша въ концѣ концовъ самъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ и говоритъ: „при всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно“.

Изъ спеціально историческихъ статей въ собраніи его сочиненій напечатано три: 1) *О слободскихъ полкахъ*, 2) *Украинцы*,

3) *Городъ Харьковъ;* все это—этюды по исторіи Слободской Украйны. До недавняго времени Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ приписывалась еще одна работа аналогичнаго содержанія, „*Записки о Слободскихъ полкахъ*“, изданныя въ 1812 году въ Харьковѣ. На заглавномъ листѣ этого сочиненія не было указано имени автора, а приписывалось оно Григорію Ѳедоровичу со словъ проф. Рославскаго-Петровскаго, отмѣтившаго это сочиненіе въ своемъ указателѣ трудовъ, напечатанныхъ въ типографіи Имп. Харьк. университета. Проф. И. П. Сокальскій, перепечатавшій эту брошюру въ 1883 году, также считалъ ее принадлежащей перу Григорія Ѳедоровича; хотя отысканная имъ же архивная справка свидѣтельствуетъ, что Квитка-Основьяненко былъ только ея *издателемъ* (отдалъ рукопись въ типографію и уплатилъ деньги за напечатаніе ея). Г. Шугурову, удалось доказать (и на нашъ взглядъ совершенно убѣдительно), что авторомъ „Записокъ о Слободскихъ полкахъ“ былъ не Григорій Ѳедоровичъ, а Илья Ивановичъ Квитка (его дядя). Но почему же Илья Ивановичъ не захотѣлъ выставить своего имени на обложкѣ сочиненія? Почему вообще онъ не хотѣлъ приписывать себѣ авторство въ этомъ трудѣ? „Всеприлежнѣйше прошу того одолженія, пишетъ онъ Тимковскому, чтобъ я удовольствіе имѣлъ видѣть труды мои изданные въ печати по слову вашему, но безъ надписанія сочинителя; и ежели вамъ угодно, то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное“. Намъ кажется, что тутъ могло имѣть значеніе то обстоятельство, что въ этомъ трудѣ было мало личнаго авторства И. И. Квитки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно обратить вниманіе на его содержаніе и характеръ. Это въ сущности перепечатка и сокращеніе различныхъ оффиціальныхъ документовъ по исторіи Слободской Украйны. Такихъ документовъ было нѣсколько; на первомъ планѣ нужно поставить знаменитый „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“—нѣчто въ родѣ оффиціальнаго историко-статистическаго описанія харьковскаго края; затѣмъ слѣдуютъ: „Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества“, Описаніе Слободско-Украинской губерніи 1802 г.“ и др. Недаромъ разсматриваемое нами сочиненіе названо „Записками о Слободскихъ полкахъ“: это дѣй-

ствительно полуоффиціальная о нихъ записка. Только вступленіе отличается другимъ характеромъ: тутъ авторъ полемизируетъ съ неизвѣстнымъ составителемъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества“, и пользуется для своихъ выводовъ свидѣтельствами Новгородской лѣтописи и Скиѳской исторіи Лызлова; въ главной же части никакихъ ссылокъ онъ уже не дѣлаетъ; въ основу изложенія здѣсь положены жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ. Въ концѣ находится любопытная приписка: „на семъ оканчиваются записки о Слободскихъ полкахъ“; она указываетъ какъ бы на то, что вся эта главная часть была собрана кѣмъ нибудь другимъ, а не авторомъ рукописи. Этому же послѣднему принадлежитъ кромѣ предисловія еще послѣсловіе, оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ и отличается строго фактическимъ характеромъ; въ первомъ помѣщенъ рядъ отдѣльныхъ краткихъ замѣтокъ по исторіи слободскихъ полковъ; во второмъ—перечень всѣхъ полковниковъ; въ третьемъ—перечень всѣхъ главнѣйшихъ мѣстечекъ (сотенныхъ городовъ), находившихся на территоріи Слободской Украйны.

Таковы „Записки о Слободскихъ полкахъ“ въ ихъ полномъ составѣ. Рукопись этого сочиненія И. И. Квитка въ 1810 году передалъ для напечатанія проф. Тимковскому, но этотъ послѣдній въ 1811 г. покинулъ Харьковъ—и статья Ильи Ивановича осталась ненапечатанной; тогда то у дяди и племянника возникла мысль издать ее самимъ въ Харьковѣ въ университетской типографіи; и если мы вспомнимъ, что Илья Ивановичъ велъ совершенно монашескую жизнь, то поймемъ, почему хлопоты по изданію принялъ на себя Григорій Ѳедоровичъ. Немедленно по выходѣ въ свѣтъ своего сочиненія, Илья Ивановичъ посылаетъ его на память о себѣ Тимковскому. Такимъ образомъ, первое историческое сочиненіе о Слободской Украйнѣ, изданное въ самомъ началѣ XIX ст., по характеру своему, близко подходитъ къ „Топографическому описанію харьковскаго нам.“ и „Описанію слободско-украинской губерніи 1802“; это нѣчто среднее между лѣтописью и настоящей исторіей—та самая литературная форма, которая, какъ извѣстно, получила чрезвычайно широкое распространеніе и въ Малороссіи XVIII вѣка.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка, близко стоявшій къ Ильѣ Ивановичу и издавшій его трудъ по исторіи Слободской Украйны, относился съ глубокимъ интересомъ къ прошлому своего края, но занялся спеціальными историческими розысканіями по мѣстной исторіи только подъ конецъ своей жизни. И это объясняется тѣмъ, что его, какъ писателя-художника, привлекало болѣе устное живое преданіе, чѣмъ мертвыя сухія хартіи; форма исторической (бытовой и былевой) повѣсти была для него пріятнѣе, чѣмъ строгія рамки ученой статьи.

Но вотъ въ 1838 г. возникли въ Харьковѣ „Губернскія Вѣдомости"—и Г. Ѳ. Квитка, постоянно интересовавшійся развитіемъ періодической прессы въ своемъ родномъ городѣ, бывшій однимъ изъ соредакторовъ „Украинскаго Вѣстника", даетъ новому органу большую ученую статью, заключающую исторію Харьковскаго края съ подробными историко-географическими свѣдѣніями о его городахъ. Статья эта не издана въ собраніи сочиненій Г. Ѳ. Квитки, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ такія свѣдѣнія, которыя не вошли въ три очерка его, помѣщенные въ „Современникѣ" и перепечатанные теперь въ 4-мъ томѣ его сочиненій. Намъ предстоитъ въ силу этого заняться сравненіемъ статьи Г. Ѳ. Квитки, помѣщенной въ „Х. Г. В.", съ его очерками, напечатанными въ „Современникѣ", и наконецъ опредѣлить взаимное отношеніе между его историческими работами и аналогичнымъ трудомъ Ильи Ивановича; ни того, ни другого не было сдѣлано еще въ литературѣ о Квиткѣ. Къ сожалѣнію мы принуждены пользоваться дефектнымъ экземпляромъ „Харьк. Губ. Вѣд." за 1838 годъ—въ немъ недостаетъ двухъ номеровъ, заключающихъ начало Квиткинской работы (1-го и 3-го). Во всякомъ случаѣ, судя по библіографическому указанію Г. П. Данилевскаго, можно полагать, что начало монографіи Г. Ѳ. Квитки, помѣщенное въ № 1-мъ подъ заглавіемъ „Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи. *Основаніе Слободскихъ полковъ*", соотвѣтствуетъ его статьѣ „*О Слободскихъ полкахъ*", помѣщенной въ „Современникѣ"; но эта послѣдняя повидимому значительно расширена по сравненію съ его первымъ опытомъ. Второй

очеркъ „Украинцы“ заключаетъ въ себѣ еще болѣе новаго матеріала; можно даже сказать, что онъ является совершенно новымъ этюдомъ нашего автора: въ статью „Губ. Вѣд.“ онъ не вошелъ. Совсѣмъ иное заключеніе мы должны высказать относительно 3-го очерка „*Городъ Харьковъ*“: онъ представляетъ почти буквальную перепечатку того, что раньше было помѣщено въ „Х. Г. В.“ (въ №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11). Затѣмъ въ „Х. Г. В.“ слѣдуютъ историко-статистическія описанія уѣздныхъ городовъ харьковской губерніи, и эта часть труда впослѣдствіи не была переработана Квиткой ни для „Современника“, ни для иного какого либо изданія; ее бы поэтому слѣдовало перепечатать въ Собраніи Сочиненій Квитки (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими замѣтками, не вошедшими въ 4 тома Квиткинскихъ трудовъ).

Теперь спрашивается, каково внутреннее достоинство указанныхъ нами выше историческихъ статей Г. Ѳ. Квитки? Насколько въ нихъ проявилось авторство его? Какіе источники положены были въ ихъ основаніе? На сколько достовѣрны сообщаемые Григоріемъ Ѳедоровичемъ факты и выводы?

Объ этихъ работахъ можно сказать почти то-же, что мы говорили о брошюрѣ Ильи Ивановича Квитки. Это—не изслѣдованіе, а компиляція изъ небольшого числа полуоффиціальныхъ бумагъ, очень близкая къ своимъ источникамъ по изложенію. Такъ на нихъ смотрѣлъ и самъ Квитка. Въ письмѣ къ Плетневу Квитка говоритъ: „О Слободскихъ полкахъ“ просила меня редакція „Отеч. Записокъ“. Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ „Губ. Вѣд.“ Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе“. Гр. Ѳед. Квитка не напрасно сдѣлалъ свою оговорку относительно статьи „О Слободскихъ полкахъ“. Мы сравнили ее страница за страницей съ „Записками о Слободскихъ полкахъ“ Ильи Ивановича Квитки и пришли къ убѣжденію, что первая представляетъ компиляцію (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращенную) второй; при томъ компи-

ляція эта очень близко подходитъ по языку къ своему оригиналу, иногда буквально воспроизводитъ его стиль. Впрочемъ нужно замѣтить, что это относится только къ описательной части труда Г. Ѳ. Квитки; начало же и конецъ его оригинальны. Григорій Ѳедоровичъ Квитка даетъ свое собственное объясненіе исторіи заселенія Слободской Украйны, какого мы не находимъ въ трудѣ Ильи Ивановича Квитки. Послѣдній старается только опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые заявляли, что слобожане были старинными обитателями Кіевскаго Княжества, ушедшими въ Литву и Польшу, но ничего не говоритъ о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ихъ удалиться подъ протекцію Московскихъ царей. Григорій же Ѳедеровичъ именно останавливается на этихъ причинахъ. „Угнетаемые жестокостью польскаго владычества въ свободномъ отправленіи вѣры и исполненіи ея обрядовъ, малороссіяне имѣли уже намѣреніе прибѣгнуть къ Русскому царю и просить объ исторгнутіи ихъ отъ чуждаго ига и принятіи въ прежнее подданство. Когда мысль сія въ націи еще зрѣла, нѣкоторые жители городовъ: Черкасъ, Зембора, Корсуня, Чигирина и другихъ разоренныхъ и болѣе угнетаемыхъ повѣтовъ въ 1646 году двинулися изъ за Днѣпра въ полуденныя земли Россійскаго государства. Они начали селиться на пустыхъ земляхъ по Бѣлогородской чертѣ. Черта сія устроена была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по возобновленіи Бѣлгорода, отъ р. Ворсклы до р. Дона, на 300 верстъ, по которой въ царствованіе Алексѣя Михайловича состояли или вновь построены города или лучше редуты: Болховецъ, Корновъ (очовидно, Карповъ), Хотмыжскъ, Вольный, Алешка“ и т. д. Тутъ вѣрно указана *одна* изъ причинъ переселеній и поставленъ на правильную почву вопросъ о характерѣ колонизаціи. Однимъ изъ основныхъ источниковъ послужило здѣсь Гр. Ѳед. Квиткѣ „Топографическое описаніе харьк. нам.“, если только и въ него эти свѣдѣнія не попали изъ болѣе древней рукописи—Экстракта о Слободскихъ полкахъ (въ той его пространной редакціи, которою пользовался И. И. Срезневскій въ „Историческомъ обозрѣніи гражданскаго устроенія Слободской Украины). Конецъ квиткинской статьи заключаетъ

въ себѣ краткія свѣдѣнія о дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ устройствѣ Слободской Украйны до открытія въ 1780 году намѣстничества.

Мы сказали, что основная часть статьи Г. Ѳ. Квитки представляетъ компиляцію изъ брошюры Ильи Ивановича Квитки; но это обстоятельство отнюдь не бросаетъ тѣни на Григорія Ѳедоровича. Самъ Илья Ивановичъ Квитка, какъ намъ уже извѣстно, не претендовалъ на авторство, потому что вся его статья представляла (за исключеніемъ предисловія и приложеній) простое воспроизведеніе документовъ. Повидимому въ основу ея положенъ былъ „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ"— и этимъ памятникомъ могъ пользоваться и Григорій Ѳедоровичъ Квитка; его имѣлъ въ рукахъ И. И. Срезневскій, составившій свой очеркъ почти одновременно съ Гр. Ѳед. Квиткой (въ 1839 году); затѣмъ Григорій Ѳедоровичъ могъ кое что почерпнуть (и дѣйствительно почерпнулъ) и изъ своей фамильной лѣтописи (о дѣятельности своихъ предковъ).

Гораздо болѣе самостоятельными являются остальные два очерка Г. Ѳ. Квитки—„Украинцы" и „Городъ Харьковъ".

Небольшая статейка „Украинцы" заключаетъ въ себѣ краткую характеристику домашняго быта слобожанъ. Она написана съ очевиднымъ знаніемъ дѣла, по личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, и напоминаетъ нѣсколько извѣстную работу Н. И. Костомарова „Двѣ русскія народности"; только здѣсь нѣтъ сравнительной характеристики: рѣчь идетъ объ особенностяхъ жизни и характера харьковскихъ малороссовъ. Любопытно указаніе Квитки на любовь ихъ къ грамотности и способность къ искусствамъ. Особенно обстоятельны свѣдѣнія его о старинной одеждѣ слобожанъ, и эти свѣдѣнія подтверждаются документальными данными, открытыми въ послѣднее время. Г. Ѳ. Квитка изъ числа принадлежностей древняго мужскаго казацкаго убранства называетъ—полукафтанье, черкеску съ откидными рукавами, шаровары и, наконецъ, полковничью мантію—и все это дѣйствительно было у Слободско-Украинской старшины, какъ видно изъ статьи „О старинной одеждѣ и принадлежностяхъ домашняго быта слобожанъ", основанной на

описи имущества Ахтырскаго полковника Перекрестова. Такое же соотвѣтствіе мы находимъ и относительно принадлежностей женскаго костюма (Ср. 462—463 стр. 4-го тома сочиненій Квитки и 173—174 стр. Харьк. Сборника на 1887 годъ).

Еще болѣе интересна третья статья Квитки—о г. Харьковѣ; она содержитъ въ себѣ обстоятельныя историко-статистическія свѣдѣнія объ этомъ центральномъ городѣ Слободской Украйны. Здѣсь авторъ пользовался и историческими матеріалами („Топографическаго описанія харьковскаго нам.“) и современными ему статистическими данными (1837 года), и личными наблюденіями. Очеркъ судьбы Харьковскаго коллегіума основанъ гл. образомъ на извѣстіи „Топогр. опис.“; описаніе посѣщеній Харькова Высочайшими Особами—на неизвѣстномъ намъ источникѣ. Въ заключеніе своего очерка Г. Ѳ. Квитка высказываетъ справедливое предположеніе, что Харьковъ получилъ свое названіе не отъ мифическаго Харька, а отъ р. Харьковы. Заслуживаютъ полнаго вниманія и историко-статистическія описанія уѣздныхъ городовъ Харьковской Губ., помѣщенныя въ „Х. Г. В.“; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ, такъ какъ по характеру своему они напоминаютъ очеркъ г. Харькова. Не можемъ, къ сожалѣнію, ничего сказать и о замѣткахъ Квитки, касающихся извѣстнаго Мировича, потому что въ университетской библіотекѣ не оказалось той книжки Рус. Архива, гдѣ онѣ напечатаны.

Изъ всего изложеннаго видно, что историческія повѣсти и статьи Квитки заключаютъ въ себѣ любопытный матеріалъ для исторіи южной Руси, и ихъ не долженъ игнорировать современный историкъ; для своего же времени онѣ представляли и интересное, и серьезное, и поучительное чтеніе. Не на нихъ, конечно, держится литературная слава Квитки, но и онѣ все таки поддерживаютъ ее. Онѣ сверхъ того пробуждали интересъ въ мѣстномъ обществѣ къ его родной старинѣ, къ его историческимъ дѣятелямъ, къ старинному быту—и тѣмъ способствовали пробужденію народнаго самосознанія,—въ этомъ ихъ мѣстное общественное значеніе. Онѣ же, наконецъ, знакомили съ старинным южнорусскимъ бытомъ и широкую публику, читавшую „Современникъ“, „Отечественныя Записки“.

Д. И. Багалѣй.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики.

Въ первой нашей статьѣ, главнымъ образомъ посвященной біографическому очерку, мы между прочимъ затронули вопросъ и объ отношеніи современной критики къ литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитки; при чемъ обращено было вниманіе на то, что большинство критическихъ отзывовъ, признавая несомнѣнный талантъ въ немъ, склонялось къ мысли о спеціальномъ призваніи его къ писательству малорусскому, и только сравнительно немногіе сожалѣли о томъ, что онъ пишетъ по-малорусски, а не на русскомъ литературномъ языкѣ. Въ настоящей статьѣ мы и намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ о роли Г. Ѳ. Квитки, какъ писателя малорусскаго по преимуществу, и посмотрѣть, какъ цѣнило и цѣнитъ эту его дѣятельность потомство, долженствующее явиться судьей безпристрастнымъ.

Изъ біографическаго очерка мы видимъ, что Г. Ѳ. Квитка, какъ писатель малорусскій, сложился въ очень позднюю пору своей жизни, а именно—на 55-мъ году отъ роду, т. к. серьезное проявленіе его таланта въ этомъ стилѣ нужно считать съ 1833 года, когда появилась его повѣсть „Солдатскій патретъ“ и нѣчто въ родѣ предисловія къ ней подъ заглавіемъ „Суплика до пана издателя“ (въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“); болѣе раннихъ попытокъ въ этомъ направленіи мы не считаемъ, особенно — пяти малороссійскихъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1822 г. и написанныхъ смѣсью русскаго языка съ малорусскимъ. Что-же касается комедіи „Шельменко,

волостной писарь", изданной въ 1831 году тоже смѣсью русскаго языка съ малорусскимъ, а также малороссійскаго подлинника повѣсти „Ганнуся", написаной въ 1832 году, но вышедшей въ свѣтъ въ этомъ видѣ только въ 1839 г., то ихъ нужно признать подготовительными шагами къ болѣе устойчивому пути малорусскаго писательства, начавшагося очень скоро послѣ нихъ.

Доказательствомъ того, что съ 1833 года Г. Ѳ. Квитка не случайно какъ-то, а вполнѣ сознательно ступилъ на этотъ путь, является его посланіе къ издателю альманаха „Утренняя Звѣзда", написанное въ тонѣ благодарности за предпринимаемое литературное дѣло вообще, а въ частности за то, что „хочешь ты тутъ-же прытулыты де що и *по нашому* пысаного. За сію выгадку ажъ трычи тоби дякую. Нехай-же знають и нашихъ! Бо е таки люде на свити, що зъ насъ кепкують и говорють, та й пышуть, буцимъ-то зъ нашихъ нихто не втне, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне; и що, стало быть, по нашому, опричъ лайки та глузування надъ дурнемъ, билшъ ничого не можно й написаты." Какъ не узнать въ этомъ журнальныхъ насмѣшекъ, которыя вчастую тогда попадались въ періодической прессѣ по вопросу о писательствѣ на малорусскомъ языкѣ! И вотъ Г. Ѳ. Квитка, давно уже подвизаясь на литературномъ полѣ, на 55-мъ году жизни, порѣшилъ не только явиться заступникомъ этого писательства, но и свой личный талантъ направилъ въ эту сторону. Какъ и почему это случилось, мы постараемся, по мѣрѣ нашего разумѣнія, разъяснить.

Хотя писательство на малорусскомъ языкѣ, повидимому, завоевало себѣ мѣсто, начиная съ появившейся въ 1798 году въ печати Энеиды И. П. Котляревскаго, пользовавшейся всякими сочувствіями; хотя вслѣдъ за этимъ мы видимъ понемногу проглядывающими въ печати мелочи малорусской письменности (въ родѣ малорус. оды Штабъ-лѣкаря Григорія Кошицъ-Квитницкаго, напечатан. въ 1807 г. въ № 9 „Вѣстн. Европы"); хотя заговорили о малорусскомъ нарѣчіи даже заграницей, а именно: въ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ была помѣщена рецензія объ Энеидѣ Котляревскаго,—однакоже, смѣло можно сказать,

что до конца 20-хъ годовъ и даже до начала 30-хъ еще не было у насъ прочно поставлено дѣло разумѣнія народной стихіи въ литературѣ. Мы не станемъ отрицать того, что были любители малорусскаго слова среди мѣстной интеллигенціи; не будемъ оспаривать и того, что среди столичной публики можно было встрѣтить лицъ, потѣшавшихся простодушнымъ украинскимъ юморомъ, мѣткими остротами, анекдотами и пр.,—но этого нельзя считать признакомъ того идейнаго признанія народной струи въ литературѣ, которое стало обнаруживаться въ русскомъ обществѣ только въ 30-е годы. Лучше всего, конечно, это можно провѣрить, прослѣдивъ за какимъ нибудь періодическимъ изданіемъ начала нынѣшняго вѣка.

Проф. Н. П. Дашкевичъ въ своемъ трудѣ „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки Исторіи Украинской Литературы XIX ст.“, желая доказать, что въ русской литературѣ не было исключительно враждебнаго отношенія къ малорусской письменности, но постоянно имѣло мѣсто и сочувствіе къ ней,—говоритъ, до 30-хъ годовъ однимъ изъ періодическихъ изданій, относившихся благосклонно къ украинской литературѣ, былъ журналъ московскаго профессора Каченовскаго „Вѣстникъ Европы.“ Мы имѣли случай разсмотрѣть весь этотъ журналъ отъ начала его изданія, и потому не можемъ безъ большихъ оговорокъ согласиться съ только-что приведенными словами уважаемаго изслѣдователя.

Начнемъ съ того, что въ „Вѣстникѣ Европы“ по общему вопросу о народной стихіи въ литературѣ мы находимъ однородныя мысли, и далеко не въ пользу этой стихіи, высказанныя въ разные годы изданія его. Разница въ томъ, что въ первый годъ изданія (1802 г. подъ редакц. Н. М. Карамзина) отрицался не только народный элементъ въ беллетристикѣ, но вообще провинціальный, какъ это видно изъ статьи В. В. „О русскихъ комедіяхъ“, гдѣ прямо сказано, что въ современныхъ комедіяхъ напрасно выводится жизнь провинціаловъ, а что слѣдуетъ сюжеты брать изъ столичной обстановки (Вѣстн. Евр. 1802 г., № 7, стр. 232—236). Въ 1820-мъ-же году (редакція М. Каченовского) находимъ замѣтку „Еще критика“, подписанную „Житель

Бутырской слободы", тдѣ идетъ рѣчь о старомъ поэтическомъ творчествѣ (прошлаго вѣка) въ сравненіи съ новымъ. Тутъ между прочимъ, говоря о сказкахъ и пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: „Вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны-ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ вспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній, Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились *въ сказки и пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслаы и Бовы на новый манеръ,—то я вамъ слуга покорный!"... Кажется, въ приведенныхъ словахъ мысль и тонъ совершенно опредѣленныя! Но продолжимъ нашу выписку. Переходя далѣе къ только-что появившимся въ „Сынѣ Отечества" отрывкамъ изъ „Руслана и Людмилы" *неизвѣстнаго пиита*" и удивляясь пріему такого творчества, авторъ восклицаетъ: „Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если-бы въ Московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ-бы зычнымъ голосомъ „здорово ребята!"—Неужели-бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ старику сказать публикѣ посредствомъ Вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?" (Вѣстн. Евр. 1820 г., № 11, стр. 217—220). Понятно, что разъ проводитъ журналъ идею, такъ-сказать, *фрачной* литературы, то какъ онъ можетъ относиться къ малорусской

письменности, видя въ ней во всякомъ случаѣ *мужицкій костюмъ* Согласно высказаннымъ положеніямъ, журналъ только и относится сочувственно къ этнографическимъ матеріаламъ (пѣснямъ особенно), которые поэтому и находили себѣ мѣсто въ эти-же годы на его страницахъ, то въ формѣ изслѣдованій, замѣтокъ, мелочныхъ справокъ, то въ сыромъ видѣ, какъ напр: въ 1818 г. (№ 21) помѣщены „Двѣ народныя пѣсни Славянъ Чермной Руси“ съ предисловіемъ, какъ отъ редакціи, такъ и со словъ Dziennik'a Wilensk'аго, очень сочувственнымъ къ собиранію пѣсенъ и вообще этнографическихъ матеріаловъ. Но когда пришлось „Вѣстнику Европы“ въ 1807 году (редакторство тоже М. Каченовскаго) помѣстить „Оду, сочиненную на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія“ Кошецъ-Квитницкимъ (а какъ было не помѣстить ея въ виду патріотическаго тона?), то М. Каченовскій въ примѣчаніи извиняется за этотъ поступокъ, словно за какое-то прегрѣшеніе: „Просимъ извиненія у нѣкоторыхъ читателей, что пять страницъ отнимаемъ у нихъ, желая угодить малороссіянамъ. Издателю извѣстно, что многіе жители Малороссіи и Украйны охотно читаютъ „Вѣстникъ Европы“ (1807 г., № 9, стр. 39).

До сихъ поръ мною были указаны только косвенныя улики не совсѣмъ дружелюбнаго отношенія „Вѣстникъ Европы“ къ малорусскому писательству; а вотъ впереди неоспоримый фактъ, такъ-какъ онъ касается самаго существа дѣла.

Какъ было сказано выше, Энеида И. П. Котляревскаго вызвало рецензію въ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ рецензентъ не могъ надивиться тому, что къ концу Энеиды приложенъ былъ довольно пространный реестръ словъ малороссійскихъ, которыя очень несходны съ великорусскими; онъ не могъ себѣ представить, чтобы нарѣчіе до такой степени было отлично отъ своего языка. По этому поводу проф. Краковскаго университета Бандтке помѣстилъ въ Варшавскомъ журналѣ статью „Замѣчанія и языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ“, гдѣ, между прочимъ говоря о неправильномъ пониманіи иностранцами цѣлостности русскаго языка, онъ разъясняетъ, что „языкъ малороссійскій, какъ не уступающій въ старшинствѣ

великороссійскому, не можетъ быть нарѣчіемъ сего послѣдняго". Разсуждая далѣе на тему о правахъ языковъ, Бандтке заканчиваетъ такъ: „Изящность и совершенство одного языка не вредитъ таковымъ-же достоинствамъ другого. Богемскій, Польскій и нынѣшній Россійскій могутъ процвѣтать каждый особенно, могутъ даже сообщать одинъ другому не только минутный блескъ, но и постоянное сіяніе, и дай Боже, чтобы и малороссійскій языкъ сталъ въ ряду ученыхъ славянскихъ языковъ". „Вѣстникъ Европы" 1815 г. (редакція того же П. Каченовскаго), помѣстивъ въ переводѣ эту статью Бандтке, снабдилъ ее своими примѣчаніями, совершенно опредѣленнаго характера. Такъ, по поводу послѣднихъ словъ, есть въ журналѣ слѣдующая выноска редактора: „Г. Бандтке предполагаетъ въ малороссійскомъ языкѣ, повидимому, богатую литературу; между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова Энеида или двѣ-три извѣстныя оды. Великороссійскій языкъ, на которомъ написаны уже многія тысячи книгъ разнаго званія, еще далекъ отъ совершенства; когда-же догонитъ его малороссійскій почти съ одною своею Энеидою, и къ чему-бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудностями"? (Вѣстн. Евр. 1815 г. № 22, стр. 123).

Вотъ каковы были воззрѣнія на малорусскую литературу въ первую четверть нашего вѣка одного изъ компетентнѣйшихъ въ то время журналовъ! И таковы-же можно смѣло сказать— были воззрѣнія большинства тогдашняго культурнаго русскаго общества. Однако время и труды постепенно подвигали впередъ дѣло народоизученія, а рядомъ съ этимъ—и любви и уваженія къ народу и народнымъ стихіямъ. Нѣтъ надобности указывать тѣхъ работъ по народоизученію, которыя появились къ началу 30-хъ годовъ какъ въ малорусской, такъ и великорусской этнографической наукѣ; скажемъ только что малорусскіе этнографы несомнѣнно опередили великорусскихъ, а въ зависимости отъ этого раньше выступила на широкую дорогу и этнографическая малорусская беллетристика. Уже въ 1827 году тотъ-же Вѣст-

никъ Европы подъ редакторствомъ того-же М. Каченовскаго печатаетъ малороссійскую балладу „Твардовскій“ П. Гулака-Артемовскаго съ предисловіемъ отъ редакціи (№ 6, стр. 116—129), другую балладу его-же „Рыбакъ“ съ очень сочувственнымъ предисловіемъ редактора, сказки его-же „Батько та сынъ“, „Рыбочка“, „Двѣ оды Горацієвы до Пархана“ (№ 22, стр. 130—135). Интересно сопоставить съ выписками, сдѣланными раньше, слѣдующія строки изъ предисловія къ „Рыбаку“: „Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить; но для другихъ мы сошлемся на Аллеманскія стихотворенія покойнаго Гебеля, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ, рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго. Кажется, позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ нашихъ, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ Швабіи“.

И вотъ, съ конца 20-хъ годовъ начинаетъ все опредѣленнѣе заявлять себя въ литературѣ [1]) направленіе украинское, особенно въ Харьковѣ, гдѣ такъ удачно сплотились къ тому времени молодые таланты, какъ въ области науки, такъ и въ области литературы. Среди-то всей этой обстановки литературной вообще, среди этихъ молодыхъ силъ, очутился въ Харьковѣ уже почти старикомъ (свыше 50 лѣтъ отъ роду) Григорій Ѳедоровичъ Квитка, который своей прирожденной мягкой душой, своимъ несомнѣнно сильнымъ талантомъ и своей незаглохшей національной стрункой почувствовалъ новое—и очень симпатичное ему—теченіе и пристало къ этому новому поколѣнію, да такъ пристало, что сейчасъ-же явился какъ-бы вожакомъ его, такъ что И. И. Срезневскій въ некрологѣ Квитки называетъ его *„первымъ нашимъ народнымъ писателемъ“* (Приб. къ Хар. Губ. Вѣд. 1843 г., № 33). Недавній сотрудникъ Вѣстника Ев-

[1]) Мы не сомнѣваемся въ томъ, что время обнаружитъ еще не мало украинскихъ піесъ этого періода, пока пребывающихъ въ рукописяхъ. Такъ, у насъ имѣется рукопись—къ сожалѣнію безъ начала—какой-то стихотворной поэмы „Полтава“, которою мы подѣлимся вскорѣ съ читателями.

ропы, Г. Ѳ. Квитка въ своей піескѣ „Суплика до пана издателя“, какъ мы видѣли уже изъ приведенной выше выдержки, оказывается какъ-бы непосредственно возражающимъ мыслямъ этого журнала („стало быть, по нашому, опричъ лайки та глузування надъ дурнемъ, бильшъ ничóго не можно й напысаты!“) и тутъ-же указывающимъ на писанія Гулака-Артемовскаго, на „Полтаву“ Гребенки (переводъ поэмы Пушкина, тогда еще невыпущенный въ свѣтъ); „та е й дрýги-прóчи, що на стыхахъ—на стыхахъ, а то таки й просто розмовою пышуть“—добавляетъ онъ.

Вотъ этимъ историческимъ ходомъ событій, по нашему мнѣнію, надо объяснить причину поздняго выступленія Г. Ѳ. Квитки на поле малороссійской словесности, а отсюда вытекаетъ и исходная точка для общественной критики его, къ чему мы теперь мы и обратимся.

Въ первой нашей статьѣ мы привели нѣсколько разнородныхъ отзывовъ о литературныхъ заслугахъ Г. Ѳ. Квитки, отзывовъ, принадлежавшихъ его современникамъ и касавшихся всей его литературной дѣятельности. Теперь въ дополненіе мы коснемся только тѣхъ критиковъ, которые говорили о немъ, какъ о писателѣ малорусскомъ, при чемъ не станемъ останавливаться на подробномъ изложеніи ихъ мыслей, а только отмѣтимъ болѣе выдающіяся мнѣнія, не касающіяся разбора тѣхъ или иныхъ его піесъ, а обращающія вниманіе на разумѣніе основной идеи въ его литературномъ творчествѣ.

На первую очередь считаю нужнымъ поставить мнѣнія тѣхъ двухъ младшихъ современниковъ Г. Ѳ. Квитки, имена которыхъ говорятъ сами за себя въ вопросѣ о компетентности сужденій, касающихся народной стихіи въ литературѣ... имена эти—И. И. Срезневскій и В. Даль (Луганскій).

И. И. Срезневскій, признавая въ немъ талантъ остроумнаго разскащика, наблюдательность, вообще все то, что дѣлаетъ человѣка выдающимся писателемъ,—въ некрологѣ по поводу смерти Квитки прямо заявляетъ свое основное мнѣніе о немъ, опираясь не на эти качества. „Худо бы оцѣнилъ его литера-

турныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ остроумнаго разскащика, наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни живо его описывалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; но заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно дороже: онѣ-то истинная слава его. Отчетливо понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ—сознаніе душевное. Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ его благородное стремленіе—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой они привыкли съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту“ [1]).

Если-бы эти строки относились исключительно къ попыткамъ Г. Ѳ. Квитки писать брошюры для народа (Лысты до любезныхъ землякивъ, Краткая священная исторія), тогда мысль была-бы намъ вполнѣ понятна; но, какъ видимъ, И. Срезневскій хотѣлъ все написанное Квиткою по-малорусски подвести подъ эту идею народной литературы. Безспорно—это преувеличено: если и въ наши дни мы, положа руку на сердце, можемъ сказать, что въ средѣ народа мало знаютъ нашихъ писателей, несмотря на многочисленныя къ тому попытки, то какъ-же допустить мысль, что во времена Квитки народъ читалъ его повѣсти, при почти полномъ отсутствіи грамотности—разъ, и при дороговизнѣ тогдашнихъ изданій—два. Понятно, поэтому, что мы должны въ этомъ отзывѣ И. Срезневскаго сдѣлать большую поправку, въ смыслѣ признанія за Г. Ѳ. Квиткою заслугъ народнаго писателя, желавшаго беллетрической разработкою бытовыхъ темъ своего народа вліять на души мѣстной украинской интеллигенціи, пробуждая въ ней сознаніе величія народныхъ основъ жизни и ослабляя тотъ рабски-крѣпостническій духъ, который всюду царилъ тогда въ помѣщичьей средѣ.

---

[1]) Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд. 1843 г., № 33.

Намъ кажется, что вѣрнѣе понялъ и лучше оцѣнилъ эту сторону дѣятельности Г. Ѳ. Квитки другой его младшій собратъ по перу, В. Даль-Луганскій. Основныя воззрѣнія В. Даля на начала народности въ жизни, въ наукѣ и въ литературѣ, конечно, извѣстны читателямъ, и потому мы, не будемъ останавливаться на нихъ, а въ видѣ справки укажемъ на огромный трудъ А. Н. Пыпина „Исторія Русской Этнографіи", гдѣ прекрасно охарактеризована эта личность. Мы же непосредственно обратимся къ тѣмъ мѣстамъ изъ критическихъ статей В. Даля о Квиткѣ-Основьяненкѣ, въ которыхъ онъ высказывается по этому общему вопросу. Разбирая очень подробно комедію Квитки „Сватанье" [1]), и указывая, что авторъ съ неподражаемой естественностью изображаетъ украинскаго простолюдина, В. Даль въ концѣ статьи затрогиваетъ вопросъ о различіи между *народною* и *простонародною* словесностью. „Первая—говоритъ онъ—можетъ относиться къ духу, обычаямъ, жизни всѣхъ званій и состояній одного и того-же народа; вторая—собственно къ житейскому быту, жизни духовной и тѣлесной простолюдина".... „Письменныя произведенія Основьяненка—продолжаетъ онъ далѣе—принадлежатъ безспорно къ самымъ вѣрнымъ, яркимъ и цвѣтистымъ картинамъ быта простолюдиновъ той части нашего огромнаго отечества, гдѣ живетъ и пишетъ сочинитель". И вотъ, опредѣливъ такъ достоинства произведеній Квитки, какъ образцы *простонародной* словесности, В. Даль не считаетъ, что эти произведенія написаны для народа, а говоритъ только: „кто понялъ душою, что такое народность, тому и *простонародное*, какъ коренная, основная и большая часть цѣлаго, будетъ и любо, и мило, и дорого". Однимъ-же изъ главныхъ достоинствъ простонародной словесности онъ считаетъ *языкъ*, и по этому поводу очень опредѣлено высказываетъ свое мнѣніе въ другой критической статьѣ о повѣстяхъ Квитки [2]): „Не прихоть Основьяненка заставила его бесѣдовать съ нами по своему, а необходимость; нельзя по-русски высказать все это съ сохраненіемъ

[1]) Литературн. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1837 г., № 39.
[2]) Литературн. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1837 г., № 52.

вполнѣ цвѣтовъ и красокъ нашего подлинника, непереводимаго ни на какой языкъ, какъ все самородное, первобытное, подлинное".

И такъ, мы видимъ, что и И. Срезневскій, и В. Даль сходятся оба въ признаніи важной заслуги Г. Ѳ. Квитки, какъ писателя спеціально малорускаго, и только разнятся другъ отъ друга нѣкоторыми частностями въ опредѣленіи роли и назначенія самого писательства, при чемъ, какъ кажется, роль эта точнѣе указывается толкованіями В. Даля, а у И. Срезневскаго болѣе проглядываетъ желаніе идеализировать ее.

Минуя цѣлый рядъ отзывовъ, принадлежащихъ другимъ, не менѣе компетентнымъ именамъ (Н. И. Костомаровъ и О. М. Бодянскій), мы переходимъ теперь непосредственно къ уясненію взглядовъ на Квитку П. А. Кулиша, имѣя на то особыя основанія, съ которыми, надѣемся, согласятся наши читатели.

Дѣло въ томъ, что мнѣнія П. А. Кулиша объ украинской словесности (не принимая, конечно, въ разсчетъ всѣхъ его писаній со времени появленія въ свѣтъ „Исторіи возсоединенія Руси") въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ были заявлены имъ, какъ извѣстно, конечно, читателямъ, нѣсколько въ своеобразной формѣ. Почему-то обрушившись съ укорами на первыхъ начинателей украинской словесности нынѣшняго вѣка, и особенно на И. П. Котляревскаго, П. А. Кулишъ признавалъ, что только Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко ступилъ на надлежащій путь и, въ виду этого, превозносилъ до небесъ и заслуги этого автора и въ частности достоинства его піесъ. Желающихъ подробнѣе вспомнить это отсылаемъ къ книжечкѣ П. А. Кулиша „Слово на новый выхидъ Квитчиныхъ повистей" (Спб. 1858 г.), а особенно къ альманаху „Хатѣ", изданному имъ въ 1860 году, гдѣ въ „Переднемъ словѣ до громады" развитъ его „Поглядъ на украинську словеснисть", а сами обратимся пока къ другому матеріалу.

Напомнимъ читателямъ, что въ статьѣ нашей „Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго" (Кіев. Стар. 1888 г., № 11) мы отчасти касались уже этихъ воззрѣній П. А. Кулиша и въ противоположность имъ напечатали выдержку изъ рукописной статьи М. А. Максимовича (неоконченной и

даже существующей только въ наброскахъ), готовившейся имъ для полемики съ П. А. Кулишемъ. Очевидно, что изъ этихъ набросковъ впослѣдствіи составлена была имъ другая тоже полемическая статья „Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя". Изъ напечатанной нами выдержки видно, что М. А. Максимовичъ не согласенъ съ тѣмъ умаленіемъ литературной заслуги И. П. Котляревскаго, до какого доходилъ П. А. Кулишъ. Само собою разумѣется, что М. А. Максимовичъ, въ виду этого долженъ былъ, говоря о Г. Ѳ. Квиткѣ, нѣсколько какъ-бы сдерживать преувеличенія П. А. Кулиша, и потому высказалъ свой взглядъ на Г. Ѳ. Квитку, могущій съ перваго раза показаться недоброжелательнымъ; но если вдуматься въ написанное, то мысль эта отойдетъ далеко. Мы воспользуемся теперь случаемъ и напечатаемъ изъ этой неоконченной статьи М. А. Максимовича все относящееся къ его взглядамъ на Г. Ѳ. Квитку и этимъ, думается намъ, во 1-хъ, охарактеризуемъ мнѣнія о немъ двухъ видныхъ дѣятелей на нивѣ нашего просвѣщенія, во 2-хъ, мелькомъ познакомимъ читателей словами М. А. Максимовича съ мнѣніями Н. И. Костомарова и О. М. Бодянскаго, и въ 3-хъ, предоставимъ возможность прочесть еще нѣсколько страничекъ, вылившихся изъ подъ пера одного изъ корифеевъ нашей науки.

Въ этихъ рукописныхъ наброскахъ сохранилась цѣльная глава, которая, какъ-бы приготовлялась въ видѣ продолженія „Обороны украинскихъ повѣстей Гоголя", т. к. носитъ тоже заглавіе и затѣмъ частное „Трезвонъ о Квиткиной Марусѣ". Вотъ эту главу мы и напечатаемъ прежде всего цѣликомъ.

Трезвонъ о Квиткиной Марусѣ.

Мы заглянули въ Квиткины повѣсти, по приглашенію г. Кулиша, и нашли въ нихъ ясную улику его этнографической критикѣ—въ столь-же чрезмѣрномъ и несправедливомъ пристрастіи къ Квиткѣ, какъ чрезмѣрно и несправедливо нынѣшнее предубѣжденіе его противъ Гоголя. Посмотримъ еще на величаніе Квиткиной повѣсти *Марусти*, превозносимой г. Кулишемъ выше всѣхъ повѣстей, являвшихся въ литературномъ мірѣ.

Въ „Переднемъ Словѣ до Громады“, (въ *Хатѣ* 1860 года) сказано: „Охотнѣйше почали наши хлопята слухати бурлацьке юродство Котляревськаго, а нѣжъ чепурхувату Карамзинщину. Якъ-же появивъ Квитка на свѣтъ свою *Марусю*, то вже хиба щири паненята—таки, що й нянькй були въ нихъ Нѣмкени—одъ неи одвертались. Що вже тамъ ни друковано (*печатано*) по столицяхъ—ничѣмъ такъ нашому брату не дого́жено. Те мы читали *смакуючи*, а Марусю *плачучи*; такъ тутъ уже хоть и не кажи, що намъ роднѣйше“ (с. VIII).

Отъ чего же: *хоть и не кажи*? Развѣ Квиткина Маруся отъ того намъ *роднье*, что мы ее читали *плачучи*? Много слезъ было пролито и въ Малороссіи—отъ чувствительныхъ повѣстей Карамзина, отъ разныхъ трогательныхъ сценъ изъ Театра Коцебу; но черезъ эти наши слезы—ни Карамзинщина, ни Коцебятина, не сдѣлались намъ *роднье* нашей смѣхотворной Котляревщины, которую и теперь еще помнятъ наизусть старосвѣтскіе Украинцы и даже Украинки. Квиткина *Маруся* такъ прекрасна, что не съ чего было отвертаться отъ нея и самымъ благовоспитаннымъ Малороссіянкамъ: имъ-то собственно и читать ее, *смакуючи* и *плачучи*. Но я не знаю никого кромѣ г. Кулиша, кому бы эта Квиткина повѣсть казалась лучше всего, что напечатано въ *столицахъ!*

Въ томъ же „Переднемъ Словѣ“ сказано: „Добрежъ, и ѣи (т. е. *Марусю*) земляки привѣтали! Дяковавъ (т. е. *благодарилъ*) Квитцѣ не одинъ панъ по пріятельски, що вонъ скомпоновавъ книжку понятну для ихъ лакеевъ. Той чистый, сельскій кринъ, той высокій поэтичный образъ нашои юности яснои, любя́чои, здався имъ, якъ то кажуть, *тривьяльнымъ*; бо про Квитку задзвонено только въ сельски дозвоны; городамъ и журналамъ було про его байдуже“ (с. XIX).

Во первыхъ: зачѣмъ же ставить передъ громадою на первомъ планѣ только тѣ *пріятельскія* остроты, которыми дразнили Квитку нѣкоторые харьковскіе сверстники его, по старой памяти о похожденіяхъ его коловратной молодости и о тѣхъ литературныхъ проказахъ, въ которыхъ онъ упражнялся съ *1816* года? Вѣдь были же другіе земляки, которые говорили

ему, что для него не нужно другой эпитафіи: „Онъ написалъ Марусю!“ Притомъ же *Маруся* вышла въ свѣтъ не въ одиночку: передъ нею *Салдацькій Партретъ*, за нею *Мертвецькій Великдень*; а въ этихъ двухъ смѣхотворныхъ разсказахъ *нѣкоторыя мѣста* весьма могли для многихъ читателей показаться *тривьяльными*, когда и самъ г. Кулишъ, въ Эпилогѣ своемъ, указываетъ на тѣ нѣкоторыя мѣста—какъ на „безобразныя каррикатуры дѣйствительности“; когда онъ въ своемъ изданіи этихъ повѣстей пробовалъ закрашивать своими *примѣчаніями* нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія черты авторовой кисти. Но прекрасный образъ *Маруси*—кому же могъ показаться *тривьяльнымъ?* За что взводить эту напраслину на Квиткиныхъ одноземцевъ?...

Во-вторыхъ: на что было говорить передъ громадою, будто про Квитку зазвонено только въ сельскіе колокола, а городамъ и журналамъ не было до него и нужды? Вѣдь это сущая небылица! Извѣстно всякому, какъ нескоро и теперь распространяются новыя книги по малороссійскимъ селамъ; а за четверть вѣка это происходило еще медленнѣе. Самъ г. Кулишъ свидѣтельствуетъ о томъ въ своей критикѣ, говоря: „*Библіотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними“. То есть не въ Украинѣ, а въ Новгорвдъ-Сѣверской сторонѣ, г. Кулишъ узналъ Вечера на Хуторѣ черезъ *три года* по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Первый томъ Квиткиныхъ *Малороссійскихъ Повѣстей* вышелъ въ Москвѣ, изъ типографіи Лазаревыхъ, *осенью 1834 г.*,—и черезъ нѣсколько-же недѣль, въ журналѣ Московскаго Университета (въ *Ноябрской* книжкѣ *Ученыхъ Записокъ*) явился разборъ этихъ повѣстей, написанный землякомъ нашимъ *І. Мастакомъ* (псевдонимъ О. М. Бодянскаго). Отчетливо изложилъ онъ свое мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ трехъ повѣстей, и воздалъ Квиткѣ достойную хвалу, какъ первому *прозаику* въ новой словесности Малороссійской. И такъ первый журнальный благовѣстъ о Квиткиныхъ повѣстяхъ былъ изъ *Москвы*; а вслѣдъ затѣмъ зазвенѣла слава объ нихъ въ Кіевѣ, въ Харьковѣ и по другимъ городамъ. Къ чему

же и эти жалобы г. Кулиша передъ громадою на журнальныя насмѣшки надъ Квиткою? Гораздо прежде тѣхъ насмѣшекъ журнальнаго смѣхотворца Брамбеуса было Квиткѣ великое вниманіе и отъ журналовъ петербургскихъ, начиная съ *Современника*, помѣстившаго въ 1837 году его *Солдатскій Портретъ* въ русскомъ переводѣ г. Даля.

Квитка былъ уже на верху своей литературной славы, когда въ *Малороссійской* Словесности явился достопамятный Шевченко, съ своимъ *Кобзаремъ* 1840 года. Передъ этимъ новымъ пѣвцомъ Украины, всѣ малороссійскіе стихотворцы, возникшіе вмѣстѣ съ Квиткою—Гребенка, Матерынка, Забѣла, Тополя, Могила, Галка и прочіе, остались назади, какъ poetae minores. Не говорю о нашей Заднѣстровской братіи того времени—Лѣвицкомъ, Вагилевичѣ, Устіановичѣ, Шашкевичѣ, Могильницкомъ... Запѣвы юной *Червонорусской* Музы [1]) были слабы въ сравненіи съ хоромъ вышепомянутыхъ пѣвцовъ Малороссійскихъ.

Очарованный Квиткиною *Марусею* г. Кулишъ обращаетъ въ ея пользу даже посланіе Шевченка до *Основъяненка*, продолжая свое „Передне Слово“ такъ: „А про те, знайшлися люде, котори прóсту селючку Марусю, якъ рóдну сестру, до серця пригорнули; и самъ Шевченко, объявившись мірови *Кобзаремъ* своимъ, напечатавъ до Квитки величню, голосну оду [2]).

Чи такъ, батьку отамане,
Чи правду спѣваю?

пытався въ его нашъ кобзарь, и перве мѣсце оддавъ передъ себѣ автору Маруси, заохочуючи его до новыхъ творóвъ:

Утни, батьку, щобъ нехотя
На ввесь свѣтъ почули!

Въ его повѣстяхъ-поэмахъ знаходивъ нашъ кобзарь на чужой сторонѣ Украину зо всѣми ѣи вѣчными дивами“ (с. XIX).

---

[1]) См. мою статью „О стихотвореніяхъ Червонорусскихъ“—въ *Кіевлянинѣ*, кн. 2, 1841 г.

[2]) Зачѣмъ называть *одою* это посланіе, когда въ немъ нѣтъ того, что составляетъ отличіе *оды* отъ прочихъ лирическихъ стихотвореній.

Здѣсь для умноженія Квиткиной хвалы г. Кулишъ далъ несвойственный толкъ даже знаменитому посланію. Шевченко написалъ это посланіе къ Квиткѣ, будучи воодушевленъ совсѣмъ не Марусею и не другими его малороссійскими повѣстями. онъ воодушевился историческимъ очеркомъ Запорожца *Головатаго*, который написанъ былъ Квиткою по-русски и напечатанъ 1839 года въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Бьютъ пороги, мѣсяцъ сходить,
Якъ и перше сходивъ;
Нема Сѣчи; пропавъ и той,
Хто всѣмъ верховодивъ...

т. е. *Потемкинъ*. А далѣе сказано:

Нашъ завзятый *Головатый*,
Не вире, не загине!

Для *новаго пѣвца* Украины былъ особливый смыслъ въ томъ Запорожцѣ и Черноморцѣ, какъ въ *послѣднемъ пѣвцѣ* Украины Старокозацкой,—и мнѣ жаль, что знаменательный для цѣлаго посланія стихъ о *Головатомъ* отмѣненъ въ третьемъ изданіи *Кобзаря*, и поставлено такъ:

Наша дума, наша пѣсня—
Не вире, не загине.

Не въ Марусѣ и не въ другихъ Малороссійскихъ повѣстяхъ Квиткиныхъ находилъ Шевченко „Украину со всѣми ея вѣчными дивами“, и не такихъ *новыхъ* повѣстей отъ Квитки желалъ Украинскій пѣвецъ, чтобы ему заплакать отъ нихъ на дальнемъ сѣверѣ и увидѣть въ нихъ свою Украину...

Спѣвай же имъ, мой голубе,
Про Сѣчь, про могилы,
Коли яку насыпалы,
Кого положили;
Про старину, цро те диво,
Що було, минуло...

Утни, батьку, щобъ нехотя
На ввесь свитъ почули,
Що дѣялось въ Украинѣ,
За що погибала,
За що слава козацькая
На всемъ свѣтѣ стала...

Вотъ чего хотѣлъ Украинскій пѣвецъ,—того именно, чего не было въ Малороссійскихъ повѣстяхъ Квитки, къ чему не было и призванія у нашего стараго повѣствователя [1]). На этотъ

[1]) Былъ слухъ, что Квитка въ послѣднее время, по совѣту преосвященнаго *Иннокентія*, который и погребалъ его, написалъ краткую *Священную Исторію*

поэтическій зовъ молодого кобзаря-Шевченка, что онъ написалъ еще по-малороссійски? Двѣ или три стихотворныя *побрехéньки*... А за *посланіе* онъ не сказалъ и спасибо поэту, даже не вспомянулъ о немъ, въ своемъ письмѣ, написанномъ по полученіи *Кобзаря*. (см. это письмо въ 7 книжкѣ Основы).

А у г. Кулиша въ виду все Квиткина *Маруся!* Въ „Словѣ на новый выходъ Квиткиныхъ повѣтей“ онъ говоритъ: „Обойшла насъ чарами Квитчина Маруся; зъ нею мы почали жити тимъ идеальнымъ счастемъ чистого сердця, которого нихто зъ насъ не дознавъ самимъ дѣломъ..., (с. XXII) Но и здѣсь — только личное впечатлѣніе г. Кулиша. Тысяча другихъ Малороссіянъ начинали жить идеальнымъ счастіемъ сердца, конечно, не отъ Квиткиной Маруси! Да и не всѣ-же Малороссіяне одинакового мнѣнія о ея безусловномъ превосходствѣ передъ прочими повѣстями Квитки. Ссылаюсь на вышепомянутый *разборъ* г. Бодянскаго, гдѣ и *Солдатскій Портретъ* и *Мертвецкій Великдень* предпочтены *Марусѣ* за то, что „она чрезвычайно растянута и загромождена описаніями“. Ссылаюсь и на *Обзоръ*, написанный *І. Галкою* (псевдонимъ Н. И. Костомарова) и напечатанный въ *Молодикѣ* 1843 года; тамъ сказано: „Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности; иное растянуто, другое недосказано; повѣсть *Козырь-Дѣвка* по отдѣлкѣ гораздо лучше *Маруси*“.

Въ эпилогѣ къ Чермой Радѣ, г. Кулишъ говоритъ, что *Маруся*—„до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству... упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи *простолюдинъ-Малороссіянинъ* не является въ столь *величественной простотѣ* нравовъ, какъ въ этой повѣсти. (с. 242) Нѣтъ, не упустили изъ виду этой *величественной простоты* нравовъ, а только не вмѣнили ея изображенія въ особенное *достоинство* этой повѣсти. Въ помянутомъ „*Обзорѣ*“ сочиненій, писанныхъ на Малороссійскомъ языкѣ, г. Костомаровъ, объяснивъ характеръ самой *Маруси*, и сказавъ, что она „ничуть не идеалъ“, что она „обыкновенна въ бытѣ Малороссійскомъ“;

на Малороссійскомъ языкѣ.. Но это не относится къ вопросу о посланіи Шевченковомъ.

вотъ что говоритъ о всей повѣсти: „При всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ *Василя* не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Марусѣ; онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта. Характеры *Наума*, отца Маруси, и матери ея, тоже не отличаются рѣзкими чертами (см. 173). Справедливость этого замѣчанія—оправдалась на самомъ г. Кулишѣ, который въ своемъ представленіи Наума и Насти при похоронахъ ихъ дочери—перемѣшалъ ихъ роли [1]).

И вслѣдъ затѣмъ у него сказано: „Такъ создавъ Квитка свою повѣсть-поэму Марусю. Вложивъ вонъ сюды ввесь даръ свій промовляти серцемъ до серця. Тутъ розумный вбачае всю его вѣру и всю исторію его власнаго серця"! Но въ томъ и дѣло, что Квитка, будучи по своему роду и жизни совсѣмъ не простолюдинъ, влагаетъ исторію *своего собственнаго сердца*—въ сердца простолюдиновъ Малороссійскихъ, которые потому и

---

[1]) На отдѣльномъ листочкѣ въ рукописной статьѣ есть объясненіе этого мѣста. А именно:

Въ Словѣ на выходъ онъ (Кулишъ) говоритъ: „Тутъ передъ намы немичъ и сыла души людськои, тутъ ій упадокъ и торжество; тутъ горе естества земного пиднялось до поезіи—и вже маты не тужить по дочци, а мовъ поэтъ, воспивае пышну ій красу, чисту ій душу, высоку ій долю небесную; уже батько не вбывается передъ домовыною, а, мовъ якый пророкъ, мовъ не своею сылою, прорицае людямъ Божи замогильны тайны". Но въ Квиткиной повѣсти—говоритъ Максимовичъ—тутъ передъ нами совсѣмъ не то. Старуха Настя до того затужила объ умершей дочери, что сперва лежала безчувственная, а когда нарядили и положили на лавѣ покойницу, тогда она все сидѣла возлѣ нея „и вже не плакала, бо й слизъ не стало, а тилько тяжко здыхала и не ивслова не здужала голосячи приговорювати". Три коротенькихъ отвѣта, совсѣмъ непоэтическихъ, и то болѣе объ себѣ, чѣмъ о Марусѣ, проговорила она мужу, когда тотъ сталъ разгонять ея печаль своими многословными рѣчами, какія любой сельскій духовникъ скажетъ при подобномъ случаѣ. На другой уже день, когда вывели Настю совсѣмъ немощную, чтобы раздавать по обычаю подарки и свѣчи дѣвушкамъ, она проговорила къ нимъ небольшое слово о своемъ осиротѣніи на старости, а послѣ того, обнявши крѣпко и цѣлуя Василя, подоспѣвшаго на самыя похороны своей невѣсты, ему проговорила она съ плачемъ небольшое слово. Что касается до старика Наума, то онъ у Квитки именно *убивается* надъ умершею дочерью, съ тѣми поэтическими причитаніями, какія на самомъ дѣлѣ произносятся обыкновенно осиротѣлыми матерьми, которыя г. Кулишъ и перелагаетъ въ уста осиротѣлой Насти и тѣмъ невзначай подправляетъ Квиткину картину.

являются у него часто не въ подлинной *простотѣ* своихъ нравовъ и обычаевъ; а пристрастный къ нему г. Кулишъ, въ свою очередь, влагаетъ въ его повѣсти и видитъ въ нихъ собственныя представленія и мечты о Малороссійскомъ простолюдинѣ. Потому—то ему и кажется, что у Квитки—„*вездѣ* проходитъ, въ болѣе или менѣе выразительныхъ чертахъ, *величавый образъ* Малороссійскаго простолюдина—это глубоко-нравственное лицо, которое ведетъ свое происхожденіе отъ неизвѣстнаго намъ общества... Пораженный этимъ явленіемъ умъ читаетъ въ немъ дѣяніе *исторіи* гораздо серьезнѣйшей, нежели козачество, гайдамачество и все, чѣмъ наполнены наши историческія сочиненія“ (*Эпилогъ* стр. 242). А въ „Словѣ на новый выходъ квиткиныхъ повѣстей“ сказано: „Озвалась дитина своимъ словомъ, почала розумни речи глаголати; и отъ, теперъ тóлько начинается настоящая жизнь Южного Русскаго племя; одъ нашого тóлько часу пойде настояща ёго *исторія* по-межъ народами, а то все була дѣтська казка“ (см. IV). Удивительный взглядъ на историческую тысячелѣтнюю жизнь южноруськаго народа; у него *настоящая исторія*—или въ томъ, что было во времена *до-историческія*, или въ томъ что еще *будетъ!*... Но назвать *дѣтскою сказкою* можно не тысячелѣтнюю историческую жизнь нашего малороссійскаго народа, а развѣ ту краткую его исторію или повѣсть, которую сочинилъ г. Кулишъ для *звѣзды* г-жи Шимовой. У него, конечно, на этомъ понятіи объ исторіи основано и то понятіе, о словесности Малороссійской, какое высказано въ его „Переднемъ Словѣ“ до Громады: „Украинска словесность—дѣло велике; се—нове слово межъ народами, которе на те и явилось, що-бъ яко-сь инше, не по-давнему, людьскій розумъ повернути“. Откуда же видно такое ея предназначеніе? Если она успѣла повернуть какъ-то иначе, не по-прежнему, чей-нибудь личный разумъ, то это не можетъ еще служить показателемъ, что она должна произвести тоже дѣйствіе и на весь человѣческій разумъ, что она для того и явилась въ мірѣ. Если она не нашла еще какъ говоритъ г. Кулишъ полнаго сочувствія и разумѣнія въ образованномъ кругу своего народа; если она не успѣла еще проникнуть въ свой простой людъ и подѣйствовать на его ра-

зумъ: какъ же предназначать ее уже для поворота всесвѣтнаго разума между народами?... Не будетъ ли это также только *дѣтская сказка?*... Относительно Квиткиныхъ повѣстей, въ „Словѣ на новый ихъ выходъ“ г. Кулишъ возглашаетъ такъ: „Тымъ-то й не хóчу я безъ потребы перегóртовати всего. Квитку по листочку, а глашу про его передъ громадою свое слово огуломъ, въ интересѣ всенароднему, выступивши напередъ своей лавы и чуючи за собою тысячи, котори мовчки слухають готового, а думають душею по-моему!“ (с. XXXII).

Но эти безмолвныя *тысячи*—не болѣе, какъ самолюбивая мечта оратора. Эти тысячи ничего не думаютъ и даже не вѣдаютъ о повѣстяхъ Квиткиныхъ; ихъ читаютъ и знаютъ преимущественно тѣ Украинскіе горожане и паны, противъ которыхъ такъ горячо и напрасно—ратуетъ ораторъ передъ громадою!

М. Максимовичъ.

1861. Окт. 26.

Въ дополненіе къ этой отдѣльной главѣ мы напечатаемъ одинъ отрывочекъ, сохранившійся на отдѣльныхъ листочкахъ въ тѣхъ-же матеріалахъ М. А. Максимовичъ. Тѣмъ болѣе у мѣста будетъ эта прибавка, что, правду говоря, въ цѣлой приведенной главѣ о Г. Ѳ. Квиткѣ М. А. Максимовичъ, расплываясь въ монологахъ полемическаго увлеченія, меньше сказалъ по существу разумѣнія роли Квитки, какъ писателя, чѣмъ въ этой добавкѣ.

Дѣло идетъ о томъ, что П. А. Кулишъ считалъ писанія Гулака-Артемовскаго тоже глумленіемъ надъ писательствомъ и противопоставлялъ ему „Марусю“ Квитки. Въ „Переднимъ слови до громады“ П. А. Кулишъ говоритъ: „Тымъ часомъ якъ поглумывсь Гулакъ надъ своимъ даромъ словеснымъ, у ёго сусида Квитки вже ворушилась у серци Маруся. Навкруги цвенькае дрибноголове панство, кепкують зъ ридной мовы, зъ ридныхъ звычаивъ, ще соби на лыхо похваляютъ и ридне слово де якіи, що ниякимъ иншимъ такого смиху въ беседи не наробышъ; а тутъ у серци въ его каплютъ поэтычни слёзы надъ Марусыною гарною и смутною долею, и выходыть вона на Бо-

жій миръ красна, красна, якъ та весна, що вже не вернется".

М. А. Максимовичъ по этому поводу замѣчаетъ:

„Мнѣ кажется, не стоило горячиться передъ громадою изъ-за того, что во время оно въ харьковскомъ околоткѣ, гдѣ народонаселеніе мѣшаное, были такіе паны, которые трунили надъ малороссійскими обычаями и языкомъ. Надо вспомнить при этомъ, что самъ Квитка, прежде чѣмъ въ его сердцѣ зашевелилась Маруся и закапали поэтичныя слезы, напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1822 г.) *малороссійскіе анекдоты*, которыми возбудилъ онъ большой смѣхъ нада малороссійскимъ простолюдьемъ. Помню живо, съ самаго студентства моего, то впечатлѣніе, которое произвела въ Москвѣ и въ Сѣверской Малороссіи эта литературная шутиха, пущенная въ народъ паномъ Квиткою. Что-же мудренаго, если нѣкоторые харьковскіе земляки его подшучивали послѣ и надъ нимъ самимъ. А между тѣмъ, какъ появлялись въ журналахъ стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ тѣ поры стали распростаняться между малороссіянами любовь и вкусъ ко всему, что составляетъ нашу малороссійскую народность, и особенно къ ея лучшему самовыраженію—къ народнымъ пѣснямъ. Это сознательное обращеніе къ *своенародности* въ литературѣ, прошедшее сочувственно во всемъ русскомъ и славянскомъ мірѣ, составляетъ знаменательный характеръ того времени, въ которое и 55-лѣтній Квитка сталъ писать по малороссійски подъ именемъ *Основьяненка*. Вотъ объ этомъ направленіи къ своенародности, распространявшемся тогда по всей Малороссіи, мнѣ кажется, лучше было-бы вспомянуть предъ громадою, чѣмъ остановиться на какихъ-то запоздалыхъ слобожанскихъ панахъ и въ горячемъ негодованіи на нихъ представить такъ невѣрно и неполно впечатлѣніе, произведенное *„Малороссійскими повѣстями Квитки"*.

Послѣ всего того, что было сказано нами въ началѣ этой статьи, едва-ли нужно что-нибудь добавлять къ только-что приведеннымъ словамъ. Въ самомъ дѣлѣ, главная заслуга Г. Ѳ. Квитки не въ томъ, что онъ создалъ что-то новое, невиданное и неслыханное, а въ томъ, что онъ, будучи старикомъ, сумѣлъ

угадать это новое, созданное самой жизнью, и пойти по тому исполненному правды и жизни пути въ литературѣ, который въ концѣ концовъ и составилъ ему славное имя среди литераторовъ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ Г. Ѳ. Квитки, какъ писателя малорусскаго, данной извѣстными тремя позднѣйшими изслѣдователями новой украинской письменности—А. Н. Пыпинымъ, Н. И. Петровымъ и Н. П. Дашкевичемъ.

Въ трудѣ А. Н. Пыпина „Исторія Славянскихъ литературъ“ Квиткѣ, равно какъ и прочимъ именамъ, удѣлено мѣста не очень много, но взглядъ на него высказанъ совершенно опредѣленный, неколеблющійся. Авторъ признаетъ въ Квиткѣ писателя, болѣе непосредственно отнесшагося къ народной жизни, чѣмъ его предшественники; „въ немъ—говоритъ А. Н. Пыпинъ—можно видѣть переходъ къ новому періоду малорусской литературы, когда ея писатели понимаютъ свою задачу болѣе сознательно и ищутъ въ народѣ не однихъ предметовъ для шутки и балагурства, но и общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ“ [1]). Въ этихъ словахъ, конечно, мы и видимъ существо разумѣнія дѣятельности Г. Ѳ. Квитки, что нами неоднократно подчеркнуто раньше; все-же остальное, какъ напримѣръ—указаніе въ его повѣстяхъ слишкомъ чувствительнаго тона, желанія идеализировать, манерности и болтливости въ разсказахъ, все это есть дѣло—скажемъ такъ—эстетической техники писателя, но не опредѣляетъ его общественной роли.

Поясненіемъ этого, а также указаніемъ различія между Квиткою—писателемъ общерусскимъ, и Квиткою—писателемъ малорусскимъ служитъ у А. Н. Пыпина слѣдующее мѣсто: „Въ русской литературѣ, которая начинала тогда ставить себѣ вопросы о внутреннихъ общественно-политическихъ отношеніяхъ, Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія своихъ общественнымъ пониманіемъ, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ“,—но изображеніе малорусской жизни, и

[1]) Спб. 1879 г, т. I, стр. 360.

особенно малорусской женщины составляло особенную область, которую онъ могъ воспроизводить съ большей непосредственностью и поэтической правдой. Успѣхъ Основьяненка въ этой области имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, потому-что своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ народной жизни и свойствамъ онъ открывалъ возможность новаго литературнаго пути, который и принятъ былъ потомъ малорусскими писателями".

Къ этой послѣдней фразѣ мы считали-бы возможнымъ прибавить, что этотъ путь былъ принятъ не только малорусскими писателями, но вскорѣ *на него ступили и русскіе беллетристы-народники*, весьма вѣроятно, не въ силу подражанія первымъ, а будучи призваны къ тому самыми фактами развивавшейся общественной жизни и ея интересами. Говорю я, мы считали-бы возможнымъ прибавить это и тѣмъ закончить нашъ обзоръ мнѣній о Квиткѣ, какъ писателѣ малорусскомъ, но трудъ Н. И. Петрова „Очерки Исторіи Украинской Литературы XIX столѣтія" заставляетъ насъ остановиться еще немного для выясненія воззрѣній этого изслѣдователя и для указанія возраженій, представленныхъ ему въ извѣстномъ разборѣ „Очерковъ" проф. Н. П. Дашкевича.

Н. И. Петровъ, принявшій, какъ извѣстно читателямъ, систему раздѣленія украинской литературы 19 вѣка на своеобразные періоды, изъ которыхъ первый—псевдоклассическій, а второй—сантиментальный, считаетъ стоящимъ во главѣ перваго И. П. Котляревскаго, а второго—Г. Ѳ. Квитку. Не говоря уже о томъ, что это искусственное дѣленіе на подобные неперіоды не выдерживаетъ строгой критики, что прекрасно разъяснено въ названномъ трудѣ Н. П. Дашкевича, мы обратимъ только вниманіе на его теорію вліянія русской литературы на Г. Ѳ. Квитку, которое обнаружилось въ подражаніи послѣдняго сантиментальнымъ повѣстямъ русскихъ писателей, особенно Карамзина.

Послѣ всего сказаннаго нами въ этой статьѣ, едва-ли есть надобность опять возвращаться къ прежнимъ темамъ и опровергать подобный взглядъ на Основьяненка, тѣмъ болѣе, что это со всей доказательностью разъяснено Н. П. Дашкевичемъ въ

упомянутомъ его разборѣ „Очерковъ“ г. Петрова. Поэтому, мы ограничимся только одной маленькой выпиской изъ этого труда Н. П. Дашкевича и тѣмъ закончимъ нашъ обзоръ критическихъ отзывовъ о Квиткѣ. Вотъ эта выписка. Говоря о томъ, что вообще малорусская повѣсть опередила общерусскую литературу въ дѣлѣ вѣрнаго и сочувственнаго изображенія народнаго быта, и указавъ, что только въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ появились „Записки Охотника“ Тургенева, „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“ Григоровича,— Н. П. Дашкевичъ заканчиваетъ развитіе этого положенія такими словами: „мы позволимъ себѣ противопоставить этимъ произведеніямъ болѣе раннія украинскія повѣсти Квитки и не находимъ возможнымъ согласиться съ взглядомъ г. Петрова на Квитку и другихъ болѣе раннихъ изобразителей жизни украинскаго народа, какъ на послѣдователей сантиментализма, господствовавшаго въ общерусской литературѣ“ [1]).

Изъ всѣхъ отмѣченныхъ мною мнѣній о Г. Ѳ. Квиткѣ, какъ малорусскомъ писателѣ, я позволю себѣ, въ видѣ подведенія итоговъ, сдѣлать такой заключительный выводъ. Безспорно, Квитка съ своими малорусскими повѣстями и комедіями долженъ быть признанъ писателемъ *самобытнымъ*, стоящимъ во главѣ новаго, чисто народническаго, періода въ украинской литературѣ; но появленіе его въ этой роли не можетъ считаться, какъ думаетъ г. Кулишъ, чѣмъ-то вполнѣ новымъ, неожиданнымъ, а объясняется фактами общаго теченія въ развитіи національнаго вопроса, свидѣтельствуя, впрочемъ, о его талантливой натурѣ и чуткой душѣ, ранѣе и мѣтче другихъ угадавшей, гдѣ таятся живые источники новой поэзіи, и тѣмъ открывшей болѣе просторную дорогу для своихъ преемниковъ. Вспомню, что Гоголь—глава реальной школы въ русской литературѣ—имѣлъ, по основательному признанію многихъ, своимъ предшественникомъ *Григорія Ѳедоровича Квитку—Грыцька Основьяненка*.

В. Науменко.

[1]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 89.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.[1]

III.

Предметомъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области синтаксиса русскаго языка Потебня избралъ вопросъ о „составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ". Этому замѣчательному труду, пролагающему новые пути наукѣ, онъ предпослалъ большое „Введеніе", само по себѣ составляющее трудъ классическій. По своему содержанію, оно непосредственно примыкаетъ къ этюду „Мысль и Языкъ", съ которымъ мы имѣли дѣло до сихъ поръ, и заключаетъ въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ и общихъ вопросовъ Языкознанія. Здѣсь разъясняется, что́ такое слово, что́ такое грамматическая форма вообще и ея различныя категоріи въ частности, что́ такое предложеніе и его части.

Намъ необходимо теперь познакомиться съ важнѣйшими положеніями, здѣсь установленными, въ особенности съ тѣми, которыя относятся къ понятію *грамматической формы и члена предложенія*.

Опредѣленіе слова, данное выше („единство членораздѣльнаго звука, значенія и представленія") годится только для языковъ простѣйшаго строенія, не имѣющихъ грамматическихъ формъ (каковъ напр. китайскій). Но для языковъ флексивныхъ, т. е. имѣющихъ грамматическій строй, оно недостаточно, потому что въ такомъ языкѣ всякое слово, кромѣ звука, значе-

[1]) См, „Кіевская Старина" 1893 г. № 7.

нія и представленія, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто, именно *формальное* или *грамматическое значеніе*. Говоря напр. „верста", я совершаю *актъ мысли*, въ которомъ соединяю со звуками *верста* понятіе напр. о 500-саженномъ разстояніи и еще сознаніе того, что это есть *существительное женскаго рода единственнаго числа* въ *именит. падежѣ*. Такое сознаніе присуще не только человѣку, учившемуся грамматикѣ, но и всякому безграмотному, съ тою лишь разницею, что послѣдній, не зная терминовъ, не можетъ осмыслить и выразить это свое грамматическое сознаніе. Тѣмъ не менѣе и для него, какъ и для насъ, учившихся, вполнѣ ощутительна не только лексическая, но и грамматическая разница между *верста* и *верстовой*, *постройка* и *строить*, *говорю* и *разговоръ* и т. д.

Понятіе „500 саженъ", а равно и другія, прежде соединявшіяся съ тѣмъ же звуковымъ комплексомъ *верста* (*возрастъ*: отъ млады версты, юнъ верстою, откуда *сверстникъ; пара, ровня*: божественная и свѣтозарная вырста Борисе и Глѣбе,— „Изъ зап. по рус. грам. 21—3) составляютъ *лексическія* или *вещественныя* значенія слова *верста* или точнѣе различныхъ однозвучныхъ словъ „верста". Свойство тѣхъ же словъ быть существ. жен. р. ед. ч. и т. д. образуетъ ихъ *грамматическое* или *формальное* значеніе. Послѣднее по отношенію къ первому есть своего рода *представленіе*. Въ своей грамматической категоріи *верста представлена* какъ существо жен. рода. Такія представленія были живы на раннихъ ступеняхъ мысли, когда вещи понимались какъ живыя существа, а равно и позже, когда такое пониманіе стало *фикціею*, но—фикціею, еще живо затрогивавшею мысль, такъ что представленія, вызывавшіяся грамматическою формою, напр. женскимъ родомъ, множеств. числомъ и пр., еще воспринимались сознаніемъ въ качествѣ извѣстнаго способа пониманія вещей, точки зрѣнія на нихъ. Съ теченіемъ времени и это значеніе (для мысли) грамматической формы блекнетъ, представленіе, въ ней нѣкогда заключавшееся, стирается, и она остается только какъ *форма*. Всѣ мы хорошо знаемъ, что *верста*—сущ. жен. рода, а *домъ*—сущ. муж. р., но въ насъ эти грамматическіе признаки не вызываютъ никакого

живаго представленія, которое бы подсказывало намъ извѣстный способъ пониманія этихъ вещей, устанавливало бы извѣстную точку зрѣнія на нихъ. Мы не знаемъ и не интересуемся знать, почему домъ—муж. рода, а верста—жен., а не наоборотъ. Разница между чисто-формальнымъ значеніемъ грамматической формы и ея былымъ значеніемъ живаго представленія можетъ быть ощутима, когда мы, съ поэтическими или риторическими цѣлями, оживляемъ умершее представленіе, нѣкогда жившее въ данной формѣ, или вкладываемъ въ нее новое, напр. „Природа, какъ любвеобильная мать, питаетъ тварей"; здѣсь уже самый женскій родъ слова „пророда" имѣетъ значеніе живаго представленія; напротивъ, въ выраженіи „изслѣдователь явленій природы" этотъ женскій родъ не имѣетъ уже ровно никакого значенія, и эффектъ фразы былъ-бы тотъ-же и при муж. или сред. родѣ.

Забвеніе живыхъ представленій, нѣкогда связывающихся съ грамматическими формами, играетъ ту же благодѣтельную роль въ развитіи мышленія, какую выше мы приписали забвенію внутренней формы словъ въ процессѣ образованія понятій. Исчезновеніе живаго признака въ грамматической категоріи есть превращеніе прежней вѣры или убѣжденія въ *фикцію*, которая въ свою очередь все болѣе блѣднѣетъ. Пока человѣкъ живо и наглядно представлялъ себѣ черты, подсказываемыя грамматическою формою слова, онъ тратилъ на одинъ актъ мысли гораздо больше умственной энергіи и времени, чѣмъ теперь, когда онъ ихъ не мыслитъ въ ихъ отдѣльности, а только пассивно воспринимаетъ ихъ знаки, какъ фикцію. Говоря *лошадь, истина, востокъ, заря*, я уже не обременяю своей мысли представленіемъ лошади непремѣнно въ жен. родѣ (я включаю въ среду значенія этого слова и жеребцовъ),—истины и зори—какъ существъ съ конкретными аттрибутами, востока—какъ живаго дѣятеля муж. пола. Вся эта, необходимая въ глубокой древности, нынѣ излишняя, затрата мыслительной энергіи устранена, примѣрно такъ какъ въ математикѣ иксы, игреки и другіе знаки избавляютъ ученаго отъ лишней затраты времени и мысли, неизбѣжной при употребленіи терминовъ болѣе „полно-

вѣсныхъ", которые своей словесной содержательностью (напр. „неизвѣстная величина" вмѣсто x) задерживали бы движеніе мысли.—Энергія мысли, освобожденная отъ необходимости затрачиваться на мышленіе самой грамматической формы, устремляется въ другія сферы, затрачивается болѣе производительно на выработку новыхъ точекъ зрѣнія или пріемовъ мышленія.

„Моменты вещественный и формальный"—говоритъ Потебня—„различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово преметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе [1]), значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, не обходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество передъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли". („Изъ записокъ по русской грамм." 2, стр. 27).

Изъ приведеннаго мѣста между прочимъ видно, что *грамматическія категоріи* вообще и такъ-назыв. *части рѣчи* въ особенности должны быть разсматриваемы какъ рубрики, по которымъ классифицируются наши представленія, или—точнѣе—

[1]) Т. е. „индоевропейскіе".

какъ раздѣльные акты мысли, производящіе такую классификацію. Сущность процесса состоитъ въ томъ, что, принимая наши *впечатлѣнія* (*воспріятія*) за *признаки* самихъ вещей, мы смотримъ на эти признаки съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно тому, каковымъ представляется намъ отношеніе признака къ предмету. Во-первыхъ, мы можемъ смотрѣть на извѣстный признакъ, какъ на присущій предмету, пассивно ему принадлежащій, данный въ немъ: снѣгъ *бѣлъ*, *бѣлая* бумага, *свѣтлое* небо, *темная* ночь. Апперцепированный въ словѣ, такой признакъ даетъ *имя прилагательное*. Во-вторыхъ, мы можемъ разсматривать признакъ не какъ данный заранѣе въ предметѣ, не пассивно ему принадлежащій, а какъ производимый его дѣятельностью, продуктъ его энергіи: снѣгъ *бѣлѣетъ* (какъ-бы самъ производитъ свою бѣлизну), солнце *свѣтитъ*, ночь *темнѣетъ*. Апперцепція такого признака въ словѣ есть *глаголъ*. Далѣе, признакъ можетъ быть понятъ, какъ производимый дѣятельностью предмета, но, разъ онъ усмотрѣнъ и вниманіе на немъ сосредоточено, онъ можетъ быть отнесенъ къ предмету, какъ его свойство. Такая точка зрѣнія, выраженная въ словѣ, создаетъ часть рѣчи, въ которой глагольность соединена съ прилагательностью, при чемъ послѣдняя беретъ верхъ надъ первою. Это—такъ-назыв. *причастіе*: *бѣлѣющій* снѣгъ, *свѣтящее* солнце, *темнѣющая* ночь.

Въ этихъ трехъ частяхъ рѣчи имѣетъ мѣсто выдѣленіе изъ массы признаковъ, составляющихъ предметъ одного, на который и обращается вниманіе, при чемъ въ словѣ апперцепируется не самъ по себѣ этотъ признакъ, а его отношеніе къ предмету: въ прилагательномъ выражена его принадлежность предмету, въ глаголѣ—его отношеніе къ предмету, какъ продукта къ производителю, въ причастіи—оба отношенія вмѣстѣ. Но возможна еще одна точка зрѣнія, въ силу которой извѣстный признакъ не выдѣляется изъ совокупности другихъ, т. е. изъ предмета, а схватывается словомъ именно для обозначенія этой совокупности. Медвѣдь имѣетъ много признаковъ, но языку незачѣмъ перечислять ихъ всѣхъ, а достаточно указать одинъ, который почему-либо представляется характернымъ,

напр. тотъ, что это животное ѣстъ медъ. Выраженный въ словѣ „медвѣдь", этотъ прзнакъ служитъ представителемъ всѣхъ прочихъ признаковъ медвѣдя и обозначаетъ весь предметъ цѣликомъ въ его единствѣ, въ его отдѣльности отъ другихъ предметовъ. Такое слово есть *имя существительное*. Какъ извѣстно, съ теченіемъ времени представленіе, схваченное въ словѣ, подлежитъ забвенію, но самое—то слово удерживаетъ свойство обозначать данный предметъ: домъ, огонь, солнце. Въ этомъ видѣ существительное указываетъ на совокупность признаковъ, составляющихъ предметъ, не выдвигая впередъ ни одного изъ нихъ. Какъ при наличности внутренней формы, такъ и безъ нея, существительное есть актъ мысли, которымъ мы апперцепируемъ *субстанціальность* вещей, при чемъ мы можемъ ее апперцепировать какъ тамъ, гдѣ она находитъ свое оправданіе въ дѣйствительности, такъ и тамъ, гдѣ она такого оправданія не находитъ. Въ послѣднемъ случаѣ существительныя выражаютъ субстанціи *фиктивныя*: отъ различныхъ предметовъ отвлекается признакъ, общій имъ всѣмъ, напр. признакъ бѣлизны отъ снѣга, камня, бумаги и т. д., и затѣмъ этому признаку приписывается субстанціальность, которой въ дѣйствительности онъ не имѣетъ. Съ этой точки зрѣнія воспроизведенный въ словѣ, онъ даетъ бытіе существительному *бѣлизна*.

Теперь обратимся къ *членамъ предложенія*. Мы уже знаемъ, что въ примитивномъ словѣ-сужденіи заключено цѣлое предложеніе, въ которомъ выраженъ лишь одинъ *предикатъ* (сказуемое). Изъ такого одночленнаго предложенія развиваются двучленныя (съ подлежащимъ и сказуемымъ) и многочленныя (съ подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ, опредѣленіемъ, обстоятельствомъ) черезъ разложеніе образа на его признаки и опредѣленіе въ словѣ различныхъ отношеній признаковъ къ предмету. Первый шагъ въ этомъ процессѣ состоитъ въ томъ, что сказуемое, которое одно только и выражено въ предложеніи одночленномъ („жижа" о солнцѣ, „медвѣдь" объ извѣстномъ животномъ), превращается въ подлежащее, а въ сказуемомъ схватывается посредствомъ другого слова какой-бы то ни-было признакъ этого подлежащаго, напр. тотъ, который уже указанъ

внутреннею формою слова (медвѣдь ѣсть медъ), или другой, извлеченный изъ значенія (медвѣдь—животное четвероногое). Мы наблюдаемъ здѣсь три акта мысли, составляющіе одно цѣлое, одинъ умственный процессъ: одинъ, которымъ апперцепируется подлежащее, другой, которымъ схватывается какой-либо изъ его признаковъ, и третій, при помощи котораго устанавливается въ сознаніи то особаго рода отношеніе этого признака къ подлежащему, которое называется *предикативнымъ*. Въ выраженіи „бѣлый снѣгъ“ аттрибутъ „бѣлый“ не предикативенъ (не сказуемое): онъ здѣсь *опредѣленіе*, и все выраженіе еще не есть сужденіе. Но если тотъ-же аттрибутъ выдѣленъ изъ подлежащаго и потомъ приписанъ ему такъ, какъ будто онъ не былъ въ немъ усмотрѣнъ раньше, какъ будто онъ только-что открытъ, то онъ становится *предикатомъ* (сказуемымъ): снѣгъ бѣлъ, снѣгъ бѣлѣетъ. Этотъ предикатъ—онъ-же грамматическое сказуемое—не долженъ быть смѣшиваемъ съ предикатомъ логическимъ. Послѣдній есть лишь отвлеченіе отъ психологическаго процесса, осуществляющагося силою языка,—именно вышеуказаннаго процесса разложенія образа на признаки и возведенія одного изъ нихъ на степень предиката. Разница между тѣмъ и другимъ станетъ ясною для насъ, если вспомнимъ, что логика не знаетъ ни дополненій, ни обстоятельствъ, и для нея предикатъ—это все, что отнесено къ субъекту, т. е. логическій предикатъ заключаетъ въ себѣ грамматическое сказуемое вмѣстѣ съ второстепенными частями, къ нему относящимися, такъ же какъ и логическій субъектъ совмѣщаетъ въ себѣ грамматическое подлежащее и его опредѣленія и дополненія. Такъ напр. сужденіе „эта французская книга доставила мнѣ большое удовольствіе“ съ точки зрѣнія логики состоитъ только изъ двухъ частей, т. е. изъ двухъ актовъ мысли, субъекта (эта французская книга) и предиката (доставила мнѣ большое удовольствіе). Въ дѣйствительности, т. е. психологически, здѣсь не два, а цѣлыхъ 7 актовъ мысли, потому что психологически и грамматически подлежащее вовсе не сливается въ одинъ актъ мысли со своими опредѣленіями, а сказуемое со своими дополненіями въ другой. Пока я схватываю мыслью опредѣленіе „эта“ я не могу заодно

схватить и другое („французская“) да еще въ добавокъ и подлещажее „книга“, и какъ бы скоро я ни переходилъ отъ одного къ другому, всетаки для каждаго изъ нихъ нуженъ особый моментъ, отдѣльный актъ мышленія. То же самое относится и къ сказуемому съ его дополненіями: я держу въ умѣ раздѣльно сказуемое „доставила“ и дополненія „мнѣ“, „удовольствіе“, отдѣляя мыслію отъ послѣдняго его аттрибутъ „большое“. Такимъ образомъ, сужденіе, какъ процессъ психолого-грамматическій, есть движеніе, мысли, дробящейся на отдѣльные моменты, которыхъ логика не различаетъ. Оттуда выводъ: опредѣленіе грамматическаго предложенія не можетъ быть выведено изъ понятія о сужденіи логическомъ.

Послѣднее есть неизмѣнная схема, равно обязательная для всѣхъ временъ и народовъ. Первое постоянно измѣняетъ свой строй и духъ по народностямъ (по языкамъ) и во времени. Потебнѣ принадлежитъ та заслуга, что онъ первый доказалъ это строго—научнымъ образомъ. A priori же оно можетъ быть выведено слѣдующимъ путемъ. Выше мы видѣли, что части рѣчи суть раздѣльные акты мысли, которыми мы апперцепируемъ отношеніе признака къ предмету. Далѣе, говоря о предложеніи и его частяхъ, мы нашли, что они суть также раздѣльные акты мысли, которыми устанавливаются извѣстныя отношенія сказуемаго къ подлежащему, опредѣленія къ опредѣляемому, дополненія къ дополняемому. Всматриваясь въ эти отношенія, мы замѣчаемъ, что въ сущности они суть тѣ-же которыя апперцепированы въ частяхъ рѣчи. Такъ напр. въ *существительномъ* мысль схватываетъ „предметъ“,—то же самое дѣлаетъ и *подлежащее* съ тою-лишь разницею, что ставитъ этотъ предметъ въ положеніе дѣйствующаго лица; въ прилагательномъ указанъ признакъ, данный въ предметѣ,—то же самое указано *опредѣленіемъ* „*бѣлый* снѣгъ“ и частью сказуемаго „снѣгъ (есть) *бѣлъ*“; глаголъ обозначаетъ признакъ, производимый энергіею предмета,—такъ же точно и сказуемое *бѣлѣетъ* выражаетъ результатъ энергіи подлежащаго *снѣгъ* и т. д. Однимъ словомъ, *части рѣчи* и *члены предложенія* это только различныя названія одного и того же явленія. Это двѣ точки зрѣнія (этимологическая и

синтаксическая) на одинъ и тотъ же психологическій процессъ. Оттуда, полное сліяніе этимологіи съ синтаксисомъ составляетъ идеальную цѣль лингвистики, и нигдѣ оно не было доведено до такой полноты, какъ именно въ трудахъ Потебни.

Но извѣстно, что части рѣчи не стоятъ неподвижно, что они измѣняются въ теченіе вѣковъ, и эти измѣненія формъ и составляли до сихъ поръ предметъ „исторіи языка“,—исторіи, которую можно назвать внѣшнею. Если же части рѣчи мѣняются, имѣютъ исторію, то неизбѣжно должно измѣняться и имѣть исторію и *предложеніе*. Оттуда выводъ Потебни, что нельзя дать общаго, неподвижнаго опредѣленія *предложенія*, какъ можно и должно сдѣлать это для *логическаго сужденія*, а слѣдуетъ доискиваться отдѣльныхъ, частныхъ опредѣленій *различныхъ типовъ предложеній*—для каждой эпохи особо. „Въ языкѣ нѣтъ“—говоритъ Потебня—„ни одной неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно *предложенія*, подобно тому какъ неизбѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпичей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей“. (Изъ зап. по рус. грам. ^{2} 7 в—77).—„Интересъ исторіи именно въ томъ, что она не есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ основнаго взгляда на языкъ, какъ на измѣнчивый органъ мысли, слѣдуетъ, что исторія языка, взятаго на значительномъ протяженіи времени, должна давать рядъ опредѣленій предложенія“. (ibid. 77).

Своими глубокими изслѣдованіями Потебня положилъ основаніе *внутренней исторіи языка*,—онъ открылъ *законъ эволюціи предложенія*, т. е.—*мысли*, и это открытіе по праву должно быть названо великимъ.

Если возьмемъ предложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ является оно въ настоящее время, въ развитыхъ языкахъ, то найдемъ, что оно по преимуществу *глагольно*, т. е. его центръ тяжести—въ *глагольномъ сказуемомъ*. Подлежащее нерѣдко отсутствуетъ, глаголь—сказуемое—никогда: случаи, когда глаголъ

опускается, не означаютъ его отсутствія, ибо—невыраженный словомъ—онъ тѣмъ не менѣе существуетъ въ мысли, какъ напр. нашъ глаголъ *есть* [1]). Напротивъ того, въ современномъ предложеніи *подлежащее* часто *фактически* отсутствуетъ даже тогда, когда оно выражено особымъ словомъ. Потебня считаетъ предложеніями безъ подлежащаго не только такія, какъ „свѣтаетъ" „тошнитъ" и пр., но и такія, какъ „я сказалъ" съ удареніемъ на глаголѣ, потому что мѣстоименіе „я" здѣсь—только замѣна отсутствующаго окончанія въ глаголѣ (сказалъ) и вовсе не служитъ характеристикою дѣйствующаго лица. Другое дѣло „я сказалъ" съ удареніемъ на „я": мѣстоименіе является здѣсь не просто замѣстителемъ личнаго окончанія, но указываетъ на дѣйствующее лицо, заставляя мыслить его конкретные признаки; оно здѣсь—замѣна извѣстнаго *существительнаго*.

Глаголъ въ сказуемомъ играетъ двойную роль: 1) онъ можетъ наполнять собою все сказуемое цѣликомъ и 2) можетъ составлять только часть его. Возьмемъ два предложенія: „Петръ Великій царствовалъ самодержавно" и „Петръ Великій былъ самодержавный царь". Эти два предложенія покажутся равносильными только для поверхностнаго взгляда, невооруженнаго лингвистическою наблюдательностью. Если даже допустимъ (чего, строго говоря, нѣтъ), что ихъ содержаніе одно и то же, то способъ, какимъ оно схвачено въ томъ и другомъ, различенъ, различіе находится въ сказуемомъ. Въ первомъ сказуемое „царствовалъ" выражено однимъ глаголомъ и составляетъ *одинъ актъ мысли*. Во второмъ оно выражено двумя словами (глаголомъ *былъ* и существительнымъ *царь*) и при томъ такъ, что эти два слова образуютъ не одинъ, а именно *два акта мысли*. Сказуемое перваго предложенія есть *простое*, сказуемое втораго—*составное*. Составное сказуемое не нужно смѣшивать съ такъ называемыми сложными или описательными временами (изъ вспомогательнаго глагола и причастья или неопр. накл.), каковы франц. je *suis venu, j'ai pris,* нѣм. ich *habe genommen,* ich *bin*

[1]) Стоитъ только взять вместо наст. врем. прошедшее или будущее, чтобы убѣдиться въ этомъ: „Петръ Великій (есть) геній", но „Петръ В. былъ геній".

gekommen, наши старинныя „есть взялъ“, „есть умьрлъ“, (откуда нынѣшнія *взялъ*, *умеръ*). Всѣ эти сложныя времена, хотя и состоятъ изъ двухъ словъ, но суть сказуемыя простыя, а не составныя, потому что заключаютъ въ себѣ только одинъ актъ мысли, а не два. Французъ не мыслитъ *suis*, какъ самостоятельный глаголъ, отдѣльно отъ *venu*: въ его сознаніи оба слова сливаются въ одинъ актъ мысли. Напротивъ, тотъ же глаголъ *suis* въ предложеніи „je suis pauvre“ уже не сливается въ одинъ актъ съ прилагательнымъ *pauvre*, и сказуемое здѣсь—составное (изъ двухъ актовъ).

Всѣ описательныя времена (je suis venu, ich bin gekommen и т. д.) возникли изъ прежнихъ составныхъ сказуемыхъ, черезъ превращеніе двухъ актовъ мысли въ одинъ. Такое именно превращеніе повторяется вновь, когда мы отъ предложенія „Петръ В. *былъ царь* самодержавный“ переходимъ къ предложенію „Петръ В. *царствовалъ* самодержавно“. Сущность процесса состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ составнымъ сказуемымъ „былъ царь“, такъ и простымъ „царствовалъ“ схваченъ одинъ и тотъ же признакъ подлежащаго „Петръ В.“, но схваченъ различнымъ образомъ, съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Точка зрѣнія, представляемая составнымъ сказуемымъ, состоитъ въ томъ, что въ субстанціи „Петръ В.“ усматривается присутствіе другой субстанціи „царь“ и отношеніе этой послѣдней къ подлежащему мыслится особымъ актомъ мысли, выражающимся въ глаголѣ „былъ“. Такъ какъ этотъ глаголъ устанавливаетъ извѣстную связь между двумя субстанціями, то удобнѣе всего называть его *связкою*. Съ точки зрѣнія простаго сказуемаго „царствовалъ“, въ подлежащемъ не усматривается никакой другой субстанціи, кромѣ той, которая непосредственно выражена имъ самимъ („Петръ В.“), но за то въ немъ открывается *энергія*, *дѣятельность*, прямо производящая данный признакъ („царствовалъ“), въ силу чего уже нѣтъ надобности мыслить *связку*.

Если бы я задался цѣлью изложить въ популярной формѣ все „введеніе“ въ изслѣдованіе о „составныхъ членахъ предло-

женія", то мнѣ пришлось бы написать цѣлый томъ. То немногое, но существенное, что изложено въ этой главѣ, представляется мнѣ достаточнымъ для пониманія нижеслѣдующаго, а равно и для того, чтобы облегчить читателю—неспеціалисту изученіе классическаго труда Потебни въ его подлинникѣ.

IV.

Въ языкѣ (какъ и во всемъ, что̀ подлежитъ закону эволюціи) новыя явленія возникаютъ постепенно, и столь же постепенно отживаютъ старыя, такъ что каждый данный моментъ въ исторіи языка представляетъ причудливую смѣсь стараго съ новымъ. Если мы вырвемъ такой моментъ изъ его связи съ другими и будемъ разсматривать его отдѣльно, то пожалуй и не разберемъ, что̀ въ немъ старое, отживающее, и что̀ новое, нарождающееся. Но стоитъ только взять рядъ моментовъ, обозрѣть явленія языка на большомъ пространствѣ времени, и тогда само собою обнаружится, какія изъ нихъ идутъ на убыль, какія развиваются дальше или вновь возникаютъ.

Къ числу явленій, весьма обычныхъ встарину, характерныхъ для стараго языка и совсѣмъ исчезнувшихъ въ современномъ русскомъ, принадлежатъ между прочимъ *сочетанія причастій дѣйствительныхъ съ разными глаголами для выраженія составнаго сказуемаго.* Нужно оговориться, что въ данномъ случаѣ устраняются изъ разсмотрѣнія сочетанія причастій на—*лъ* (далъ, взялъ, былъ) съ разными формами глагола *есмь*, потому что эти сочетанія уже въ глубокой древности потеряли характеръ составнаго сказуемаго, превратившись въ описательныя времена. Мы будемъ имѣть въ виду пока только причастія дѣйствительныя наст. и прош. врем. на—*щій,-чій,—вшій,-шій.* Изъ большаго количества собранныхъ Потебнею фактовъ, сюда относящихся, мы выберемъ лишь нѣсколько церковнославянскихъ и древнерусскихъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе о явленіи, представляющемъ большой психологическій интересъ.

Въ Евангеліи Луки (18, 11—12) фарисей говоритъ, что онъ не такой, какъ другіе, что онъ постится и даетъ десятину. Въ греческомъ текстѣ послѣднія два сказуемыя такъ и выражены — соотвѣтственными глаголами (νηστεύω — пощусь, ἀποδεκατῶ—плачу́ десятину); такъ-же переведено по церковнославянски въ Маріинскомъ Еванг. (поштѫсѧ, даѭ), но не такъ въ остроміровомъ Ев., гдѣ простыя сказуемыя „пощусь“, и „даю десятину“ переведены не буквально“, а скорѣе „вольно“, сказуемыми составными (изъ причастій и подразумѣваемаго глагола *есмь*): (есмь) алъчѧ, (есмь) десѧтинѫ даѭ. Славянскій переводчикъ, замѣчаетъ Потебня, въ данномъ случаѣ сообразовался съ требованіями своего языка, и смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я—исправный плательщикъ десятины. („Изъ зап. по русс. Грамм.“, 128).

Подобные обороты весьма характерны не только для церковно-славянскаго, но и для древнерусскаго языка, и мы въ изобиліи находимъ ихъ въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ:

Си же (иніи языци, иже дань даютъ Руси) *суть* свой языкъ *имуще*=имѣютъ свой языкъ.

И *есть* та церки *стоящи* въ Корсунѣ градѣ=церковь стоитъ.

Суть же кости его и доселѣ тамо *лежаче*=лежатъ.

Буди упъвая на Господа=букв. „будь уповающій“=уповай.

И *бѣ обладая* Олегъ Поляны=букв. „былъ обладающій“=обладалъ Полянами.

И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, *бѣ* бо *имущи* презвутеръ=ибо имѣла пресвитера.

Въ настоящее время подобные обороты невозможны: мы ихъ замѣняемъ либо простыми глагольными сказуемыми, либо составными, но не изъ причастій, а изъ *именъ существительныхъ*. Мы не скажемъ „церковь есть стоящая“, „Ольга была имѣющая“, „я—постящійся“, а скажемъ: церковь *стоитъ*, Ольга *имѣла*, я *пощусь*, или я—*постникъ*.

Еще болѣе чуждо нашему теперешнему языку сочетаніе тѣхъ-же причастій съ другими глаголами, которые встарину служили „связками“ наравнѣ съ глаголомъ *быть*. Напр. въ церковно-слав.

Мьняахѫ доухъ видѫще (Остром. Ев.)—букв. *„думали* духъ *видящіе“*, что́ нынѣ невозможно; мы скажемъ: думали, что видятъ.

Въ древнерусскомъ:

Данило.... *сожалиси отславъ* сына си Лва и воѣ (Ипат. Лѣт.). Въ *буквальномъ* переводѣ на современный языкъ выйдетъ „пожалѣлъ отославшій сына“, что́ невозможно. Если же вмѣсто причастія *отславъ* поставить наше дѣепричастіе, то получится другой смыслъ: лѣтописная фраза вовсе не значитъ „отославши сына и воиновъ, Данило пожалѣлъ“, но „пожалѣлъ, *что отославъ*“.

И яко *сконча зижа* (окончивъ строить), украси ю (церковь) иконами.

Святославъ.... *сѣде княжа*.—Это не значитъ, что онъ „сѣлъ въ то время, какъ княжилъ“: это значитъ „сѣлъ (чтобы) княжить“.

Всѣ эти старые обороты знаменуютъ собою такое состояніе мысли, которое мало приспособлено для апперцепціи предиката въ формѣ чисто-глагольной. Человѣкъ, который говоритъ „я есмь любящій“ вмѣсто „я люблю“, схватываетъ въ сказуемомъ признакъ „любить“ не въ формѣ энергіи подлежащаго, а въ видѣ признака, въ немъ обнаруживающагося, выражая этотъ признакъ причастіемъ и связывая послѣднее съ подлежащимъ при помощи вспомогательнаго глагола. Въ роли глагола—связки выступаютъ не только такіе формальные глаголы, какъ быть, являться, казаться, именоваться, но и такіе, какъ думать, окончить, сѣсть, и т. д. Нѣкоторые изъ послѣднихъ и въ современномъ языкѣ могутъ играть роль связокъ, но только въ соединеніи не съ причастіемъ, а съ неопред. наклоненіемъ (сѣлъ княжить, окончилъ строить), о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Старый оборотъ съ причастіемъ въ сказуемомъ и глаголомъ—связкою имѣетъ какъ бы два равносильные центра: *имя* въ подлежащемъ и другое *имя*-же (причастіе) въ сказуемомъ. Такое предложеніе, сравнительно съ нынѣшнимъ, представляется плохо скрѣпленнымъ и какъ-бы готовымъ распасться на части. Когда мы говоримъ „церковь стоитъ“, «Ольга имѣла вящественника“,

то центръ тяжести мысли сосредоточивается у насъ въ глаголѣ-сказуемомъ (стоитъ, имѣла). Такого центра тяготѣнія нѣтъ въ старыхъ оборотахъ „церковь есть стоящая", „Ольга была имѣющая", гдѣ глаголъ-связка не обладаетъ полною предикативною силою, большая часть которой падаетъ на причастіе. Послѣднее, въ силу своей предикативности, легко вытѣсняетъ соотвѣтсвенные глаголы, которые такимъ образомъ существуютъ въ языкѣ, но остаются какъ бы не у дѣлъ. Мысль еще не привыкла орудовать глаголами и сосредоточиваться на представленіи энергіи подлежащаго. Даже употребляя глагольный оборотъ, она повидимому не вполнѣ сознаетъ всю силу сказуемаго-глагола и рядомъ съ нимъ ставитъ причастіе, какъ форму по своей предикативности равносильную глаголу. Оттуда между прочимъ обороты, которые для нашего сознанія орудующаго глаголами и не придающаго большой предикативной силы причастію, кажутся безобразными, напр. „заутра *въставъ и* рече", „*въсплакавъ и* рече", буквально „*вставшій и* сказалъ", *заплакавшій и* сказалъ" вмѣсто „*всталъ* и сказалъ", „*заплакалъ* и сказалъ". «Наша рѣчь (говоритъ по поводу этихъ оборотовъ Потебня, „Изъ зап.", 187) вообще компактнѣе древней. Въ настоящемъ случаѣ („онъ вставши сказалъ") она характеризуется тѣмъ, что въ ней дѣепричастіе весьма тѣсно связано со сказуемымъ и тяготѣетъ только къ нему, такъ что сказуемое съ дѣепричастіемъ рѣшительно перевѣшиваетъ подлежащее. Союзъ въ „вставши *и* сказалъ" намъ претитъ потому, что противорѣча вышеупомянутому тяготѣнію дѣепричастія, вноситъ въ рѣчь распущенность; но безобразное въ нынѣшнемъ языкѣ могло не быть такимъ въ древнемъ, если было знаменіемъ его строя. Въ девнемъ языкѣ на мѣстѣ нашего дѣепричастія стояло причастіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ глагольному ному сказуемому. Поэтому можно думать, что въ древнемъ „вставъ и рече" присутствіе союза дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ свойство оборота, существовавшее и безъ союза, именно то, что въ продолженіи—два почти равносильные центра".

Тотъ-же предикативный характеръ старыхъ причастій, т. е. ихъ способность быть сказуемымъ даже безъ помощи гла-

гола-связки, обнаруживается въ другого рода оборотахъ, а именно когда оно играетъ роль самостоятельнаго сказуемаго въ придаточномъ предложеніи, соединенномъ съ главнымъ посредствомъ относительнаго слова (мѣстоименія или союза). Такъ фраза „они не вѣдаютъ, что̀ творятъ“ имѣла въ церковно-слав. такой видъ: не вѣдать бо сѧ, чьто творѧще—букв. не вѣдаютъ, что *творящіе*. Въ старо-русскомъ сюда относятся:

И не бысть, *кто помилуя* ихъ—букв. „не былъ, кто помилующій ихъ“, т. е. некому было сжалиться надъ ними.

По смерти же великаго князя Болеслава, не бысть *кто княжа* въ Лядской земли,—букв. „не былъ, кто княжащій“=некому было княжить.

И тако съступиша, еже рекше—букв. „отступили отъ того, что̀ сказавшіе“=не исполнили того, что̀ обѣщали.

Такіе обороты Потебня указываетъ въ старыхъ памятникахъ чешскихъ и польскихъ, а также въ современномъ литовско-латышскомъ, который, какъ извѣстно, сохранилъ много архаическаго.

Итакъ, причастія дѣйствительныя въ старинномъ языкѣ могли играть роль *сказуемаго* и притомъ—не только въ соединеніи съ глаголами—связками, но и безъ нихъ, сами по себѣ. Это значитъ, что они имѣли большу́ю *предикативную* силу. Въ настоящее время они лишены этой силы, не употребляются въ качествѣ сказуемыхъ, и ихъ роль органичивается сферою *атрибутивности*, т. е. они служатъ въ качествѣ „опредѣленій“. Но и здѣсь ихъ употребленіе нерѣдко замѣняется другими оборотами, въ особенности *дѣепричастіемъ*, т. е. нарѣчіемъ, происшедшимъ отъ стараго причастія. Въ великорусскомъ народномъ языкѣ эта новая форма совсѣмъ вытѣснила причастія дѣйствительныя, отъ которыхъ остались лишь нѣкоторые обращики, утратившіе причастный характеръ и превратившіеся въ обыкновенныя прилагательныя (горючій, сыпучій и т. п.) Общерусскій (литературный) языкъ, „вообще проникнутый“, по замѣчанію Потебни, „консервативными стремленіями“ и развившійся подъ непрерывнымъ вліяніемъ церковно-славянскаго, сохранилъ

старыя причастія дѣйствительныя [1]), на ряду съ дѣепричастіями но ограничиваетъ ихъ употребленіе другими оборотами:

1) вмѣсто прежняго „есть церки *стоящи*“—церковь *стоитъ*.

2) вмѣсто стараго „въставъ (прич.=вставшій) рече“—*вставши* (дѣеприч.) сказалъ.

3) вмѣсто „сѣде *княжа*“ (прич.)—сѣлъ *княжитъ* (неопр. накл.).

Весь процессъ носитъ явные признаки дифференціаціи: функція, выполнявшаяся прежде одной формою (причастіемъ), теперь исполняется тремя. Но самое-то предложеніе въ новомъ языкѣ оказывается болѣе цѣльнымъ, болѣе связнымъ, чѣмъ его старый прототипъ, потому что дѣепричастіе и неопред. накл. тѣснѣе примыкаютъ въ мысли къ глаголу, чѣмъ имена, въ томъ числѣ и причастіе. „Вставши сказалъ“ или „сѣлъ княжить“ образуютъ въ сознаніи два акта мысли, которые весьма тѣсно связаны между собою и составляютъ какъ-бы одно цѣлое, противупоставленное третьему акту мысли—подлежащему:

$$\underbrace{(\text{князь})}_{1}+\underbrace{(\text{вставши}+\text{сказалъ})}_{2}.$$

Неизмѣняемсоть (несогласуемость) дѣепричастія и неопред. накл. не позволяетъ этимъ формамъ тянуть къ подлежащему, и онѣ тѣснѣе примыкаютъ въ сознаніи къ сказуемому. Напротивъ причастіе, хотя и составляетъ часть сказуемаго, но согласуясь съ подлежащимъ, не выходитъ изъ сферы тяготѣнія къ этому послѣднему и какъ-бы удаляется отъ глагола связки; помѣщенное подъ воздѣйствіе этихъ двухъ силъ, влекущихъ его въ разныя стороны, оно, при глаголахъ очень формальныхъ (какъ *есмь*), подавляетъ ихъ своею содержательностью и, согласуясь съ подлежащимъ, является какъ-бы его отраженіемъ въ сказуемомъ:

$$\underbrace{\text{Церковь}}_{1}+\underbrace{\text{есть}}_{2}+\underbrace{\text{стоящая}}_{3}$$

---

[1]) Прич. дѣйств. наст. врем. сохранилось не въ русской формѣ на—чій, а въ церковно-славянской—на—щій. Русская же форма дала бытіе нѣкоторымъ прилагательнымъ, напр. *горящій*—прич., *горячій*—прилаг.

Предложеніе носитъ характеръ трехъ тактовъ, двухъ сильныхъ въ началѣ и въ концѣ, и одного слабаго по серединѣ, при чемъ грамматическія функціи двухъ предѣльныхъ актовъ мысли аналогичны: оба выражаются *именами* (существ. и прич.), оба вызываютъ въ сознаніи представленіе жен. рода и един. числа. Дѣятельность мысли развивается скачками, а не плавнымъ переходомъ отъ одного акта къ другому. При глаголахъ менѣе формальныхъ, какъ „сѣлъ“ (княжить), причастіе въ сказуемомъ („княжащій“) должно было имѣть огромную предикативную силу, чтобы подавить въ мысли сопротивленіе такихъ глаголовъ какъ „сѣсть“, и не быть понятымъ въ смыслѣ *опредѣленія* подлежащаго. Въ буквальномъ переводѣ на современный языкъ фраза „N сѣде княжа“ такъ и будетъ понята: N, княжащій сѣлъ... Это потому именно, что мы сосредоточиваемъ предикативность въ глаголѣ, а причастіе для насъ только опредѣленіе. Оно вовлекается въ сферу подлежащаго, и предложеніе принимаетъ форму двухъ темповъ:

(N, княжащій),+сѣлъ...
1 2 3

Между тѣмъ какъ въ старомъ оборотѣ оно опять-таки слагалось изъ двухъ сильныхъ ударовъ мысли, въ началѣ и въ концѣ, и слабой скрѣпы формальнымъ глаголомъ между ними:

N+сѣде+княжа.
1 2 3

Чѣмъ болѣе предикативной силы имѣетъ причастіе, тѣмъ формальнѣе глаголъ—связка, тѣмъ служебнѣе его значеніе. Съ потерей причастіями ихъ предикативной силы, увеличивается „удѣльный вѣсъ“ глагола; онъ перестаетъ быть служебнымъ и формальнымъ и становится самостоятельнымъ сказуемымъ, выступая въ своемъ вещественномъ значеніи. Старый языкъ употреблялъ много такихъ глаголовъ въ чисто-формальномъ значеніи, которые въ настоящее время или совсѣмъ потеряли его или же сохраняютъ нѣкоторую его тѣнь въ соединеніи не съ именами, а съ неопред. наклоненіемъ. Таковъ напр. *сѣсть*. Формальное значеніе его въ предложеніи, N, княжащій, сѣлъ... утрачено, и онъ выступилъ здѣсь въ своемъ вещественномъ

(лексическомъ) значеніи, отчего фраза получила другой смыслъ. Но передавая старый оборотъ соотвѣтствующимъ ему новымъ, который требуетъ замѣны причастія неопр. наклоненіемъ, мы сохраняемъ за глаголомъ *сѣсть* значеніе связки и вмѣстѣ нѣкоторую формальность: N сѣлъ княжить, гдѣ „сѣлъ" вовсе не имѣетъ „буквальнаго" смысла, а равносильно такимъ формальнымъ глаголамъ, какъ *стать*, *начать* и т. п.

Мы говорили пока только о причастіяхъ дѣйствительныхъ наст. и прош. времени (на-щій,-чій,-вшій,-шій). Но, кромѣ ихъ, встарину существовало еще одно причастіе дѣйствительное—на *лъ* (былъ, далъ, взялъ) и до сихъ поръ существуютъ причастія страдательныя наст. и прош. врем. (на-мъ,-нъ,-тъ, несомъ, читаемъ, унесенъ, взятъ). Обозрѣвая всѣ эти причастія, можно расположить ихъ въ порядкѣ убывающей *предикативности*, т. е. соособности быть сказуемымъ и, сочетаясь съ глаголомъ, низводить его на степень вспомогательнаго. Съ этой точки зрѣнія, на первомъ планѣ Потебня ставитъ причастіе на—*лъ*, приписывая ему наибольшую предикативность. Уже въ незапамятныя времена оно, въ своей безчленной формѣ[1]), употреблялось для выраженія сказуемаго и, въ сочетаніи съ разными временами глагола *быть*, производило сложныя формы прошедшаго времени и сослагательнаго наклоненія (есмь далъ, бѣхъ взялъ, быхъ жилъ). Эти формы были сперва, безъ сомнѣнія, составными сказуемыми (двумя актами мысли), но очень рано, еще до начала славянской письменности, превратились въ „описательныя формы" (въ одинъ актъ мысли). Предикативная сила причастій на-лъ была такъ велика, что обезличивала вспомогательный глаголъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлали другія причастія. Такъ, въ сочетаніи „церки есть *стоящи*" глаголъ „есть", хотя и былъ обезличенъ и превращенъ въ чисто формальный, но не исчезалъ изъ сознанія, занималъ въ процессѣ

---

[1]) *Членными* формами прилагательныхъ и причастій называются формы на—ый, ая, ое, (бѣлый, ая, ое), ибо въ этомъ окончаніи скрывается старое мѣстоименіе, приставлявшееся къ прилагательному или причастію на концѣ въ качествѣ „члена" (какъ фр. le, la, нѣм. der die, das); *безчленными* называются формы безъ этой приставки (бѣлъ, а, о).

мысли свое особое мѣсто. Но въ сочетаніи „церки есть *стояла*“ тотъ-же глаголъ уже совсѣмъ не мыслился отдѣльно отъ причастія, какъ не мыслится отдѣльно французское *suis* въ сочетаніи je suis venu. Въ русскомъ яз. съ теченіемъ времени этотъ вспомогательный глаголъ совсѣмъ исчезъ, и вся глагольная сила оборота сосредоточивается въ причастіи, которое тѣмъ самымъ и перестаетъ быть причастіемъ и превращается въ настоящій глаголъ, каковы наши теперешнія *былъ, далъ, взялъ* и пр. Результатъ получился тотъ самый, который мы указали выше: прогрессъ глагольности въ языкѣ. Въ оборотахъ съ причастіями на-щій и т. д. этотъ результатъ былъ достигнутъ *замѣною* причастій глаголами; въ оборотахъ съ причастіемъ на-*лъ* онъ получился черезъ *превращеніе* этого причастія въ глаголъ.

Еще ниже стояла предикативность причастій страдательныхъ, въ силу чего страдательныя формы глагола (есмь любимъ, бысть взятъ), не взирая на обезличенность вспомогательнаго глагола, воспринимались мыслію не какъ одна форма, а какъ сочетаніе двухъ. Страницы, посвященныя Потебнею изслѣдованію этихъ причастій, принадлежатъ къ числу изумительнѣйшихъ по силѣ наблюденія тончайшихъ оттѣнковъ мысли. Мы не можемъ передать здѣсь весь ходъ разсужденія (это вовлекло бы насъ въ область слишкомъ спеціальную) и ограничимся сообщеніемъ добытаго результата. Страдательныя причастія оказываются менѣе предикативными, чѣмъ дѣйствительныя; поэтому они менѣе послѣднихъ способны къ сліянію въ одну форму со вспомогательнымъ глаголомъ. Это отразилось на дальнѣйшей судьбѣ этихъ причастій: ихъ предикативность, относительно слабая, не претитъ духу новаго языка, не противорѣчитъ общему стремленію языка къ развитію глагольности предложенія. Поэтому не было надобности устранять ихъ изъ сферы сказуемаго и ограничивать ихъ роль сферою аттрибутивности. Съ другой стороны, та-же особенность не дала возможности этимъ причастіямъ совсѣмъ подавить глаголъ вспомогательный, какъ это сдѣлали причастія на-лъ и самимъ превратиться въ глаголы; они остались причастіями. И когда мы говоримъ „онъ любимъ“, то мы сознаемъ, какъ отдѣльный моментъ мысли,

отсутствующій глаголъ „есмь“, и сказуемое „люби́мъ“ состоитъ не изъ одного, а изъ двухъ актовъ мысли. Отсутствіе вспомогательнаго глагола здѣсь фиктивно: онъ отсутствуетъ, какъ артикулированная форма, но онъ—на лицо, какъ мыслимая грамматическая категорія, какъ грамматическій отпечатокъ этой формы въ сознаніи. И стоитъ только взять прошедшее или будущее время, чтобы она выступила наружу въ видѣ элелемента не только мыслимаго, но и артикулированнаго: онъ *былъ* любимъ, онъ *будетъ* любимъ. Не то—въ сочетаніи „онъ любилъ“, гдѣ вспомогательный глаголъ (есть), нѣкогда входившій въ составъ оборота, теперь въ самомъ дѣлѣ отсутствуетъ, не только какъ звукъ, но и какъ моментъ мысли.

По степени предикативности, причастія страдательныя приближаются къ *именамъ существительнымъ* и *прилагательнымъ*. „Въ новомъ языкѣ“, говоритъ Потебня, „выраженія *онъ любимъ, онъ осужденъ*, по степени грамматической слитности[1]), могутъ быть поставлены на одну доску не съ выраженіемъ *онъ любилъ*, заключающимъ въ себѣ наиболѣе предикативное изъ причастій, а скорѣе съ *онъ правъ*. „(Изъ зап., 149)“.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы переходимъ къ вопросу объ *именахъ* (сущ. и прилаг.) въ составномъ сказуемомъ. Убѣдившись изъ разсмотрѣнія причастій, что въ языкѣ существуетъ стремленіе къ развитію глагольности предложеніи, мы естественно склонны искать признаковъ того-же процесса и въ другихъ сферахъ языка, между прочимъ—въ оборотахъ, гдѣ сказуемое выражено *именемъ* въ соединеніи со вспомогательнымъ глаголомъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Т. е. съ точки зрѣнія болѣе или менѣе тѣснаго сліянія причастія съ подразумѣваемымъ или наличнымъ вспомогательнымъ глаголомъ (есть, былъ и пр.).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Г. Ѳ. Квитки. По времени своего появленія и по значенію своей дѣятельности Квитка принадлежитъ къ историческимъ явленіямъ крупнаго значенія. На малороссійскомъ языкѣ существовала тогда только поэма-пародія Котляревскаго, да двѣ бытовыя его пьесы еще не изданныя. Объ Украинѣ писалъ геніальный Гоголь, но писалъ по-русски и народной жизни касался издалека. Въ это время въ Слобожанщинѣ выступилъ немолодой уже человѣкъ, принадлежавшій къ выдающейся фамиліи вновь сложившагося дворянства, съ сочиненіями, въ которыхъ заговорилъ о селькомъ малороссійскомъ народѣ, его ежедневной, будничной жизни, ея радостяхъ и печаляхъ. Онъ явился живописцемъ этого народа и орудіемъ взялъ народный языкъ, созданный вѣками, окрашенный роднымъ солнцемъ, какъ красятся имъ цвѣты на степи, нивы, лѣса и луга родного края. Среди народа, переживавшаго почти еще героическій періодъ, онъ явился съ литературнымъ талантомъ, уже развитымъ просвѣщеніемъ. Не зная другихъ предшественниковъ, кромѣ народныхъ сказочниковъ и разсказчиковъ, онъ создалъ на малороссійскомъ языкѣ художественную *повѣсть*, захвативъ въ ея область всю ширь отъ простодушнаго анекдота и преданія до высочайшихъ мотивовъ человѣческаго бытія. Не могъ руководствоваться онъ и образцами европейскихъ литературъ: онъ писалъ задолго до появленія сельскихъ произведеній Жоржъ-Занда, Фрица Рейтера и Ауэрбаха. На высоту орла, правда, онъ поднимался одинъ-два раза въ жизни; но кто поднимался хоть разъ на эту дивную высоту, тотъ имѣетъ право на имя великаго. Великъ онъ и своимъ починомъ, тою убѣжденною смѣлостію, съ какой поднялъ изъ праха нарѣчіе забытое и живописалъ имъ жизнь людей, отодвинутыхъ судьбой въ дальніе ряды человѣческаго шествія.

Великимъ художникомъ и поэтомъ Квитка является въ повѣсти «Маруся»; созданіе трудовой, сельской жизни, чистая какъ сама правда, героиня этой повѣсти предстаетъ передъ нами въ минуты высочайшаго подъема своихъ душевныхъ силъ. Повѣсть ея недолгой жизни будетъ говорить вѣчно понятнымъ языкомъ всякой живой душѣ, всякому не совсѣмъ падшему сердцу. Безвременно смятая смертью, ея любовь предстоитъ здѣсь передъ нами въ своемъ идеальномъ, духовномъ образѣ, какъ бы утрачивая подъ конецъ въ себѣ все земное и сливаясь съ небесной чистотой. Тутъ начало и конецъ всего человѣческаго: и высочайшее чувство, творящее жизнь, и предѣлъ человѣческихъ радостей, здѣсь—глубокая и вѣчная загадка жизни и смерти. Почувствовать и передать съ этою силой такія высокія движенья духа могла только высокая душа.

Это произведеніе, вылившееся какимъ то откровеніемъ, не имѣетъ себѣ равнаго во всемъ творчествѣ Квитки. Пусть всякій, прочитавъ эту поэму, гдѣ захвачены коренныя и вѣчныя основы жизни, спроситъ себя смѣло—не принадлежитъ ли она къ произведеніямъ великаго значенія? Если литературное произведеніе трогаетъ до глубины души, оставляетъ впечатлѣніе неизгладимое, сохраняетъ свой интересъ всегда и является какъ бы образомъ самой народности—то не есть ли это великое произведеніе? На нашъ взглядъ, лица Наума Дрота и его дочери могутъ примкнуть къ плеядѣ высочайшихъ созданій поэтовъ, на малороссійскомъ же языкѣ выше этой поэмы конечно ничего написано не было.

Другую сторону своего дарованія, свой комическій даръ съ наибольшею силой Квитка проявилъ въ лучшей своей повѣсти въ этомъ родѣ, «Конотопской Вѣдьмѣ». Шутливая по внѣшности, полная веселья и смѣха, эта повѣсть въ основѣ своей очень серьезна. Она изображаетъ духовный упадокъ цѣлаго народа, истомленнаго вѣчной борьбой, попавшаго въ руки изъ него же выдѣлившейся группѣ эгоистовъ,—«старшины»,—положившей всѣ силы свои на стяжаніе, въ концѣ концовъ народъ этотъ закрѣпостившей и дошедшей самой до полнаго моральнаго упадка. Какъ сохнетъ нива безъ дождя, такъ замираетъ этотъ народъ безъ просвѣщенія. На такой основѣ естественно могутъ происходить и высоко-комическія событія повѣсти «Конотопская Вѣдьма». Что этотъ историческій взглядъ Квиткѣ мы не навязываемъ и что онъ былъ у него вполнѣ сознательнымъ, доказываетъ превосходный эпизодъ пира въ первой части «Пана Халявскаго», гдѣ эта выродившаяся «старшина» и ея моральный образъ нарисованы не менѣе яркими и совсѣмъ ужъ не двусмысленными чертами.

Когда писатель дастъ два произведенья образцовыхъ, то къ остальному имъ написанному можно и не предъявлять все тѣхъ-же и тѣхъ-же строгихъ требованій. Въ другихъ малороссійскихъ произведеніяхъ Квитки много превосходныхъ картинъ, описаній блещущихъ роскошью красокъ, которыя скрашиваютъ вещи и незначительныя по фабулѣ и содержанію (Канунъ Пасхи въ деревнѣ въ «Отъ тоби й скарбъ», описанье ярмарки въ «Салдатскомъ Патретѣ» и проч.) Вездѣ у него—тотъ же удивительный по чистотѣ и выразительности языкъ, то же знаніе народной жизни и характеровъ. Въ его театрѣ двѣ піесы прекрасны. «Шельменко» хотя навѣянъ Фигаро, вполнѣ національненъ и въ лицѣ его малороссійское лукавство и «себѣ на умѣ» возведено въ типъ, а «Сватанне на Гончаривци», хоть въ центрѣ своемъ заключаетъ патологическую фигуру, дышетъ такимъ добродушнымъ комизмомъ, такъ стройно, свѣжо, сценично и живо, что въ своемъ родѣ должно быть признано вещью образцовой.

Въ послѣдніе годы своей десятилѣтней литературной дѣятельности и въ значительномъ большинствѣ своихъ произведеній Квитка является авторомъ русскихъ повѣстей и, по общему мнѣнію, «другимъ писателемъ». Дѣйствительно, попавъ на ложную дорогу, начавъ угождать вкусамъ неприхотливаго большинства тогдашней публики, увлекшись скороспѣлой работой для журналовъ, Квитка размѣнялъ чистое золото своего дарованья на легковѣсную мелочь, среди которой проскакиваютъ только время отъ времени крупицы драгоцѣннаго вещества. По всему своему духовному складу и типу, по міросозерцанью, по роскоши языка и представленій, Квитка былъ необыкновенно типичнымъ украинцемъ-селяниномъ. И свою музу, прекрасную въ сельскомъ уборѣ, блистающую свѣжей непосредственностью, онъ повелъ въ манерныя гостинныя и заставилъ ее говорить языкомъ и выраженіями, бывшими тамъ въ ходу,.. Тѣмъ не менѣе въ русскихъ его романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ и статьяхъ историкъ общества найдетъ много чертъ замѣчательныхъ, схваченныхъ наблюдателемъ умнымъ и впечатлительнымъ по горячимъ слѣдамъ. Но это только отрывочные матерьялы для тѣхъ созданій, которыя могли бы выйдти изъ подъ его пера, если бы онъ остался всю жизнь на строгой и одинокой высотѣ первыхъ лѣтъ своего творчества.

Молодость его была полна горячихъ исканій: отъ монастырскаго послушничества онъ переходилъ къ управленью театромъ, былъ душею всего, что дѣлалось на пользу просвѣщенія въ родномъ Харьковѣ. Добровольно отказался онъ отъ богатства и то, что оставилъ себѣ,

истратилъ на общую пользу. Творчество было его призваніемъ и, хотя онъ писалъ много, никогда не носило и тѣни разсчета. Онъ былъ добръ и незлобивъ какъ всѣ истинно высокія души.

Въ его малороссійскихъ повѣстяхъ и піесахъ остался истинно историческій образъ сельскаго малороссійскаго народа, какимъ онъ былъ вскорѣ послѣ эпохи козаччины и въ началѣ этого вѣка. Историкъ-психологъ и этнографъ, и лингвистъ-ученый обратятся всегда къ Квиткѣ, какъ къ драгоцѣнному источнику, обратится къ нему и простой читатель, находя въ немъ непреходящія черты души и характеровъ людскихъ.

При жизни своей Квиткѣ не удалось даже издать собраніе своихъ сочиненій. Нѣтъ его еще и теперь. Его благородный прахъ, забытый почти всѣми, лежитъ далеко отъ стѣнъ Пантеона. При современномъ упадкѣ духовныхъ интересовъ, отсутствіи въ обществѣ историческаго сознанія, его помнятъ и читаютъ немногіе. Но прійдетъ время когда имя его въ свѣтломъ ореолѣ выйдетъ изъ мрака забвенія и освѣтится новымъ свѣтомъ его чистая и высокая память.

Глаголь.

Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы, до появленія: „Малороссійскихъ повѣстей“ Гр. Квитки въ Россіи и „Русалки Днѣстровой“ изд. М. Шашкевичемъ въ Австріи. I. Въ Россіи—до Квитки († 8 авг. 1843 г.) 1792—1833. *1792.* Новыя ежемѣсячныя сочиненія, ч. 77. 1792 г. № 11 (ноябрь). Спб. 8°, с. 23—24: Пѣсни Черноморскаго войска, по полученіи на землю Высочайшихъ Грамотъ сочиненная (Антономъ Головатымъ). Безъ имени автора.

1798. Котляревскій И. Енеида на малороссійскій языкъ переліціованная. 3 ч. Спб. 1798. 8°.

Изд. 2-е. 3 ч. Спб. 1808. 8°, с. (4)+148+26 (Словарь)+(2: объявленія).

Изд. 3-е. 4 ч.[1]) Спб. 1809. 8°.

1-е и 2 изд.: иждивеніемъ помѣщ. М. Партуры; безъ согласія автора. 3-е изданіе автора, на иждив. гр. Кочубея.

---

[1]) Въ 1824—5 годахъ Котляревскій написалъ 5 и 6-ю части „Енеиды“. Отрывки изъ нихъ печатались, говорятъ, „въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ“, наприм. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“. (См. „Отзывъ Н. Дашкевича о соч. Петрова, с. 298 и 43.)—Желательны болѣе точныя указанія.

1807. Вѣстникъ Европы, ч. 33. 1807 г. № 9 (Май). М. 8°, с. 39—44: Коницъ-Квитницкій Гр. Ода; сочиненная на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія. (Съ примѣч. «Изд.»).

1813. (Данилевскій Петръ). Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году. Спб. 1813. 12°, с. 22. (на с, 13—22: «словарь»).

1815. Кн. Шаховскій Александръ. Казакъ стихотворецъ. Анекдотическая опера-водевиль въ 1 д. Спб. 1815.

Изд. 2-е. Спб. 1817. 12°.

Изд. 3-е. Спб. 1822.

1) Украин. Вѣстн. ч. 8-я. 1817 г. № 12 (Декабрь). Харьковъ, 12°, с. 366—9: (Отзывъ полтавцевъ).

2) Благонамѣренный. 1823 г. № 13: Отрывокъ изъ моего журнала.

3) Молва при Телескопѣ, ч. V. 1833 г., № 10, с. 40 и № 13, с. 49 и 52: (К.-Ст. въ Б. Т., въ бенефисъ Щепкина).

1818. Павловскій Алексѣй. Грамматика малороссійскаго нарѣчія. Спб, 1818. 16°.

С. 90—3: Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго малороссіянина.—Разсказъ.

С. 93—106: Вакула Чмиръ.—Стихотвор., съ рус. переводомъ. Въ началѣ: Вмѣсто предисловія; на с. 107—114: Послѣсловіе.

1818. Украин. Вѣст., ч. 12. 1818 г. № 12 (Декабрь), (*или позже 1819* г.) Хрк. 12°: . . . ъ . . . й . . . ъ (=Петръ Артемовскій-Гулакъ): а) Панъ та собака (казка); б) Суплика до Грицька К . . . . и (=Квитки).

1819. Украин. Вѣстн. [1]) ч. 16. 1819 г. № 10 (Октябрь). Хрк. 12°, с. 80—94 и 235—9: Гулакъ-Артемовскій П.: а) Солопій та Хивря, б) Пысулька . . . . ; в) Тюхтій та Чванько, г) Де-що про того Гараська.

1825. Благонамѣренный, ч. 30. 1825 г., № 20 (Май?). Спб. 8°, с. 216—27: Кн. Цертелевъ. О народныхъ малороссійскихъ стихотвореніяхъ. Письмо къ издателю Благонамѣреннаго.

Въ статьѣ напечатана, безъ имени авторовъ: а) Котляревскаго—«Есть-же люди... На чужій сторонцп!» т. е. отрывокъ изъ «Віють

---

[1]) Издавался въ 1816—20 г.г. (12°: 16 ч.ч.+Январь 1820 г.)—Другихъ малорусск. стихотвор. Артемовъ-Гулака въ „Укр. В.“, повидимому, не напечатано. Не мѣшало-бы, впрочемъ, провѣрить.

витры» (на с. 223). б) Писаревскаго Ст.— «За Нимань иду!» Подъ заглавіемъ: «Разлука съ милою»; съ рус. переводомъ (на с. 224—7).

1827. Вѣстн. Европы. 1827 г. № 6 (Мартъ). М. 8°, с. 116—29: Г. (=Гулакъ-Артемовскій). «Твардовскій». Малороссійская баллада. (Съ предисловіемъ, на с. 116—21, «Р—дра»).

Перепечатана:

а) Въ «Славянинѣ» 1827 г., № 27. б) Въ «Dziennik Warszawski», t. IX. 1827 г., № , с. 204—12. в) Въ концѣ книги: Малорусскія пѣсни, издан. М. Максимовичемъ. М. 1827. 16°: на 1—9 с. послѣдняго счета.

1827. Вѣстникъ Европы. 1827 г., № 20 (Октябрь). М. 8°, с. 286—90: —й— '(=Артемовскій). Рыбакъ, Малороссійская баллада. (Изъ Гете). (Съ предисл., на с. 286—8, «Р—дра»).

1827. В. Евр. 1827 г., № 22 (Ноябрь). М. 8°, с. 130—5: № (=Артемовскій-Гулакъ): а) Батько та сынъ. (Казка). б) Рыбочка (Казка) в) Двѣ оды Гораціевы. До Пархома. 1. 2.

«Поправки» (=опечатки) въ № 23 и 24, на с. 320-й и въ № 1-мъ 1828 г., на с. 86-й.

1828. В. Евр. 1828 г., № 9 (Май). М. 8°, с. 53—55: №—й. Молодыця. (Преданіе). . . . . (Отрывокъ).

Льва Боровиковскаго? (И здѣсь, и въ «Марусѣ»: «Горе я горюю»... Въ данномъ №, на с. 45—49, напеч. его стихотвор. на рус. яз. «Циръ Владиміра Великаго».

1829. В. Евр. 1829 г., № 6 (Мартъ). М. 8°, с. 116—27: В*** (=Боровиковскій Л.) Марýся. (Баллада). (Съ примѣч. «Изд.») Переводъ «Свѣтланы» Жуковскаго.

1831. Украинскій Альманахъ. Харьковъ 1831. 16°: а) с. 52—54: VIII. Шпигоцкій А. Г. Марія. (Переводъ отрывка изъ «Полтавы» Пушкина). б) с. 63: XV. Боровиковскій Л. Козакъ (подражаніе народной пѣсни). в) с. 64: XVI. Шпигоцкій А. Г. Малороссійская баллады. 1) Телескопъ 1831 г., № 17 (Сентябрь). М. 8°, с. 104—6.

1831. Московскій телеграфъ, ч. 41. 1831 г., № 17 (Сентябрь). М. 8°, с. 128—9: Гребенкинъ Е. Опытъ перевода Полтавы, поэмы А. С. Пушкина, на Малороссійскій языкъ. (Изъ пѣсни 1-й).

1832. Новый Живописецъ Общества и Литературы. (Какъ-бы особый журнальчикъ-приложеніе при журн. «Москов. Телегр.»; ч. 42.) 1831 г., № 23 (Декабрь). М. (Д. Ц. 22 февраля 1832 г.) 8°, с. 379—91: Т. М. Бытъ Малороссіи въ первую половину XVIII столѣтія. (Съ примѣч. Ред.) Драматическій отрывокъ Р. Андріевича?

1833. Молва при Телескопѣ, ч. VI. 1833 г., № 99 (Авг. 19, Суб.) М. 4°, 393—4: Бода-Варвынецъ А. (=Ос. Бодянскій) Малороссійскія вирши. 4-е стихотвор.

1833. Молва, ч. VI. 1833 г., № 120 (Окт. 7, Суб.) М. 4°, с. 477—8: Основьяненко Грыцько. Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы. (6-ть) [1]).

II. Въ Австріи—до Шашкевича († 7 Іюня 1843 г.) 1830—6.

1830. Lutskay Mich. Grammatica Slavo-Ruthena. Budae 1830. 8°, на с. 173—4: (Довговичъ Василій). Заспѣвай ми зозѫленько к&.. (Ц. П.) Безъ имени автора.

1835. (Шашкевичъ Марціанъ). Голосъ Галичáнъ въ .... день рождества .... Фрáнца I Цѣсаря .... Львовъ 1835. 8°, с. (3). 250 экз. Ц. П.

1836. (Устіяновичъ Н.) Слеза на гробѣ.... Гарасевича Архипресвитера.... Львовъ 1836. 4°, с. (4) Ц. П.

1836. Rozmaitości. Львовъ 1836: Padura T. Do Niemna, sonet Mickiewicza. Tłumaczył na ruskie...

Ю. Т.

17 Іюля 1893 г.

---

[1]) На русскомъ языкѣ, но нѣкоторыя мѣста по малорусски:

1822. В. Евр. 1822 г., № 21 (Ноябрь). М. 8°, с. 61—8: (Квитки Гр.) Малороссійскіе анекдоты. (Съ примѣч. „Р-дра"). 5-ть. Безъ имени автора.

1822. В. Евр. 1822 г., № 22 (Ноябрь). М. 8°, с. 157—62: (Квитки Гр.) Еще Малороссійскіе анекдоты. (съ примѣч. „Р-дра"). Два. Безъ имени автора.

1829—30. (Квитки Гр.) Дворянскіе выборы. Комедія въ 3 д. М. 1829. 16°. Тоже, часть 2-я или Выборъ Исправника. Комед. въ 4 д. М. 1830. Безъ имени автора. По малорусски лишь нѣкоторыя явленія.

1) Денница на 1831 г., альманахъ изд. М. Максимовичемъ: въ „Обозрѣніи Рус. Словесности 1830 года".

2) Телескопъ 1831 г., № 1 (Январь). М. 8°, с. 129—33.

1831. (Квитка Гр.) Шельменко, волостной писарь. Комедія въ 3 д. Харьковъ. 1831. 8°, с. 96. Безъ имени автора. Съ гравир. портретомъ Шельменка. По малорусски лишь роль Шельменка.

1) Телескопъ 1831 г., № 10 (Май). М. 8°, с. 242-я.

2) Москов. Телегр. 1831 г., № 19 (Октябрь). М. 8°, с. 388—90.

3) Бу—ковъ. Сѣверн. Пчела 1832 г., № 27.

1833. Молва. ч. V. 1833 г., № 65 (Іюня 1, Четвергъ). М. 4°, с. 259—60: (Квитки Гр.) Украинскіе анекдоты. (Сообщено). Безъ имени автора. Очень мало по малорусски.

О могилѣ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка. Въ 178 № Харьк. Вѣд. 1893 г. Вл. П—ко, напоминая о томъ, что 8 Августа исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти украинскаго писателя и общественнаго дѣятеля Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка, обращаетъ вниманіе гражданъ г. Харькова на то печальное состояніе могилы покойнаго Григорія Ѳедоровича, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Прахъ Григорія Ѳедоровича похороненъ на Харьковскомъ Холодногорскомъ кладбищѣ, невдалекѣ отъ кладбищенской церкви позади св. алтаря.

На дняхъ я посѣтилъ могилу покойнаго писателя, говоритъ г. П—ко и вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ нашелъ ее. Скромный, небольшаго размѣра, едва замѣтный среди другихъ, намогильный памятникъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора (онъ поставленъ на средства родственниковъ покойнаго) отъ времени обветшалъ, пожелтѣлъ и приходитъ въ полный упадокъ. Когда то находившійся на верху памятника крестъ исчезъ безслѣдно; самый же памятникъ во многихъ мѣстахъ имѣетъ поврежденія, въ видѣ обитыхъ угловъ и глубокихъ царапинъ. Чугунная ограда, которой обнесенъ памятникъ, также имѣетъ не лучшій видъ: дверцы съ нея, благодаря неприсмотру и добрымъ людямъ, исчезли давно; обветшалая ограда изогнута и повреждена во многихъ мѣстахъ, отъ краски время не оставило слѣда. Внутри ограды нѣтъ ни одного дерева, ни одного кустарника, только негодный бурьянъ, да широколиственный лопухъ возростаютъ безпрепятственно на просторѣ. Между памятникомъ и стѣнами ограды образовалась котловина, которая во время дождей наполняется водой и образуетъ собой лужу глубиной до полъ-аршина.

Въ общемъ, забытая всѣми могила—развалина, не носящая слѣдовъ попеченія и заботы, поражаетъ своимъ убожествомъ и запущенностью.

При видѣ ея настоящаго состоянія тяжелое чувство поднимается въ душѣ; оно вызывается холоднымъ равнодушіемъ потомства къ памяти одного изъ славнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей края.

Въ такомъ то жалкомъ видѣ находится могила извѣстнаго писателя и замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, подвизавшагося на аренѣ разнообразной общественной дѣятельности въ теченіе большей половины своей трудовой жизни, направленной на пользу отечества, роднаго края и въ особенности на пользу горячо имъ любимаго г.

Харькова. Послѣдній ему, въ дѣлѣ своего процвѣтанія, обязанъ многимъ.

Услуги, оказанныя имъ родному краю и нашему городу, въ ранній періодъ жизни послѣдняго очень велики и весьма важны не только для прошедшаго но и для будущаго процвѣтанія г. Харькова.

Будущій историкъ г. Харькова несомнѣнно остановится на свѣтлой личности Г. Ѳ. Квитки и оцѣнитъ по заслугамъ его многолѣтнюю и многополезную дѣятельность.

Но неужели нами забыта и литературная и общественная дѣятельность его? Неужели забыты заслуги его передъ роднымъ краемъ и нашимъ городомъ? Или мы не умѣемъ цѣнить заслугъ своихъ дѣятелей, не умѣемъ быть признательными къ ихъ памяти?

Увы, какъ это ни печально, но это горькая правда! А что правда—объ этомъ явно свидѣтельствуетъ заброшенная могила и наше вполнѣ безпечное отношеніе къ ней!

Къ поддержанію этой могилы, очевидно, никто не хочетъ прійти. А между тѣмъ для приведенія, хотя-бы въ мало-мальски порядочный видъ намогильнаго памятника и ограды, требуется всего нѣсколько десятковъ рублей. Собрать эту небольшую сумму и привести въ надлежащій видъ могилу Г. Ѳ. Квитки составляетъ нравственную обязанность почитателей его таланта и общественныхъ заслугъ; такихъ почитателей въ Харьковѣ найдется не мало.

Г. П. высказываетъ надежду, что, временно лишь забытая, память о Г. Ѳ. Квиткѣ будетъ сохранена и что, пришедшая въ упадокъ, незабвенная могила не сравняется безслѣдно съ землею, а поддержится теперь же и на будущее время будетъ всегда содержаться въ полной исправности.

Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы.

(Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки).

I.

Пысатьци.

Тарасъ нашъ хытра голова!
Винъ книжку порядився (=подрядився?) пысаты,
А гроши за разъ (=заразъ) ставъ сбираты.
Злупывъ!.. А книжка-жъ де?.. «Овва!»

II.

Жиноча натура.

Не спытця Хымци въ день и въ ничъ.
Бажа новой (=новои) крипко юпкы.
И щожъ?.. «*Недужа!*» —Тай на ничъ.
Охъ жалко жиночкы-голубкы!
Крычыть: «*Умру мерщій купуй!*»
Потапъ хочъ чухае чупрыну,
Купывъ проклату винъ юпчыну—
И Хымка встала.—Не здывуй
Що хитри жиночкы селянськи.
Десь такъ не вмiють жынки паньски?

III.

Отъ лыхо.

И не карай насъ, Боже! гиршымъ,
Якъ слухаты Стецьковы вирши!

IV.

Злодiю.

Видкиль Охримъ розумный ставъ?
Таки про все въ книжкахъ винъ пыше.
«Чужымъ умомъ Охримъ нашъ дыше;
Свого не напысавъ,
«Зъ чужыхъ повыкрадавъ».

V.

Щырая любовь.

Скажи мени ще разъ, Уласю-любко,
Що любышъ ты мене, моя голубко!—
«А якъ же?—Ще я не дурныша всихъ;
У тебе, душко, грошей михъ!»

VI.

Старовына.

«Не такъ у насъ було, якъ я дывлюся!»
Казавъ мыни учора мiй дидуся:

Потягъ зъ казны вашъ писарь тры алтына.
Въ Сибирь!.. та ще и видвичала спына.
«А нашъ Отаманъ сто рубливъ украувъ—
И правъ;
А дали й головою ставъ».

Грыцько Основьяненко.

Напечатаны въ газетѣ „Молва", изд. Надеждинымъ при Телескопѣ: ч. VI, 1833 г. № 120, (Окт. 7 Суб.), с. 477—8).

Сообщ. **Ю. Т.**

По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка.

Въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ Г. П. Демьяновъ въ статьѣ своей: «Т. Г. Шевченко въ Нижнемъ Новгородѣ», разсказавъ о пребываніи Шевченка въ названномъ городѣ въ концѣ 1857 и началѣ 1858 г. и знакомствѣ его съ Конст. Ант. Шр—сомъ (очевидно — Шрейдерсомъ, о которомъ Шевченко упоминаетъ въ своемъ дневникѣ [1]), называя его своимъ «поставщикомъ чтенія» въ Нижнемъ Новгородѣ), говоритъ затѣмъ, что у этого Ш—са случайно сохранилось одно изъ стихотвореній Шевченка, которое, какъ увѣренъ Ш—съ, не появлялось въ печати. Далѣе, въ качествѣ стихотворенія, не появлявшагося въ печати, приводится одно изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній Шевченка, помѣщенное во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ «Кобзаря», и притомъ печатается съ пропускомъ восьми строчекъ и съ многочисленными ошибками, сдѣланными при перепискѣ или чтеніи стихотворенія лицами, которыя, не зная малорусскаго языка, не стѣснялись въ передачѣ словъ и оборотовъ также, какъ водевиль Котляревскаго «Москаль чаривникъ» это сдѣлалъ солдатъ, распѣвавшій: «Ой былъ, да нѣту-ти, да поѣхалъ на мельницу». Вотъ это стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно напечатано Историческимъ Вѣстникомъ:

„На що мини чорны брови,
На що кары очи,
На що лита молодіи,
Веселіе дивочи?
Лита-жъ моі молодіи
Марно пропадаютъ,
Очи пьянутъ, чорны брови
Отъ витри линяютъ.
Сірдце вяне, нудитъ свитомъ
Мовъ пташка въ ныволи,
На що жъ мини краса моя,
Коли нима доли?
Тяжко мині, сиротыни,
На симъ свиті жити,
Свои люды, якъ чужіи,
Ни съ кимъ говориты...

---

[1]) Основа 1862 г. № 3.

Нима кому разпытати
Чиго плачуть они;
Нима кому розсказати,
Чиго сірдце хоче.
Плачь же сірдце, плачьте очи,
Пока не заснулы,
Галостайте, жалобнійте,
Щобъ вітры подулы,
Щобъ понесли буйносенькы
За синіе море
Черноглазу врочливому
На лютое горе".

Затѣмъ въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника», по поводу этого сихотворенія помѣстилъ замѣтку г. Дмитрій Вилинскій, сообщающій, что онъ могъ бы разсказать кое-что и о самомъ Т. Г. Шевченкѣ, потому что поэтъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ его покойнымъ зятемъ (т. е. мужемъ родной сестры) А. В. Марковичемъ, о которомъ мы недавно говорили въ Кіевской Старинѣ, изъ чего мы, такимъ образомъ, узнаемъ, что авторъ этой замѣтки есть родной братъ писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. Далѣе въ своей замѣткѣ г. Вилинскій объясняетъ, что, хотя онъ великороссъ, но хорошо знаетъ малороссійскій языкъ и знаетъ наизустъ почти всѣ стихотворенія Шевченка, и что его опорчили искаженія, вкравшіяся въ напечатанное «Историческимъ Вѣстникомъ» стихотвореніе Шевченка, почему онъ и счелъ себя обязаннымъ возстановить его подлинность, такъ какъ это стихотвореніе отлично сохранилось въ его памяти, причемъ прибавляетъ, что, кажется, оно было напечатано «чуть-ли не въ одномъ изъ нумеровъ» журнала «Основа», который издавался «кажется на малороссійскомъ языкѣ», а въ какое именно время издавался — онъ указать не можетъ. Затѣмъ г. Вилинскій возстановляетъ по памяти подлинность этого стихотворенія, причемъ вслѣдъ за лицемъ, списывавшимъ стихотвореніе для Историческаго Вѣстника пропускаетъ тѣ восемь строчекъ, которыя были имъ пропущены, а исправляя ошибки, въ свою очередь дѣлаетъ разныя ошибки. Напримѣръ, вышеприведенную, написанную на невѣдомомъ языкѣ фразу: «Галостайте, жалобнійте» г. Вилинскій исправляетъ такимъ образомъ: «Голосуйте, жалобнійте». Эта поправка напомнила намъ разсказанный въ воспоминаніяхъ А. А. Солтановскаго [1]) анекдотъ объ одномъ нѣмцѣ-преподавателѣ, который, прочитавъ: «у рыбъ семь зубъ», поправилъ: «у рыбовъ семь зубовъ», а затѣмъ видя, что и эта поправка неудачна, еще разъ поправился: «у рыбей семь зубей». Поправка: «галостайте» на «голосуйте» — именно въ такомъ родѣ... Вообще, какъ изъ пропусковъ,

[1]) Кіевская Старина 1882 г. № 5.

такъ и изъ поправокъ Вилинскаго можно заключить, что стихотвореніе не сохранилось въ его памяти, и что онъ взялся исправлять напечатанный Историческимъ Вѣстникомъ невѣрный текстъ, положившись на свои знанія малорусскаго языка, которыя сослужили ему такую же службу, какъ упомянутому нѣмцу—познанія въ русскомъ языкѣ при исправленіи фразы: «у рыбей семь зубей».

Курьезно то, что это дѣлается по отношенію къ одному изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній Шевченка, которое, какъ названные авторы, такъ и почтенная редакція «Историческаго Вѣстника», могли бы найдти лишь развернувъ любое изъ изданій «Кобзаря».

Такъ какъ будучи введена въ заблужденіе этими авторами, редакція Историческаго Вѣстника въ свою очередь ввела въ заблужденіе своихъ читателей, дважды сообщивши имъ невѣрный текстъ стихотворенія, будто-бы не вошедшаго въ изданія «Кобзаря», то было бы желательно, чтобъ изъ уваженія къ памяти поэта редакція, въ дополненіе къ двумъ невѣрнымъ текстамъ, сообщила своимъ читателямъ дѣйствительный текстъ стихотворенія, выписавши его изъ какого нибудь изданія «Кобзаря»; а чтобъ не затруднять ее въ поискахъ, приводимъ здѣсь это стихотвореніе, придерживаясь правописанія въ изданіи 1883 года:

„На що мени чорни бровы,
На що карі очи,
На що лита молодыи,
Весели дивочи?
Лита мои молодыи
Марно пропадають,
Очи плачуть, чорни бровы
Одъ витру линяють.
Серце вьяне, нудыть свитомъ,
Якъ пташка безъ воли.
На що жъ мени краса моя,
Коли нема доли?
Тяжко мени сиротою
На симъ свити жыты:
Свои люде—якъ чужыи,
Ни съ кымъ говорыты;
Нема кому роспытаты,
Чого плачуть очи;
Нема кому росказаты,
Чого серце хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничъ воркуе;
Нихто ёго не пытае,
Не знае, не чуе.
Чужи люде не спытають,
Тай на що пытаты?
Нехай плаче сиротына,
Нехай лита тратыть!
Плачъ же, серце, плачте, очи,
Поки не заснулы
Голоснійше, жалибнійше,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понесли буйнесеньки
За сынее море,
Чорнявому зрадливому
На лютее горе!“

Для провѣрки нашихъ заявленій, добавимъ, что въ изданіи «Кобзаря» 1844 года приведенное стихотвореніе помѣщено на 26 страницѣ, въ изданіи 1860 года на 40 страницѣ и въ изданіи 1883

года на 16 страницѣ; не имѣя въ настоящее время подъ рукою другихъ изданій «Кобзаря», полагаемъ, что сдѣланныхъ указаній будетъ достаточно.

Н. Ш.

Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. Воеводское управленіе, существовавшее въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ отъ временъ Хмельницкаго до учрежденія губерній, представляло своеобразное учрежденіе, не согласованное ни съ воеводскимъ управленіемъ областей великорусскихъ, ни съ общимъ административнымъ строемъ тогдашней Малороссіи. Но русское правительство придавало этому институту важное государственное значеніе и старалось постепенно его упрочить и расширить его компетенцію [1])

Первенствующую роль между воеводами малороссійскихъ городовъ естественно должны были занять воеводы Кіевскіе; но, въ виду неопредѣленности самаго института, первенство это было скорѣе фактическимъ, чѣмъ юридическимъ, и о немъ можно только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ. Такъ извѣстно, что первые воеводы назначены были именно въ Кіевъ еще въ 1654 г. «для обереганія отъ польскихъ и литовскихъ людей» не только Кіева, но вообще «черкасскихъ городовъ». Въ гетманскихъ статьяхъ при перечисленіи воеводъ первое мѣсто дается всегда воеводѣ кіевскому; въ статьяхъ Мазепы первенство это выражено особенно торжественно: «указалъ Онъ, Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество (Алексѣй Михайловичъ) быти воеводамъ въ прародительской своей вотчинѣ, въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, также и въ Черниговѣ, и въ Переславѣ, и въ Нѣжинѣ, и въ Острѣ». Число войска находившагося въ распоряженіи кіевскаго воеводы было значительно больше, чѣмъ въ другихъ городахъ: по статьямъ Брюховецкаго въ Кіевѣ 5000, въ другихъ городахъ отъ 2000 до 300. Но самыя обязанности воеводъ формулированы въ статьяхъ совершенно одинаково, и трудно усмотрѣть какую-нибудь разницу между ними.

Предлагаемый документъ, найденный Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ въ Архивѣ Министерствъ Юстиціи въ Москвѣ и любезно предоставлен-

---

[1]) Очеркъ воеводскаго управленія въ Малороссіи сдѣланъ нами въ статьѣ „Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г. (Уч. ист. общ. Нестора Лѣтоп., кн. VI).

ный имъ въ наше пользованіе, представляетъ новое подтвержденіе вышеназваннаго выше предположенія о первенствующемъ положеніи кіевскаго воеводы.

Докладъ.

Въ нынѣшнемъ 1700 году маия 18 день къ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу писали изъ Кіева боярин̈ъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хованскій, что февраля въ 24 да въ 28 числѣ-жъ нынѣшняго же 1700 году писали къ нему боярину и воеводѣ въ Кіевъ изъ городовъ воеводы околничіе изъ Нѣжина—Никита Ивановичъ Акинѳовъ, изъ Чернигова—князь Иванъ Степановичъ Хотѣтовской о пріемѣ съ его великаго государя грамоты списковъ о клейменой бумагѣ съ кіевскими посылщики по настоящему обыкновенію, и тоѣ клейменую бумагу велѣли продавать по указной цѣнѣ. А исъ Переяславля околничей Михайло Васильевичъ Собакинъ въ отпискѣ своей написалъ безчестя ево боярина и воеводу, чего де онъ гдѣ и напередъ сего бывалъ на его великаго государя службахъ и тогда безчестья на себя не видалъ, а про клейменую де бумагу кіевскому подъячему Дмитрѣю Соловкову сказалъ, что будто у него и прежней такой бумаги много, а по ево де великаго государя указу и по наказу велено тѣхъ городовъ воеводамъ быть въ вѣдомости у него боярина и воеводы и о всякихъ его великаго государя дѣлехъ писать къ нему боярину и воеводѣ, а онъ де околничей Михайло Васильевичъ ево великаго государя указу чинпца не послушенъ, и ни о какихъ вѣдомостяхъ въ Кіевъ къ нему боярину и воеводѣ не пишетъ.

И великій государь пожаловавъ бы ево, велѣлъ отъ него околничего и воеводы Махайла Васильевича Собакина оборонить.

И ту ево околничего и воеводы Михайла Васильевича Собакина отписку прислав̈ъ онъ боярин̈ъ и воевода.

А въ отпискѣ написано: Господину князю [1]) Петру Ивановичу съ товарыщи Михайло Собакинъ челомъ бьетъ. Нынѣшняго 1700 году февраля въ 22 день по указу великаго государя и по грамотѣ исъ оружейные полаты за приписью дьяка Алексѣя Курбатова присланной съ Москвы клеймовой бумаги большого клейма 10 дестей, средняго 3 стопы, меншаго 10 стопъ, да списокъ великаго государя съ грамоты

[1]) Собакинъ пропустилъ слово „боярин̈ъ“ и нанесъ этимъ „безчестье“ Хованскому Н. Б.

у кіевскаго польскаго Дмитрія Соловкова въ прикавной избѣ принято, а кіевскіе приказные палаты вышеписанной подьячей и провожатые стрѣльцы изъ Переяславля къ тебѣ господину въ Кіевъ отпущены того-жъ числа.

А въ наказѣ каковъ данъ изъ приказу Малыя Россіи боярину и воеводамъ князю Петру Ивановичу Хованскому съ товарыщи въ прошломъ въ 204 году написано: Будучи ему боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу съ товарыщи на ево великаго государя службѣ въ Кіевѣ одолично о ево государевыхъ дѣлахъ радѣть и береженіе и опасеніе во всемъ держать неослошно и о всемъ дѣлать по ево великаго государя указу и по указнымъ грамотамъ и по своему разсмотрѣнію, смотря по тамошнему дѣлу какъ пристойнѣе. Да по указу великаго государя велено изъ малороссійскихъ городовъ изъ Чернигова околничему и воеводѣ князю Ѳедору Львовичу Волконскому, изъ Переяславля околничему и воеводѣ Михайлу Васильевичу Собакину, изъ Нѣжина околничему и воеводѣ Никитѣ Ивановичу Акинѳову о войсковыхъ и о городовыхъ и о всякихъ иныхъ дѣлехъ о чемъ доведетца писать къ великому государю наскоро смотря по вѣстямъ и по дѣлу.

А для вѣдома и въ Кіевъ къ нему боярину и воеводамъ ко князю Петру Ивановичу писать-же.

Да въ наказѣ каковъ данъ околничему и воеводѣ Михайлу Васильевичу Собакину въ прошломъ въ 204 году написано: Буде про приходъ воинскихъ людей въ Переяславѣ вѣсти учинятца, и ему о тѣхъ вѣстяхъ писать къ великому государю и въ Кіевъ ко боярому и воеводамъ и войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра къ гетману, и въ городы къ воеводамъ и къ полковникомъ и къ приказнымъ людемъ съ нарочными вѣстовщики о томъ писать-же.

1700 года маія въ—день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ указалъ по имянному своему великого государя указу послать свого великого государя грамоту въ Переяславль къ околничему и воеводѣ къ Михайлу Васильевичу Собакину, чтобъ онъ впредь въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ ко князю Петру Ивановичу Хованскому изъ Переяславля о всякихъ ево великого государя дѣлехъ и о вѣдомостяхъ писалъ, и по присланнымъ его великого государя указомъ изъ Кіева отъ него боярина и воеводъ былъ послушенъ. А что онъ околничей и воевода въ Кіевъ къ нему боярину и воеводамъ ни о какихъ вѣдомостяхъ не пишетъ и чинитца присланымъ указомъ

ослушенъ, также и въ отпискѣ своей къ нему боярину и воеводамъ съ подъячимъ зъ Дмитрѣемъ Соловковымъ о приемѣ клеймовой бумаги писалъ зъ безчестіемъ неподостоинству какъ о томъ обыкло имъ писать,—указалъ великій государь столнику и полковнику и воеводѣ нѣжинскому Ивану Юрьеву сыну Минстерману на немъ околничемъ и воеводѣ доправить пени пятьсотъ рублевъ и посадить ево въ тюрму на недѣлю и доправя тѣ пенные денги прислать ему столнику и полковнику къ Москвѣ въ приказъ Малыя Росіи и о томъ къ нему столнику и полковнику и воеводѣ также и въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ для вѣдома послать его великого государя грамоты [1]).

Въ приведенномъ документѣ обращаютъ вниманіе во 1-хъ титулы воеводъ—въ Кіевѣ *боярин князь* Хованскій, въ другихъ городахъ *окольничьи*; во 2-хъ указаніе на воеводскіе наказы, по которымъ всѣмъ другимъ воеводамъ «велено быть въ вѣдомости у него боярина и воеводы»; въ 3-хъ, строгость наказанія Собакина за нанесенное имъ кн. Хованскому «безчестье». Всѣ эти факты служатъ, по нашему мнѣнію, несомнѣннымъ доказательствомъ того, что русское правительство стремилось создать въ Малороссіи цѣлую систему воеводскаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ кіевскаго воеводы.

В. Щербина.

Второй отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни [1]). Въ 38 № «Харьк. Вѣд.» 1893 г. былъ напечатанъ первый отчетъ о пожертвованіяхъ по *Всемилостивѣйше* разрѣшенной *Государемъ Императоромъ* подпискѣ на премію имени А. А. Потебни за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и литературы. За послѣдніе три мѣсяца (1 февр. по 1 мая) поступили еще слѣдующія пожертвованія: отъ *университетовъ* Новороссійскаго 15 и Казанскаго 9 р. 88 к., *гимназій*: Старобѣльской 12, Сумской 17, Псковской 4 р. 50 к., Радомской 7, Рижско-Александровской 4, Прилукской 8, Ревельской Александровской 4 р. 50 к. и Троицкой 1 р.; *прогимназій*: Харьковской 12, Аккерманской 5 р., Рязанской 1 р.; *реальныхъ училищъ*: Сумскаго 4 р. 30 к., Бѣлостокскаго 5, Либавскаго 8, Кременчугскаго 4 р. 50 к., Моршанскаго 14 р., Митавскаго 21; *учительскихъ*

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи Дѣла Кіевскаго повытья, книга 34, л. л. 74 и 75.

институтовъ и семинарій: Карачевской 1 р., Московскаго 1 р. и Коростышевской 7 р.; *городскихъ училищъ*: Вольмарскаго 2, Либавскаго 3, Верроскаго 1, Виндавскаго 4, Валкскаго 10, Венденскаго 7, Якобштадскаго 3 р. 25 к., Лемзальскаго 3 р. 75 к., Ревельскаго 5 р. и отъ *частныхъ лицъ:* А. Ѳ. Бычкова 20 р., М. Ѳ. Комарова 28 и А. С. Вязигина 5 р. 50 к., *всего 259 руб. 18 коп.*, а съ полученными ранѣе всего собрано за полгода 1625 р. 78 к. Такъ какъ капиталъ для преміи обусловленъ суммой въ 2500 р., то остается добрать 874 руб. 22 коп.

Историко-Филологическое общество выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ поименованнымъ въ этомъ отчетѣ лицамъ и учрежденіямъ за денежныя пожертвованія на учрежденную при обществѣ премію имени А. А. Потебни.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Помѣщая этотъ второй отчетъ, редакція съ своей стороны въ добавленіе къ нему печатаетъ списокъ лицъ, внесшихъ пожертвованія для той-же цѣли черезъ нашъ журналъ.

В. С. Гнилосыровъ—5 р, В. Ф. Вержбицкій—2 р., В. Н. Рознитовскій, Е. Н. Моргунъ, Л. С. Сергѣевъ, А. Ѳ. Вержбицкій, Н. Навротскій, Х. Шевченко, А. Авраменко, В. Мировичъ, Г. Чаплинскій, И. В. Войнаровскій, С. Д. Кучеровъ, Малѣевъ, И. Оболонскій, Н. Кутахъ, Н. Руткевичъ, А. Остапцовъ, И. Мировичъ, А. Лащенковъ, А. Аврамовъ, А. Ступниковъ, свящ. М. Павелковъ—по 1 руб., К. Никифоровъ, А. Гродецкій, Н. Мищенко, Каніевскій—по 50 к., а всего—31 руб., которые и отправлены въ Харьковское Историко-Филологическое Общество.

Справка о сочиненіяхъ Квитки. Самый обстоятельный списокъ сочиненій Квитки сдѣланъ въ трудѣ о немъ Данилевскаго, въ его «Украинской Старинѣ» (1866 г.). Списокъ этотъ расположенъ по годамъ, съ 1816 г., когда появились первыя печатныя статьи Квитки, по 1863 г. Послѣ этого времени появились въ печати, кажется, только письмо его въ «Кіевской Старинѣ», да здѣсь же неизданный еще разсказъ его. Остается неизвѣстною судьба рукописей Квитки, о которыхъ упоминаетъ Данилевскій въ своемъ трудѣ, какъ

---

[1]) См. № 1893 г.

ему извѣстныхъ. Неужели рукописи эти пропали теперь? Гдѣ «Краткая малороссійская исторія на малороссійскомъ языкѣ для простолюдиновъ», повѣсть «Очки», «Губернскія сцены», Планъ комедіи на малороссійскомъ языкѣ? При усиліяхъ, рукописи эти, можетъ быть, еще и могли бы быть розысканы, и дѣло это всего сподручнѣе харьковскимъ землякамъ и почитателямъ писателя.

Изданіе сочиненій Квитки начатое харьковскимъ земствомъ подъ редакціей А. А. Потебни остановилось на четвертомъ томѣ. Сюда не вошло еще большое количество русскихъ повѣстей и разсказовъ Квитки и два романа: «Панъ Холявскій» и «Похожденія Столбикова», равно какъ и всѣ драматическія сочиненія. (Въ собраніи этихъ сочиненій, изданномъ Кулишемъ въ шестидесятыхъ годахъ, пропущена большая русская комедія «Воляжеры», напечатанная въ 1845 году въ «Библіотекѣ для чтенія»). Будетъ ли предпріятіе харьковскаго земства окончено, или дѣло изданія сочиненій Квитки теперь, когда право литературной собственности на нихъ истекло, предоставится частной иниціативѣ?

Изъ «Отчета Публичной Библіотеки» за 1889 (Спб. 1893 г.) видно, что въ числѣ поступившихъ въ собственность Библіотеки рукописей, находится четырнадцать подлинныхъ писемъ Квитки къ А. А. Краевскому. Въ издававшихся Краевскимъ журналахъ Квитка принималъ участіе въ послѣдніе годы своей жизни. Желательно чтобы эти письма его, имѣющія значеніе и біографическое и историко-литературное, были опубликованы.

Библіографія.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка (1729—30 года). Черниговъ 1892. Стр. 196 [1]).

Изданіе, заглавіе котораго мы только что выписали, и которое принадлежитъ неутомимому изслѣдователю въ области малорусской исторіи, А. М. Лазаревскому, способно навести на не особенно веселыя размышленія о судьбѣ малорусской исторіографіи или, по крайней мѣрѣ, одной ея части. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ для изданія матеріаловъ, относящихся къ историческимъ судьбамъ правобережной Малороссіи, существуетъ особое оффиціальное учрежденіе, обладающее своимъ органомъ («Архивъ Юго-Западной Россіи») и солидными денежными средствами, исторія Малороссіи лѣваго берега Днѣпра представляется какъ бы забытою, для нея не имѣется никакого спеціальнаго изданія, и самые важные памятники этой исторіи осуждены валяться въ архивахъ и частныха библіотекахъ, ожидая для своего появленія въ свѣтъ случайныхъ частныхъ средствъ, или—въ лучшемъ случаѣ—кое-какъ ютиться на страницахъ мало для нихъ подходящихъ органовъ. Правда, если мы не ошибаемся, нигдѣ не было заявлено, что Кіевская Археографическая Коммиссія существуетъ только для изданія памятниковъ по исторіи правобережной Малороссіи, но мы выводимъ свое заключеніе объ этомъ на основаніи какъ того факта, что вышедшія до сихъ поръ изданія Коммиссіи посвящены исторіи или всей Малороссіи, или правобережной ея части, такъ и заявленія издателя настоящаго памятника, заявленія, совершенно

[1]) Рукопись „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ въ черниговскомъ полку“ хранится въ библіотекѣ коллегіи Павла Галагана. Пользуюсь случаемъ принести здѣсь искреннюю благодарность Е. К. Трегубову, благодаря любезности котораго я могъ въ свое время воспользоваться этой рукописью. *В. М.*

непонятнаго безъ сдѣланнаго нами предположенія. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, говоритъ онъ именно въ своемъ предисловіи, мы предлагали Кіевской Археографической Коммиссіи свой трудъ для изданія этого памятника, но предложеніе наше было отклонено»... Мы съ своей стороны не совсѣмъ понимаемъ причины такого порядка, но не можемъ не замѣтить, что онъ крайне невыгодно отражается на изданіяхъ матеріаловъ по исторіи лѣвобережной Малороссіи, настолько невыгодно, что если данный порядокъ не поддается уже измѣненію, то не мѣшало бы серьезно подумать о созданіи особаго органа для исторіи лѣваго берега Днѣпра. Дѣйствительно, хотя бы изданіе настоящаго памятника, по справедливому замѣчанію издателя, «представляющаго собою источникъ первостепеннаго значенія для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи», за отказомъ Археографической Коммиссіи принять его, должно было производиться на страницахъ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Благодаря этому, издателю не пришлось снабдить его обычнымъ въ такихъ изданіяхъ указателемъ, который сильно облегчилъ бы пользованіе текстомъ, не удалось и напечатать самый памятникъ въ полномъ его видѣ: значительную часть его, именно всѣ приложенные къ слѣдствію документы на владѣніе, пришлось выбросить, сохранивъ только текстъ самаго «слѣдствія», и даже въ такомъ укороченномъ видѣ памятника печатаніе его на страницахъ Черн. Губ. Вѣдомостей продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Но этимъ еще далеко не исчерпываются неудобства такого способа изданія: печатать историческіе матеріалы, тѣмъ болѣе сколько-нибудь значительные по объему, въ провинціальныхъ газетахъ, особенно если самъ не имѣешь возможности слѣдить за печатаніемъ, значитъ подвергать ихъ ненамѣреннымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ искаженіямъ. Не избѣгло послѣднихъ и настоящее изданіе, изобилующее массою опечатокъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя легко могутъ быть замѣчены и исправлены всякимъ, заключаясь въ простомъ искаженіи слова или общеизвѣстной фамиліи, какъ напр. «привергнулъ» вмѣсто «привернулъ» (с. 40), «владѣльчица» вм. «владѣлица» (с. 50), какъ превращеніе черниговскаго полковника Лизогуба въ Лизога (с. 120) или какъ особенно назойливо почти на протяженіи всей книги повторяющаяся опечатка: «за справою взяти копіи» вмѣсто: «за справкою»... Перечислять всѣ подобные случаи было бы совершенно безполезно, но нелишнимъ, думается намъ, будетъ указать на ошибки въ печатномъ слѣдствіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣняется смыслъ даннаго мѣста,

и правильное чтеніе не можетъ быть возстановлено безъ сличенія съ рукописью. Нельзя сказать, чтобы и такихъ случаевъ было очень мало. Такъ на стр. 17 напечатано: «а слободку и Лювку поселилъ де архіерей Чернѣговскій Іоанъ Максимовычъ на грунтъ монастырскомъ, и Лговскомъ» и т. о. рѣчь идетъ какъ будто о двухъ разныхъ поселеніяхъ, слободкѣ и Лговкѣ, между тѣмъ какъ въ рукописи данное мѣсто читается такъ: «а слободку Илговку . . . на грунтѣ монастырскомъ Илговскомъ» (рукопись черниг. слѣдствія, f. 10). На стр. 30 названъ Павелъ Ярмонтовскій вмѣсто Ярмолтовскаго (ib f. 22). На стр. 53 читаемъ: «Евфимъ Лизогубъ... скупивши въ томъ селѣ (Шибириновкѣ) лѣсніе грунта, завладѣлъ и людмы, на нихъ живучимы»; это неясное мѣсто становится совершенно понятнымъ, если замѣтить, что въ подлинникѣ стоитъ не «лѣсніе», а «людскіе грунта» (ib., f. 45). На стр. 57 с. Посоховка переименовано въ Пасаховку, а фамилія Полоницкаго, владѣльца с. Козла, передѣлана въ прилагательное «полковницкого» (ibid., f. 48, 49); на стр. 71 седневскій сотникъ Иванъ Рымша названъ «Рымщою» (ib., f. 62). На 77 стр. названа «слобода Зажоведь» вм. «слобода за Жоведю» т. е. лежащая за р. Жоведью и т. о. создано новое имя поселенія (f. 69). Въ другомъ случаѣ наоборотъ имя поселенія исчезаетъ въ печатномъ слѣдствіи, когда на стр. 95 говорится о д. Илмовкѣ, что ее «Гребецкій поселилъ слободою на земли переписной»; напрасно было бы здѣсь ломать себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, что это за «переписная» земля, такъ какъ дѣло гораздо проще: въ рукописи именно стоитъ «на земли Переписки» (ib., f. 87) т. е. землѣ с. Переписи. На 92 стр. имена двухъ владѣльцевъ сливаются въ одно (Ворошило Грибовичъ) благодаря отсутствію знака препинанія между ними. На 114 стр. фамилія «Школный» обращена въ прилагательное (ib. f. 107); на стр. 116 имѣется д. «Гарбелювка» вмѣсто «Габрелевка» отъ имени основателя козака Габріеля (ib. f. 109). Наконецъ на 129 стр. Обмочевскій гетманскій дворъ именуется Обмоческимъ (ib.. f. 123). Минуемъ еще нѣкоторыя ошибки, менѣе существенныя и легко поддающіяся исправленію. Указывая эти ошибки, мы далеки однако отъ мысли ставить ихъ на счетъ издателя. Для этого не было бы основанія даже въ томъ случаѣ, еслибы не ручался въ противоположномъ давно признанный за А. М. Лазаревскимъ авторитетъ знатока старинныхъ памятниковъ. Причина замѣченнаго явленія, очевидно, лежитъ въ иномъ, а именно—въ условіяхъ провинціальной прессы, вовсе не принаровленной къ дѣлу изданія историческихъ памятни-

ковъ. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что издатель былъ вынужденъ обратиться въ данномъ случаѣ къ ея содѣйствію. Само собою разумѣется, однако, мы не хотимъ сказать этимъ, что лучше было совсѣмъ не издавать пока «генеральнаго слѣдствія»; лучше имѣть не вполнѣ удовлетворительное изданіе важнаго памятника, чѣмъ не имѣть никакого.

Изданіе это становится особенно важнымъ, если принять во вниманіе все то значеніе, какое соединяется съ даннымъ источникомъ въ исторіи малорусскаго землевладѣнія. Книги «генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ», составленнаго въ 1729—30 гг. по распоряженію верховнаго имперскаго правительства путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ о владѣльцахъ маетностей, настоящихъ и бывшихъ, и ихъ правахъ и повѣрки добытыхъ данныхъ документами, представленными самими владѣльцами, составляютъ драгоцѣнный, никѣмъ еще въ массѣ своей не эксплоатированный матеріалъ для исторіи различныхъ формъ земельныхъ держаній въ Малороссіи съ момента отторженія ея отъ Польши и до конца первой четверти 18-го вѣка [1]). Внѣшній видъ изданнаго теперь черниговскаго слѣдствія таковъ: все оно распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой маетности перечисляются подрядъ по сотнямъ, а во второй («экстрактѣ», составленномъ генеральной старшиной и полковниками изъ слѣдствія) онѣ распредѣлены систематически на 6 статей или разрядовъ по родамъ владѣній. Первая часть, или собственно слѣдствіе, въ свою очередь состоитъ изъ двухъ графъ: въ первой помѣщены данныя, заимствованныя изъ ревизіи 1726 г., произведенной великорусскими офицерами, о числѣ дворовъ въ маетности, ея настоящемъ владѣльцѣ и его правахъ на нее, а иногда и о прежнихъ владѣльцахъ; во второй графѣ тѣ же данныя выводятся изъ сказокъ старожиловъ и предъявленныхъ владѣльцами документовъ, причемъ исторія маетностей представлена въ нихъ гораздо полнѣе и обстоятельнѣе. Слѣдя за взаимнымъ отношеніемъ этихъ графъ, приходится наблюдать фактъ, еще раньше отмѣченный проф. Лучицкимъ для стародубскаго слѣдствія, а именно—неточность и даже довольно часто прямую невѣрность со-

[1]) Данныя одного изъ слѣдствій, именно Стародубскаго полка, изложены А. М. Лазаревскимъ въ его книгѣ: „Описаніе старой Малороссіи, т. I. Стародубскій полкъ". Кіевъ 1889. Ср. рецензію на эту книгу проф. И. В. Лучицкаго въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1890. № 12, гдѣ, помимо частныхъ поправокъ и критики источника, находятся нѣкоторыя весьма важныя обобщенія по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, сдѣланныя на основаніи данныхъ слѣдствія.

общаемыхъ въ первой графѣ свѣдѣній. Самыя имена селъ и деревень нерѣдко подверглись въ ней значительнымъ искаженіямъ: такъ, напр. мы находимъ въ ней с. Сосновку вм. Сахновки (стр. 75 неч. нед.), с. Симіоновку вм. Семковки (с. 81), с. Кузличичи вм. Кузличей (с. 84—5), с. Бурковцы вм. Борковки (с. 103), с. Максимовку вм. Максаковъ (с. 106) и др. Въ иныхъ случаяхъ поселеніе оказывается совсѣмъ пропущеннымъ въ 1-й графѣ, какъ не занесенное въ экстрактъ изъ ревизіи 1726 г., какъ напр. г. Березнан (с. 98), или заносится не въ ту сотню, какъ с. Хрипковка въ Седневскую сотню вмѣсто Городищкой (с. 70) или с. Носовы Млины, подъ измѣненнымъ къ тому же именемъ Новыхъ Млиновъ, въ Менскую сотню вмѣсто Седневской (с. 107). Точно также невѣрно бываетъ показано въ 1-й графѣ число дворовъ даннаго поселенія: напр. въ д. Скоренцѣ показано 3 двора подсусѣдковъ, тогда какъ ихъ на лицо только 2, въ д. Слободкѣ 4 двора на урядъ полковничій, а ихъ не оказалось ни одного, въ д. Лукашовкѣ 6 дворовъ вмѣсто 3, въ с. Яновкѣ 4 двора вмѣсто 11 (стр. 7—8); въ с. Горбовѣ за вдовою выбельскаго сотника Лобка показано 5 дворовъ, а ихъ имѣется только 3 (с. 13) и т. п. Если даже въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ и допустить дѣйствительно измѣненіе численности владѣній, происшедшее въ промежутокъ времени между ревизіей 1726 г. и 1729 годомъ, когда составлялось слѣдствіе, то во множествѣ другихъ мы имѣемъ передъ собою явную ошибку ревизіи, исправляемую слѣдствіемъ. Такъ, въ 1-й графѣ записано во владѣніи любечскаго попа Гаврила Ерофѣева 10 дворовъ въ м. Любечѣ, а во 2-й графѣ читаемъ: «въ ономъ мѣстечкѣ Любечи 10 дворовъ такихъ церковныхъ во владѣніи попа Гаврила не сыскалось, а сыскались оніе дворы по сторонамъ въ разныхъ деревнякъ», и при томъ только 9. Въ иныхъ случаяхъ невѣрнымъ оказывается въ 1-й графѣ имя владѣльца маетности. Такъ, с. Выбли и нѣкот. другія въ ней показаны бывшими во владѣніи выбельскихъ сотниковъ, причемъ сказано, что теперь ими владѣетъ сынъ выбельскаго сотника Федора Шубы значковый товарищъ Стефанъ; между тѣмъ по сказкѣ старожиловъ, приведенной во 2-й графѣ и подтверждаемой справкой съ документами, оказывается, что этими селами владѣлъ сотникъ Стефанъ Щуба, затѣмъ его сынъ полковой товарищъ Семенъ Шуба, и въ моментъ составленія слѣдствія сынъ Семена Стефанъ; Федора же Шубы въ числѣ владѣльцевъ не имѣлось (с. 14). Въ д. Ройской показаны 6 дворовъ во владѣніи зн. тов. Ивана Мокріевича, тогда какъ ими владѣетъ бунч. т. Моисей Дмитровичъ (с. 34). Въ с. Бѣлоусѣ Старомъ

пропущено 7 дворовъ владѣнія черниговскаго бурмистра Есипа Тищенка (с. 40); точно также въ с. Хмелницѣ пропущено 7 дворовъ владѣнія полк. судьи Василія Каневскаго (с. 47). Или напр. дд. Кукари и Скугари показаны во владѣніи Выдубицкаго монастыря, тогда какъ на дѣлѣ ими владѣлъ Любецкой монастырь (с. 59—60). Наконецъ, не менѣе, если еще не болѣе, ошибокъ заключается и въ тѣхъ свѣдѣніяхъ 1-й графы, которыя касаются исторіи маетностей или опредѣленія рода владѣнія. Укажемъ для примѣра на с. Роищи, о которомъ въ первой графѣ сказано: «владѣли полковые асаулъ и обозній», тогда какъ во второй графѣ мы находимъ въ числѣ владѣльцевъ сперва воеводу черниговскаго замка въ гетманство Многогрѣшнаго, затѣмъ попа церкви Благовѣщенья въ Черниговѣ при Самойловичѣ и уже только послѣ нихъ полковыхъ асауловъ (с. 19—20), или на с. Звеничевъ, о которомъ въ 1-й графѣ говорится: «владѣлъ полковой писаръ», а во второй перечисленъ цѣлый рядъ разнообразныхъ владѣльцевъ и въ заключеніе говорится, что нынѣшній державца «владѣетъ по прежней дачи, а не по писарству» (с. 21—22). О д. Гусинкѣ въ первой графѣ говорится, что ею «владѣли чернѣговскіе полковники и полковіе писари», а по даннымъ 2-й графы въ ней довольно долго существовала традиція наслѣдственности отъ польской шляхты, лишь впослѣдствіи стертая новыми порядками (с. 22—23). Аналогичный примѣръ имѣемъ въ принадлежащихъ Мокріевичамъ с. Сибережи и д. Ямищахъ, которые въ первой графѣ означены какъ «принадлежащіе полку» и отданные Мокріевичамъ въ 1715 г. гетм. Скоропадскомъ, тогда какъ на дѣлѣ они перешли въ ихъ владѣніе «отъ шляхти польской... по наслѣдству» и были утверждены за ними еще жалованными грамотами 1667 и 1690 гг. (с. 31). Въ иномъ нѣсколько родѣ слѣдующій случай: о дворахъ, принадлежащихъ зн. т. Александру Молявкѣ въ с. Шибириновкѣ и дд. Антоновичахъ, и Левонкахъ, въ 1-й графѣ сказано: «поселени на полковихъ грунтахъ», тогда какъ во второй графѣ читаемъ: «тѣ дворы отца его... купленіе, не полковіе» (с. 55). При такомъ различіи данныхъ двухъ графъ, которое мы старались иллюстрировать приведенными примѣрами, врядъ ли можетъ возникнуть и споръ объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ. Не говоря уже о томъ, что подлинныя сказки старожиловъ сами по себѣ представляютъ гораздо болѣе гарантій вѣроятности, чѣмъ ревизія, произведенная великорусскими офицерами, мало знакомыми съ страной и порядками ея землевладѣнія, эти сказки во множествѣ случаевъ подтверждаются и показаніями документовъ, при-

томъ именно тамъ, гдѣ онѣ расходятся съ данными ревизіи. Такимъ образомъ вторая графа первой части слѣдствія, въ которой или прямо исправляются невѣрныя показанія первой графы или, по крайней мѣрѣ, имѣются данныя для такого исправленія, и является наиболѣе важною частью даннаго памятника; на ея основаніи составлена и вторая часть слѣдствія или «экстрактъ» изъ слѣдствія. Этимъ опредѣляется и характеръ возможныхъ сокращеній другихъ подобныхъ слѣдствій въ томъ случаѣ, еслибы такія сокращенія были признаны желательными въ интересахъ изданія. На нашъ взглядъ, именно, безъ всякаго ущерба для изданія можно было бы выбросить почти всю, за рѣдкими исключеніями, первую графу слѣдствія, сохранивъ изъ нея только цифры дворовъ въ маетностяхъ, такъ какъ въ томъ случаѣ когда эти цифры не было надобности исправлять, онѣ совсѣмъ отсутствуютъ во второй графѣ; все остальное имѣется въ этой послѣдней въ болѣе полномъ и точномъ видѣ.

«Сказки» старожиловъ, охватывавшія исторію отдѣльныхъ селъ, «якъ они упомнятъ» или «якъ память ихъ осягнетъ», извлеченія изъ документовъ, помѣщенныя въ слѣдствіи, и наконецъ самые документы, къ нему приложенные, но къ сожалѣнію не попавшіе въ настоящее изданіе, какъ мы уже говорили, представляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи какъ различныхъ формъ земельныхъ держаній въ Малороссіи съ 1654 по 1729 г., такъ и взаимныхъ отношеній этихъ формъ. Группировка этихъ данныхъ по всѣмъ сохранившимся слѣдствіямъ (ихъ уцѣлѣло 7) дала бы возможность нарисовать почти полную картину малорусскаго землевладѣнія за указанный періодъ времени, картину, къ которой понадобилось бы добавить лишь нѣкоторые комментаріи изъ другихъ источниковъ въ видахъ большаго уясненія отдѣльныхъ ея частей. Само собою разумѣется, въ рамкахъ настоящей рецензіи не можетъ быть произведена подобная группировка и не могутъ быть даже перечислены тѣ выводы, къ какимъ приводитъ изученіе черниговскаго слѣдствія о маетностяхъ; то и другое—дѣло особаго изслѣдованія. Но въ интересахъ характеристики источника, о которомъ идетъ рѣчь, мы позволимъ себѣ, рискуя злоупотребить вниманіемъ читателей, остановиться нѣсколько на тѣхъ данныхъ вновь изданнаго памятника, которыя особенно ярко и рельефно выступаютъ въ немъ, бросая въ то же время довольно сильный свѣтъ на историческое прошлое Малороссіи. Однѣ изъ этихъ данныхъ относятся къ начальнымъ судьбамъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, другія—ко времени гетманства Апостола.

Извѣстно ходячее, почти всѣми изслѣдователями, можно сказать, повторявшееся мнѣніе, по которому съ отторженіемъ Малороссіи отъ Польши рухнули въ первой и всѣ польскіе, шляхетскіе порядки землевладѣнія и всѣ старыя права на землю «скасованы были козацкой шаблей». Не входя здѣсь въ спеціальный разборъ этого мнѣнія, основаннаго, на нашъ взглядъ, на простомъ недоразумѣніи, мы должны однако замѣтить, что данныя «слѣдствія» Черниговскаго полка далеко не подтверждаютъ такого мнѣнія. Напротивъ въ слѣдствіи этомъ мы находимъ цѣлый, и довольно значительный, рядъ маетностей, сохраненныхъ за шляхтой, перешедшей въ ряды козацкаго войска, на основаніи «отчистаго права» и подтвержденныхъ гетманскими универсалами «королевскихъ привиліевъ», равно какъ встрѣчаемъ маетности, доставшіяся козакамъ «по наслѣдію отъ польской шляхты» въ силу родственныхъ связей съ нею или, наконецъ, переданныя этой шляхтой до или послѣ возстанія Хмельницкаго въ православные монастыри и церкви и оставленныя за послѣдними при гетманскомъ режимѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ старый принципъ землевладѣнія въ силу наслѣдственнаго права продолжаетъ дѣйствовать, и если въ иныхъ случаяхъ онъ и исчезаетъ позднѣе передъ напоромъ новыхъ порядковъ, уступая мѣсто гетманскимъ распоряженіямъ, то въ другихъ онъ доживаетъ вплоть до 1730 года и продолжаетъ жить и дальше. Такихъ маетностей, по отношенію къ которымъ сохранялись еще нѣкоторое время старыя права, въ предѣлахъ Черниговскаго полка можно насчитать до 25; если принять во вниманіе, что всѣхъ маетностей [1]) въ этомъ полку въ 1730 г. насчитывалось 358, то мы увидимъ, что маетностей, находившихся въ постоянномъ прочномъ пользованіи владѣльцевъ, уже въ первое время послѣ возстанія насчитывалось до 14-й части общаго ихъ числа. Эту долю придется еще значительно увеличить, такъ какъ большое число селъ, занесенныхъ въ слѣдствіе, было основано уже послѣ 1654 года, и т. о. мы будемъ не очень далеки отъ истины, когда скажемъ, что около 10-й—12-й части маетностей сохранили на себѣ старый порядокъ владѣнія и послѣ успѣха возстанія Хмельницкаго—цифра не особенно маленькая. Значеніе этого факта въ области соціально-

[1]) Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній считаемъ нелишнимъ замѣтить, что терминъ „маетность“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его „генеральное слѣдствіе“, а за нимъ въ данномъ случаѣ и мы, означаетъ держаніе одного владѣльца въ какомъ-либо поселеніи, далеко не всегда совпадающее съ границами самаго поселенія.

экономической исторіи страны не требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Если отъ этого начальнаго момента въ исторіи частнаго землевладѣнія гетманской Малороссіи мы перейдемъ прямо къ 1730 году, передъ нами развернется картина совсѣмъ иного рода. Отъ старыхъ шляхетскихъ правъ сохранились къ этому времени лишь одни незначительные обломки, но за то выросла цѣлая группа частныхъ владѣній, построенныхъ первоначально на иномъ принципѣ, но въ концѣ концовъ, за уничтоженіемъ связывавшихъ ихъ ограниченій, сильно приблизившихся къ тому же типу полнаго частнаго владѣнія. Всѣхъ маетностей въ 1730 г. въ Черниговскомъ полку считалось, какъ мы уже упомянули выше, 358, съ 10.681 дворами посполитыхъ. Изъ этого числа владѣльческихъ маетностей, т. е. принадлежащихъ частнымъ лицамъ на правахъ потомственнаго владѣнія, было 244 съ 6.526 дворами посполитыхъ (изъ нихъ 1.170 дворовъ принадлежало одной фамиліи Лизогубовъ) и спорныхъ между разными владѣльцами 8 съ 716 дворовъ; монастырскихъ маетностей считалось 70 съ 2.025 дворами, ратушныхъ—6 съ 103 дворами, ранговыхъ—20 съ 561 дв. и свободныхъ—10 съ 750 дворами. Такимъ образомъ однихъ владѣній чистаго частнаго типа (владѣльческихъ и монастырскихъ) насчитывалось 322 съ 9.267 дворами, тогда какъ всѣ остальныя владѣнія едва составляли $^1/_9$ часть общаго числа маетностей. Если же взять всѣ маетности, подъ различными титулами владѣнія находившіяся въ рукахъ владѣльцевъ, то число ихъ достигнетъ 348, а число имѣвшихся въ нихъ дворовъ 9.931; рядомъ съ этими громадными цифрами жалкое впечатлѣніе производитъ ничтожное количество 10 свободныхъ маетностей. Такъ въ результатѣ исторіи трехъ двадцатипятилѣтій частное владѣніе почти поглотило всѣ остальныя формы земельныхъ держаній и во всякомъ случаѣ заняло между ними безусловно доминирующее положеніе. Какъ это произошло какія условія способствовали такому быстрому процессу, каковы были эти другія формы, не смогшія проявить равную жизнеспособность—отвѣтъ на всѣ эти вопросы въ значительной мѣрѣ заключается въ книгахъ «генеральнаго слѣдствія» и дать его значило бы написать исторію землевладѣнія въ гетманской Малороссіи. Такая исторія дѣйствительно еще не написана, она составляетъ еще дѣло будущаго и ждетъ своихъ изслѣдователей, но изданія, подобныя настоящему, прокладываютъ послѣднимъ дорогу, облегчая и укорачивая ихъ трудъ. Но этому-то, принося глубокую благодарность А. М. Лазаревскому за изданіе черниговскаго слѣдствія, мы не можемъ не закончить своей

рецензіи пожеланіемъ, чтобы ему удалось довести до конца начатый трудъ, напечатавъ и слѣдствія остальныхъ полковъ, при томъ въ условіяхъ, по возможности, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ какія достались на долю настоящаго изданія.

В. М.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологической Коммиссіею. № 11. Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ В. Б. Антоновича. Съ 7 планами и 47 политипажами. Спб. 1893 г. 78 стр. 4°.

Содержаніемъ настоящаго выпуска служитъ изложеніе результатовъ курганныхъ раскопокъ въ сѣверной части кіевской и въ юго-восточной части волынской губ. съ предпочтительнымъ вниманіемъ къ курганамъ особаго, наиболѣе распространеннаго здѣсь, типа, признаваемаго почтеннымъ авторомъ настоящаго труда—древлянскимъ. Границы распространенія даннаго погребальнаго типа опредѣляются теченіемъ Ирпеня и Раставицы на югѣ, Припяти на сѣверѣ, Днѣпра на востокѣ и верхнихъ теченій Тетерева и Уши на западѣ. Въ указанной мѣстности насчитывается до 307 могильниковъ и въ нихъ около 7.400 кургановъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ могильниковъ число отдѣльныхъ могильныхъ насыпей доходитъ до нѣсколькихъ сотъ, а у Ягнятина превышаетъ 1000. Изъ всего указаннаго количества кургановъ раскопано съ научною цѣлью понынѣ 313; изъ этого числа 303 кургана заключали въ себѣ погребенія древлянскаго типа. Авторъ настоящаго труда воспользовался и данными, добытыми г. Гамченкомъ при раскопкѣ житомірскаго могильника.

Настоящій трудъ распадается на двѣ части: общую (стр. 1—25) и спеціальную (25—78 стр.). Первая часть представляетъ собою обобщеніе результатовъ раскопокъ по слѣдующимъ категоріямъ явленій: наружный видъ кургановъ, насыпь кургановъ, устройство могилы, положеніе скелета, предметы, найденные въ могилахъ, другіе похоронные типы въ странѣ Древлянъ. Этой первой части предпосланъ «Общій очеркъ» (стр. 1—4), въ которомъ изложены топографическія свѣдѣнія и данныя о численности могильниковъ и кургановъ въ нихъ. Во второй части выпуска напечатаны дневники раскопокъ и «общія замѣчанія». Это—собственно тотъ матеріалъ, изъ котораго построена первая часть выпуска, матеріалъ подвергнутый внимательному анализу; дневники раскопокъ каждой группы кур-

новъ сопровождаются «общими замѣчаніями» по той же самой программѣ, какъ и первая часть труда. Здѣсь мы находимъ дневники раскопокъ у с. Буки, Ягнятина, Вчорайше и Грубскъ сквирскаго у. кіевск. г., у с. Блыставицы кіевскаго у., у д. Олешполя, у с. Вышевичъ, Стрыжавки, Коростышева, Городска, Минины, Городища и Головки радомысльскаго у., у м. Котельня житомір. у. волынск. г., у г. Житоміра и у м. Искорости овручск. у.

Общіе результаты настоящаго труда представляются въ слѣдующихъ чертахъ.

Курганы «древлянскихъ» могильниковъ сохранили конусообразную форму и отличаются куполообразными вершинами; высота ихъ довольно незначительна: средняя высота ихъ не достигаетъ одного метра, причемъ самый высокій имѣлъ только 2,85 метра. Многіе изъ нихъ окружены рвомъ, который прерывается въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ естественными мостиками. Насыпь кургановъ обыкновенно состоитъ изъ того матеріала, который находится въ верхнемъ слоѣ почвы данной мѣстности. Въ насыпи почти постоянно встрѣчались черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ и разрозненныя кости животныхъ: барана, лошади, быка и свиньи, и также часто отдѣльныя гдѣзда угля. Въ насыпи нѣкоторыхъ кургановъ встрѣтилась особая деревянная постройка, имѣвшая, повидимому, форму двускатной крыши. Могилы встрѣчались и выше горизонта, и на уровнѣ его, но чаще всего ниже его поверхности, въ неглубокихъ ямахъ, выкопанныхъ до поверхности подпочвы; такимъ образомъ глубина могильныхъ ямъ бывала различная, но средняя глубина равнялась 0,59 метра. Иногда скелеты оказывались окруженными углемъ или известью, въ землѣ непосредственно ихъ окружавшей замѣчалась также примѣсь золы; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вокругъ скелета наблюдался или песокъ, или глина яркаго цвѣта. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ могилахъ открыты слѣды дерева; оно замѣчаемо было обыкновенно въ видѣ толстыхъ брусьевъ, лежавшихъ по сторонамъ скелета или покрывавшихъ его сверху и иногда скрѣпленныхъ желѣзными гвоздями. Но и независимо отъ остатковъ дерева, даже въ могилахъ безъ всякихъ слѣдовъ его находились около скелетовъ въ значительномъ количествѣ желѣзные гвозди, почти всегда шляпками вверхъ; чаще всего они сосредоточивались у головы и у концовъ ногъ, но встрѣчались и по контурамъ скелетовъ вообще: съ внѣшней и внутренней стороны бедренныхъ костей и костей голени, у костей таза, у поясницы, съ внѣшней и внутренней стороны плече-

выхъ костей и пр. Очень часто подъ скелетомъ замѣчалась подстилка, которую составляли: или весьма тонкій слой дерева, или слой угля, глины, глея, песку, ила, мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ и пр. Подъ каждымъ курганомъ обыковенно находилась только одна могила; въ коллективныхъ же гробницахъ, которыя представляли рѣдкое исключеніе, почти всегда замѣчалось совмѣстное погребеніе взрослыхъ и дѣтей. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, головою къ западу, съ нѣкоторыми отклоненіями къ сз. или къ юз.; встрѣчались, правда, случаи обратнаго положенія скелетовъ, но такихъ было всего шесть; положеніе рукъ замѣчалось весьма различное, сравнительно чаще обѣ руки лежали по сторонамъ туловища; ноги всегда были вытянуты по направленію его. Средній ростъ скелетовъ, основанный на 130 произведенныхъ измѣреніяхъ, выражался цифрою 1,67 метровъ, такимъ образомъ можетъ быть признанъ выше средняго. Значительное большинство череповъ оказались принадлежащими къ типу короткоголовому. «Древлянскія» могилы оказались очень бѣдными по части бытовыхъ предметовъ. Оружіе въ нихъ попадалось весьма рѣдко. Найдены: желѣзныя копья, кинжалъ, ножъ и наконечникъ стрѣлы. Также рѣдко находима была глиняная посуда, въ формѣ широкогорлыхъ кувшиновъ безъ ушковъ, съ расширенными боками и отогнутымъ наружу вѣнчикомъ; чаще попадались у ногъ скелетовъ остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами и снабженныхъ желѣзными же дужками. Весьма замѣчательное явленіе представляетъ собою чаша, найденная у Житоміра въ лѣвой рукѣ скелета, лежавшей на его груди; чаша эта была приготовлена изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа; два другіе такіе случая констатированы г. Гамченкомъ. Затѣмъ при скелетахъ находимы были огнива и кремни, которые носились въ кожанныхъ мѣшечкахъ, въ одномъ изъ такихъ мѣшочковъ кромѣ огнива хранились: брусокъ, куски сѣры и 3 бараньихъ астрагала, употребляемые еще и теперь дѣтьми для игры, называемой «паци». Весьма часто при скелетахъ находимы были желѣзные ножи, иногда съ остатками деревянныхъ и костяныхъ ручекъ. Были найдены въ двухъ могилахъ серпы и въ двухъ же могилахъ—пряслицы изъ краснаго шифера. Остатковъ одежды найдено мало и они большею частію не имѣли опредѣленнаго характера; въ одномъ только слѣчаѣ замѣчены слѣды ворота, который былъ обложенъ шелковой лентою, перетканною золотыми и серебряными нитками; въ двухъ курганахъ на скелетахъ замѣченъ толстый слой органическаго вещества, состоявшаго изъ перепутанныхъ шерстяныхъ волоконъ; по пред-

положенію автора, это были остатки овчинныхъ тулуповъ и такихъ же шапокъ. Воротъ одежды застегивался на шеѣ особой застежкою. Находимы были изрѣдка пояса, сдѣланные изъ ткани и изъ ремня, застегивавшіеся бронзовыми и серебряными пряжками различной формы; у кожанныхъ поясовъ висѣли ремни, на концахъ которыхъ встрѣчались бронзовыя кольца, служившія по предположенію автора, для прикрѣпленія различныхъ предметовъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ уцѣлѣли остатки кожаныхъ полусапожекъ съ широкими отворотами, безъ особыхъ подошвъ, съ острыми носками. Волосы украшаемы были кольцами серебряными и бронзовыми и бусами. Въ одномъ изъ житомірскихъ кургановъ на головѣ скелета найденъ особаго рода вѣнчикъ, состоявшій изъ колецъ, нанизанныхъ на валекъ изъ березовой коры; въ другихъ могилахъ замѣчены слѣды головнаго убора, въ родѣ вышитой бусами шапочки. Находили серьги, рѣдко съ обѣихъ сторонъ, чаще—у которой нибудь одной; онѣ состояли изъ тонкихъ серебряныхъ или бронзовыхъ колечекъ, обыкновенно гладкихъ, лишенныхъ всякихъ украшеній. Рѣдко встрѣчались монисто изъ мелкихъ бусъ желтаго и зеленаго цвѣтовъ и стеклянныхъ—позолоченныхъ и посеребренныхъ. Чаще находимы были перстни и кольца, обыкновенно согнутые изъ тонкой проволоки или свитые изъ нѣсколькихъ проволокъ на подобіе жгута, рѣже—приготовленные изъ плоскихъ серебряныхъ пластинокъ.

Кромѣ кургановъ, признаваемыхъ авторомъ древлянскими, на разсматриваемой мѣстности онъ указываетъ 8 кургановъ и гробницъ каменнаго вѣка и двѣ могилы такъ называемаго скиѳскаго типа. Всѣ они особаго интереса, по нашему мнѣнію, не представляютъ.

Въ общемъ и въ частностяхъ новый трудъ профессора Антоновича отличается обычными другимъ его трудамъ достоинствами: дневники его раскопокъ чрезвычайно тщательны и подробны, анализъ данныхъ, полученныхъ путемъ раскопокъ, исполненъ съ величайшимъ вниманіемъ и разносторонностью, а обобщенія въ первой части труда—съ необыкновенной осмотрительностью.

Съ вѣшней стороны и этотъ выпускъ «Матеріаловъ» столь же хорошъ, какъ и предыдущіе. Политипажей въ немъ по нашему мнѣнію, даже больше, чѣмъ было надо, и исполнены они вообще хорошо. Слѣдуетъ, однако, пожалѣть, что узоры на рис. 16 и 17 не вышли, и пожалѣть тѣмъ болѣе, что вещей съ орнаментомъ найдено въ древлянскихъ могилахъ крайне ограниченное число.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1889 г. Съ 88 политипажами Спб. 1892. Стр. 128 in 4°. Тоже за 1890 г. 152 стр. 4°. Съ 91 политипажемъ. Спб. 1893.

«Отчеты» Археологической Коммиссіи отличаются большею подробностью въ сравненіи съ отчетами археологическихъ обществъ, представляя собою обстоятельное изложеніе, если не буквальную передачу въ систематическомъ порядкѣ отчетовъ лицъ, производившихъ раскопки на средства Коммиссіи, а также описаніе случайныхъ пріобрѣтеній древностей. Въ «Отчетахъ» за 1889 и 1890 годы находятся свѣдѣнія о раскопкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Россіи, а именно: въ таврической губ. (въ мелитопольскомъ и симфероп. у., въ Херсонесѣ и въ Керчи), въ губерніяхъ екатеринославской, херсонской, бессарабской, кіевской и волынской, въ области донскаго войска, точно также въ нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, какъ то: въ минской, виленской и витебской губ. Изъ частныхъ приношеній и случайныхъ находокъ слѣдуетъ отмѣтить: драгоцѣнный кладъ древнерусскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей XII в., найденный въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ г-жи Гребеновской, въ составъ котораго между прочимъ входитъ единственная доселѣ княжеская діадема, составленная изъ золотыхъ съ привѣсками кіотцевъ съ изображеніями Деисуса; далѣе—золотыя украшенія съ чеканнымъ узоромъ и золотыя серги съ аметистами, открытыя бл. с. Ясинова ананьевск. у. херсонск. губ.; золотые браслеты, украшенные змѣиными головами, найденные въ юртѣ Голубинской станицы области донскаго войска; бронзовое зеркало съ изображеніемъ соколиной охоты, найденное бл. с. Табурище александрійск. у. херсонской г. Изъ пріобрѣтенныхъ Коммиссіею рукописныхъ документовъ и рисунковъ слѣдуетъ упомянуть о подробномъ планѣ гор. Кіева съ указаніемъ мѣстъ, въ которыхъ были найдены русско-византійскія древности; планъ этотъ составленъ Д. В. Айналовымъ при содѣйствіи В. Б. Антоновича. Полезнымъ нововведеніемъ въ разсматриваемыхъ отчетахъ являются таблицы, напечатанныя въ приложеніи, въ особенности та изъ нихъ, на которой означены мѣста случайныхъ нахожденій древностей. Въ началѣ отчета за 1889 годъ напечатано Высочайшее повелѣніе 11 марта 1889 г. о предоставленіи Археологической Коммиссіи исключительнаго права раскопокъ на земляхъ казенныхъ и общественныхъ и наблюденія за реставраціей монументальныхъ памятниковъ, а также—положенія, выработанныя ею на основаніи этого повелѣнія при содѣйствіи ученыхъ обществъ.

В. Ястребовъ.

Понеделокъ. 16. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ приходилъ Василь Дейнека Засулскій и приводилъ человѣка, которого за шафара залѣцалъ. Свѣтлокаштановатаго коня купилемъ въ татарина за 8 р. зъ полтиною. Тимофѣю Скоропадскому позичилемъ 20 р., на що и запись онъ далъ, а писалъ отъ его на тіе денги облѣгъ п. Іванъ Турнавіотъ.

Вовторникъ. 17. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. Змеіова обослалемъ пуздеркомъ водки и флѣнтою. За пару перелъ далемъ 10 р. Приходили ко мнѣ Цись и Василь Дейнека за Оробемъ. за которого ручался Цись. По обѣдѣ ездилемъ до п. Федора дядка.

Середа. 18. Сегодня обѣдалисмо въ дому и съ нами п. Федоръ дядко и Дейнека; при Дейнецѣ жъ уговорилемъ на годъ шафаремъ Оробя за 100 зол. У вечеру посѣщалъ мене подполковникъ Андрей Ивановичъ Змеіовъ.

Четвер. 19. Принималемъ сегодня конфектъ пургующихъ и малое отъ оного имѣлемъ дѣйствіе. Обѣдалисмо сами, а съ нами Федоръ Заборовскій и Василь Дейнека. Татарчука Амплія, купленного за 15 р., уступилемъ дядку п. Федору за 10 р. У вечеру ходилисмо до Якима Горленка и Василя Томари.

Пятокъ. 20. Сегодня зъ квартири своей никуда не ездилъ. Купилемъ рижого коня за 6 р., карого за 7 р. зъ полтиною, гнѣдого за 9 р. и 30 а., и того трое коней за 27 р. и 8 гривенъ. Федоръ Чуйкевичъ былъ у насъ и презентовалъ реестръ 26 товаришевъ бунчуковихъ болнихъ нашей компанѣи, отъ штапъ-лѣкара Бриля и другихъ лѣкарей ку отпуску аттестованнихъ, которій слѣдуетъ: Василий Кочубей, Демянъ Туранскій, Александеръ Шишкевичъ, Василь Покотило, Василь Харевичъ, Ѳома Городисскій, Степанъ Бутовичъ, Петракій грекъ, Яковъ Марковичъ, Михайло Хвастовскій, Іванъ Троцкій, Ілля Покотило, Герасимъ Кованка, Іванъ Борзна, Леонтій Метелскій, Степанъ Холодовичъ, Осипъ Тарасевичъ, Григорій Покотило, Парфенъ Пекалѣцкій, Дмитро Колачинскій, Федоръ Чуйкевичъ, Іванъ Турнавіотъ, Петръ Бутовичъ, Степанъ Лазаревичъ, Василь Томара, Андрей Раковичъ, всѣхъ 26,

Семенъ Карпѣка после приданъ. Да давнихъ болнихъ, которіе еще отъ Еропкина оставленни зде и якіе зъ Сулаку прислани болніе жъ, тихъ реестръ прилагается и оніе всѣ указомъ сенатскимъ получили свой ку домамъ отпускъ, а именно; Семенъ Чуйкевичъ, Якимъ Кулябка, Іванъ Шишкевичъ, Тимофѣй Журавка, Василь Лазаревичъ; въ Астраханѣ оставленніе: Аѳанасій Дорофѣевичъ, Яковъ Грабовскій, Федоръ Марковичъ, Іванъ Новѣцкій, Павелъ Раковичъ, Андрей Бурковскій, Демянъ Бутовичъ, Николай Борозна, Андрей Дзявулскій, Стефанъ Миклашевскій, Іванъ Забѣла обтовскій, Стефанъ Забѣла, Іванъ Тарнавскій, Захарій Рощаковскій, Василь Зелененкій, Іванъ Забѣла, борзенскій. Цена въ Астраханѣ теперъ маслу перетопленому полтора рубля пудъ, олѣи ведро по 2 р., лою перетопленого пудъ по 40 а., воску по 8 р., ганишу по 4 р., вовни пудъ полтора рубля. Зъ Украини конѣ въ Полщу водятъ продавать на Полѣссе до Хвойниковъ, где о Покровѣ ярмарокъ бываетъ, а Хвойники отъ Любеча 8 миль.

Субота. 21. Сегодня обѣдалисмо сами зъ Якубовичемъ. Купилемъ сивого коня у татарина за 8 руб. да придатку мало. По обѣдѣ посѣщалъ мене Андрей Миклашевскій, Завадовскій, отецъ Павелъ, а я у вечеру у Черняка былъ и Николая Григоріевича; былъ же у мене Іванъ Новѣцкій и пожекгнался со мною. Засвѣдителствовали писмоиъ куплю калмиковъ и татарчатъ отъ мене ставшуюся Іванъ Турнавіотъ, Яковъ Якубовичъ и Мойсѣй Худолѣй и карту на тое дали, а именно: о Платону, Амплію, Аттогону, Урбану, Ковеню.

Неделя. 22. Сегодня службы Божой слухалисмо у ст. Николая и обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. Зъ С. П. Бурху пріехалъ куріеръ, которій сказивалъ, что объ отпуску нашомъ состоялся указъ. Зъ Украйни до Федора Ширая пріехалъ человѣкъ зъ вѣстю, что мати его, а сестра Миклашевскихъ умерла.

Понеделокъ. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Змеіова и тамъ посидѣвши, пріехалемъ до квартири, а у вечеру ходилисмо до Томари.

Вовтор. 24. Сегодня рано былъ смотръ болной компанѣи губернаторомъ самимъ, где всѣхъ, кромѣ мене одного, приговорено отпустить, а о мнѣ списиватись до князя Долгорукова, того ради, что мене за первѣйшого въ компанѣи и знатнѣйшого почитаютъ, хочай же кручокъ и не зъ такой звязанъ причини. Федоръ Юрченко отдалъ 4 реестрика чили облѣкgи должнихъ мнѣ людей, а на 20 р. отдалъ онъ же Федоръ брату своему въ дому облѣкги. По обѣдѣ ездилемъ до штапъ лѣкара, где и Змеіовъ былъ, откуду они жъ съ дамами, полковницею Пѣлевою, штапъ лѣкаршею и лѣкаршею, пріехали ко мнѣ и позабавивши у мене довольно, отехали во свояси. За виномъ въ Волоскую землю посилать въ августѣ мѣсяцѣ, а на продажъ туда добре возить футра заячіе бѣліе, полотно товстое, мѣхи, вожки, оботѣ. У Кіеви суль найдешевшая въ августѣ м-цѣ, а набѣлъ у Филиповъ постъ и въ слѣдуючіе мясницѣ. Пѣснь, 10-го януар. составленная, слѣдуетъ:

Господи Боже мой, пою пѣснь ти нову.
Правди моей въ тебѣ благодать готову
Якъ оправдаешъ грѣшна человѣка,
Тайна твоя сія есть зѣло велика.
Небо натуралнимъ умомъ познаваю
Открилъ ти мнѣ сіе и я постигаю,
Виненъ я въ Адамѣ и въ себѣ безъ мѣри.
Зачахся, родихся и живу грѣшенъ въ мирѣ.
Далъ ты мнѣ твой законъ оній совершити,
И за тое правду мою получити,
Но я преступникомъ сего показался,
Того ради оній долгомъ моимъ стался.
А я должникъ бѣдний, бѣди непремѣнни!
Гнѣву ти страшному и казни повинний,
Что жъ по смерти моей мене ожидало?—
Вѣчное нещасте тамъ мнѣ подобало.
Сожалѣлъ ты о сей бѣдности пребѣдной
Умилился въ моей пагубѣ зловидной,
И сей жаль исходилъ зъ твоей благодати

А правда искала долгъ тотъ ти воздати.
И нелзя безъ сего было обойтися
Нелзя должну нищу отъ казни спастися.
Тако подобало судъ правди твоея
Конечно взискивалъ и правди моея
Але я сталъ оной до конца лишенний,
Въ той нищетѣ моей синъ твой возлюбленний
Включилъ себе между мною и тобою,
Воздалъ долгъ тотъ тебѣ безъ мене собою.
Исполнилъ людъ законъ и долгъ отдалъ тако
И казнь мнѣ должную въ себѣ понеслъ всяко.
Кая нужда была воплотитись Богу
И во плоти своей понести скорбь многу,
Се служба Христова литронъ многоцѣнний,
За сіе у тебе сталъ я неповинний.
Доволно милости отъ бѣдъ свободити,
Должникъ помилованъ не лѣсть есть казнити.
И едино ли нинѣ получилъ я сіе
Что не буду казненъ. О вѣсти благіе!
Тма благодѣяній, тма есть благодатій,
Яже ты изволилъ дати не воздати.
Даровалъ же ты мнѣ и жизнь во вѣкъ вѣка.
Здѣлалъ синомъ своимъ мене человѣка,
И въ царствіи твоемъ вѣчно воцарюся
И подобенъ тебѣ истѣе явлюся
Се то животъ мѣти и лисше имѣти,
Сіе вѣси лише все то разумѣти,
Сію милостиню нищу мнѣ даеши,
Взять сія да простру руку глаголеши,
Чтожъ есть рука она? средствія спасенни.
Вѣра плодоносна, тайни освященни
Крещеніе во водѣ, омитіе въ Дусѣ
Евхаристія жъ причастіе въ вкусѣ,
Сею то рукою взять благоволиши

Зъ сею мнѣ вѣрою приступать велиши.
А благодарити кто не пожелаетъ,
Когда Богъ туне се намъ подаваетъ.
Стиждуся, Господи, за скудость велику,
Трепещу, взираю на худость толику.
Кто азъ? прахъ и пепелъ, суета смиренна,
А толь превисоко отъ тебе почтенна,
Діаволъ согрѣшилъ тварь она мисленна
И на него твоя правда разяренна,
Человѣкъ согрѣшилъ и инако стало,
Милосердіе ти сего возжелало.
Хвалю тя, отче мой, въ любвѣ неизмѣрний,
Благодарю тебе, Промисльниче вѣрний!

Худолѣй Мойсѣй уступилъ мнѣ доброволне лѣсъ свой Михеевскій, близъ Перервинець, надъ сухою Оржицею стоячій, и карту на тое далъ мнѣ.

Середа. 25. Сегодня рано ездилемъ до Змеіова и штапъ лѣкара, отъ которихъ извѣстился, что губернаторъ, по ихъ вложенюся, резолвовался отпустить мене домой; да тотъ же Змеіовъ пріездилъ зъ тимъ ко мнѣ, а обѣдалисмо сами. По обѣдѣ штапъ лѣкаръ, Ломиковскій и Голубъ посѣщали мене.

Четвер. 26. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. Былъ я по обѣдѣ у Толмачова секретара, у которого и поясъ купилъ я персидскій зъ срѣбромъ за 20 р.

Пятокъ. 27. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. Купилемъ себѣ коня дрикганта вороного за 5 р. По обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, штанъ лѣкара Іановскаго и аттютантши. Іановскій картузъ табаку нѣмецкого подарилъ.

Субота. 28. Сегодня рано ездилъ я до Толмачова и Змеіова и оттуду повернувшись, кушалисмо въ своей квартерѣ, и съ нами п. Федоръ дядко и п.п. Раковичи. Вѣжевскому далемъ на росходъ, двома рази, 18 р. За половину куѳи гор. оковитой, данной губер., далемъ 21 р. 10 а. 1 д. Гаврилови далемъ на росходъ 60 р., Худолѣеви въ запасъ далемъ 10 р., когда нужда будетъ Гаврилу.

Губернаторъ прислалъ ко мнѣ пашпортъ, намъ въ домъ отездить бунчуковимъ товарищамъ, 28 человѣкамъ, черезъ Чирикова канцеляристу, которому червонца далемъ. Купилъ я дѣвчину колмичку за 10 р. съ полтиною. У вечору былъ я у Івановского горбунца, которого жена, кума моя, штанgерку женѣ моей подарила.

Неделя. 29. Сегодня рано былъ я у Змеіова и штапъ лѣкара зъ 40 р. Гаврилу далемъ 6 р., а Юрченку 5 р.. а Уласу 4 р. на ихъ потребы. Гаврилу и Федору далемъ наказъ въ 18 пунктахъ: 1) денги за судно отдать Демяну, а въ небитности его, Худолѣеви, зъ росписком, а часть себѣ оставить; 2) быть бы имъ согласнимъ; 3) сего лѣта отвернуть бы, а на зиму знову за море; 4) описоватись ко мнѣ; 5) провіянтъ, якому реестръ приложенъ, збуть; 6) куповать туда рѣчи на продажъ, що лутше усмотрится; 7) купить за моремъ малчиковъ и майстеровъ тоже купить; 8) такожъ купить поясовъ сутихъ и подлѣйшихъ два, коляновъ срѣбнихъ два, а мѣднихъ два, коберціовъ рознихъ зъ 10, мѣди каменей болшъ десятка, шафрану пудъ, овчинокъ чорнихъ и сѣрихъ по 20, футеръ лисѣхъ чорнихъ и куниць, перлинъ великихъ, шовку по пуду, если по 40 р. пудъ, тютюну персидского батманъ 10; 9) столикъ зъ тамошнего дерева здѣлать; 10) о нефтѣ; 11) бадранокъ насолить; 12) диковинних рѣчій накупить; 13) въ Астраханѣ малчиковъ накупить; 14) сей приказъ въ цѣлости держать; 15) часть провіянту на убогихъ роздать; 16) Гаврилу доводячіеся денги на людяхъ доправить; 17) нанять Степана и Андрушка оставить, буде розохотится; 18) въ необходимой нуждѣ у Худолѣя 10 р. взять. Реестрикъ провіянта зде оставляемого и на харчъ Гаврилу и на збутте опредѣленного, зде приложенъ. Отъ Федора Юрченка реестръ приложенъ доправленних денегъ на людяхъ, въ Сулаку задолжившихся. До Демяна и Алексѣя написалемъ писмо, чтобъ они денги за судно взяли у Гаврила и купили бы малчиковъ и коней добрихъ и Андрушку оставили бы, буде будетъ потребно. До Худолѣя писмо оставилемъ, чтобъ онъ помощъ людямъ моимъ показовалъ и вещи бы тіе, якимъ приложенъ реестрикъ, здалъ Демяну до запроваженія ко мнѣ. Гаврилу приказъ оставилемъ за табакомъ

чолобитствовать. 4 р. Василю Дейнецѣ позичилъ Вѣжевскій и облѣкъ взятъ. Реестръ приложенъ зде рѣчій тутъ оставляемихъ, якіе мѣютъ Демянъ и Алексѣй запровадить зъ собою, а другій реестръ пану Якову Якубовичу врученъ. Сегодня повиездили бунчуковіе наши и на ліодъ возки мои повиходили.

Понедел. 30. Сегодня рано были мы зъ Кандибою, Кочубей, Іванъ Борзна, Федоръ Чуйкевичъ и я у губернатора и попростились съ нимъ, и оттоль я пойшовши, былъ у Івановского Алексѣя Василіевича и съ нимъ, тако жъ и зъ женою его Марфою Ефремовною, простившись, заездилемъ до Змеіова Андрея Івановича, оттоль до Полянского и зъ ними пожекгнавшись, заехалемъ до Заборовского, где перекусивши, былъ въ аттютантши Вороновой и съ нею простившись, пріехалемъ до обозу своего ва Волзѣ стоячого. Тутъ попрощавшись со всѣми товарищи, якіе мене опровожали, рушилисмо въ путь свой и зехавши верстъ зъ 20, стали на ночлѣгъ.

Вовтор. 31. Сегодня вехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 30 и стали на обѣдъ, оттоль поехавши, уехали верстъ зъ 40, и стали на ночлѣгъ; тутъ я зъ п. Федоромъ дядкомъ и протчіими совокупился.

Мѣсяць февруар. Середа. 1. Сегодня рушивши отъ становиска, увошли верстъ зъ 4 и стали на обѣдъ, а по обѣдѣ рушивши, увойшли верстъ болшъ 10 и стали на ночъ.

Четвер. 2. Сегодня рушивши рано, увойшли верстъ около 20 и стали на обѣдъ, а по обѣдѣ рушивши, увойшли верстъ столько жъ и стали на ночъ. Тутъ везде по берегахъ кочуютъ колмики кибѣтками.

Пятокъ. 3. Получилемъ листъ черезъ татара отъ куріера зъ Астраханѣ писанний отъ Якубовича, о ихъ тамъ помислномъ повоженю. Рушивши отъ становиска, увойшли верстъ болшъ 10 и стали на обѣдъ, знову оттуду пойшовши, увойшли до вечера верстъ зъ 15 и стали на ночъ.

Субота. 4. Сегодня увойшовши верстъ зъ 20, стали на обѣдъ и оттоль ртшивши увойшли верстъ болшъ 30 и пріехали къ Чорному Яру, где возя наши подъ городомъ стояли, а я зъ Томарою

ночовалемъ у городку, на квартерѣ; а всѣхъ верстъ отъ Астраханѣ до Чорного Яру 285 верстъ.

Неделя. 5. Сегодня въ Чорномъ Яру обѣдалисло и ночовалисмо. Зде увѣдомилемся, что надъ Колмиками устроенъ ханомъ синъ умершого Аюки Чариндундукъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано рушилисмо въ путь свой и ради кривини Волги текучой, тако жъ, что она въ многихъ мѣстахъ незамерзла, прамимъ путемъ ехалисмо степю и уехавши верстъ 25, стали на обѣдъ, оттоль поехавши, уехали верстъ 15 и пріехали къ станамъ при Волзѣ стоячимъ, где и заночовалисмо.

Вовторникъ. 7. Сегодня рушивши оттуду рано, уехали верстъ зъ 30 и стали на обѣдъ, знову по обѣдѣ уехали верстъ зъ 20, и стали на ночъ.

Середа. 8. Сегодня морозъ болший тривалъ, якого ради уехалисмо до обѣда и по обѣдѣ до вечера верстъ болше 60, и стали по прежнему при Волзѣ, на березѣ, при лѣсахъ.

Четвер. 9. Поехавши рано оттуду, уехали верстъ около 20 и пріехали въ Царицинъ къ обѣдней годинѣ, а такъ всѣхъ верстъ по изчисленію и размѣренію, зимнимъ путемъ Волгою отъ Чорного Яру до Царицина 174 версти. Тутъ ставши на квартерѣ, обѣдалисмо у себе, когда пяніе люде приходили до насъ и випхнени зостали.

Пятокъ. 10. Сегодня рано былъ я у коменданта здешнего Петра Федоровича Колцова, маіора губернского полку, где и кушалъ зъ дядкомъ п. Федоромъ, Василемъ Томарою и Павломъ Раковичемъ. Купилемъ бѣлухъ двѣ, одну болшую зъ кавяромъ за рубля, а другую яловую то есть безъ икри, за 20 а. Вѣжевскому на росходъ далемъ 5 р. и въ его записалемъ реестрѣ. П. Василю Томарѣ позичилемъ 12 р. и оніе черезъ Трохима слугу до его, на квартеру его, отослалемъ.

Субота. 11. Купилемъ у маіора Колцова коня сивого за 9 р. зъ полтиною. Обѣдалисмо зарання въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ поехали въ путь свой и пріехавши до Грачевской крѣпости, тутъ

заночовали, а верстъ будетъ 30 отъ Царицина на половинѣ дороги отъ Дону.

Сиропустная. Неделя. 12. Сегодня рано рушивши отъ ночлѣга, уехалисмо верстъ зъ 30, и пріехали до станицѣ Качалина, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ уехалисмо Дономъ верстъ зъ 7 и пріехали до Лавлѣ, где и ночлѣгъ имѣлисмо купно зъ обозомъ.

Постъ великій. Понеделокъ. 13. Поехалисмо рано оттуду и уехавши верстъ 20, Дономъ, пріехали до станицѣ прозиваемой Сиротѣнъ, где и обѣдали. По обѣдѣ рушилисмо и лугомъ ехали, а уехали верстъ 8 и пріехали до станицѣ Григоріевской, где и ночовали.

Вовторникъ. 14. Сегодня рушивши зъ вчорайшого ночлѣгу, уехалисмо горою верстъ зъ 25 и пріехали до станицѣ Перекопской, где и обѣдалисмо; тутъ дорога трудная и худая. По обѣдѣ уехалисмо Дономъ и горою верстъ 22 и стали на ночъ въ станицѣ, називаючойся Клецка.

Середа. 15. Сегодня рано рушивши отъ ночлѣга уехали Дономъ верстъ зъ 20 и пріехали до станицѣ Роспопиной, где и купали, а по обѣдѣ уехалисмо тожъ Дономъ верстъ зъ 20 и пріехали до станицѣ Устмедведицѣ, где и были у генерала лейтнанта Ронна и вечерали у его; тутъ и своихъ товарищей застали. Тутъ я зачувъ отъ генерала, что Шумлянскій, епископъ Переяславскій, и Іванъ Андрѣевичъ Кондратіевъ, полковникъ сумскій, померли.

Четвер. 16. Сегодня зъ квартери вчорайшой переехали на другую, вигоднѣйшую квартеру, а обѣдалисмо у генерала Ронна и до вечора тамъ просидѣвши, прійшли въ свою квартеру. Вѣжевскому на росходъ далемъ 6 р. Писма почтою отправленни отъ мене до род. и жени, о моемъ отпуску, до ахтирского полковника о томъ же и о пересилцѣ писемъ въ Роменъ; тутъ включенъ листъ п. Федора дядка до паней его.

Пятокъ. 17. Сегодня тутъ же прожилисмо.

Субота. 18. Сегодня рано составилемъ писмо въ Астрахань до Змеіова, Івановского, Миклашевского, Якубовича и людей моихъ,

Гаврила и Федора, о ихъ управленію по наказу данномъ имъ, и о покупцѣ малчиковъ. Обѣдалисмо тутъ же и ночовали.

Неделя. 19. Сегодня рано поехалисмо и уехавши верстъ зъ 5 пріехали до монастира Устмедведицкого, где были у архимандрити и службы Божой вислухавши, обѣдали на дорозѣ при футорѣ у 20 верстъ, а пріехали оттуду до станицѣ Усть Хопра, отстоящого отъ Устмедведицѣ въ 33-хъ верстахъ. Тутъ былисмо въ гостяхъ у маіора Архипа Никифоровича Белова и у подполковника вятского полку Лавра Даниловича Остафѣева.

Понедѣлокъ. 20. Сегодня передъ свѣтомъ поехалисмо зъ Устхопра и пріехали до станицѣ Еланской, отстоящой отстоящой отъ Устхопра за 35 верстъ, и тутъ подождавши черезъ нѣкоторое время, знову рушили и пріехали о полднѣ до станицѣ называючойся Вешки, отстоящой отъ Еланъ за 22 версти, и тутъ обѣдалисмо, куда и порутчикъ названний Томара пріехалъ. По обѣдѣ рушивши, уехали лугомъ верстъ зъ 15 и стали на почлѣгъ на полѣ.

Вовтор. 21. Сегодня рано рушивши, ехали степомъ горовато и уехавши верстъ 29, пріехали до станицѣ Донской, прозиваемой Казанка, отстоящой отъ Вешокъ за 44 версти; незастали тутъ Томари, передъ нашимъ прибытіемъ отехавшого отсюду почтою въ домъ, а мы сами обѣдалисмо тутъ. По обѣдѣ рушилисмо отсюду и уехавши верстъ 25, пріехали до монастира Донецкого прозиваючогося, черезъ Донъ, где у слободѣ монастирской, близъ монастира будучой, и ночовалисмо. Казанка послѣдная чили первая станиця Донская отъ вершини Дону, поневажъ у верхъ Дону виже оной нѣжадной немашъ иншой, а хочай и были иншіе станицѣ прежде, а именно Донская тутъ, где теперъ монастиръ, а другіе мало нижше оной, однакъ за змѣну Булавина и козаковъ Донскихъ тутъ збунтовавшихся, оніе козаки виказнени, а на то мѣстъ монастиръ архимандрій устроенъ и архимандритъ Іосифъ зъ Азова переведенъ; у верху Дону начались села, именно первое Бычокъ и другіе до полку Рибянского належачіе.

Середа. 22. Сегодня рушилисмо рано оттуду и уехавши верстъ 25, прибыли до мѣстечка сотенного полку Рибянского, зовемого Богучари, где и заночовалисмо.

Четвер. 23. Сегодня рано рушилисмо зъ Богучаръ и уехавши верстъ зъ 15, стали на обѣдъ на степу при Криничнихъ озерахъ, а по обѣдѣ вставши, уехалисмо верстъ зъ 25, спустились зъ гори въ лугъ и переехавши черезъ черезъ лугъ, пріехалисмо до слободи сотенной полку Рибянского, зовемой Калитва, отъ Богучаръ отстоящой въ 40, албо и мало болшъ верстахъ. Хоружому полковому Рибянскому Івану Івановичу лошадь бѣлую, родителскую, оставленную, подарилемъ. Сотникъ Калитвюнскій зовется Афанасій Васильевичъ. Тутъ въ розговорѣ господарь нашъ сказивалъ, что они по соль ездятъ за Черкаскее, въ турецкую сторону до Маничъ, чили до Рождества, такъ озера соляного прозиваючогося (поневажъ Манычи оставлени зъ тоей причини. что оное кровю людскою, когда тамъ татаре на нашихъ напавши баталѣю чинили, посквернилося) а якбы зъ Ахтирки ехать, то таковий трактъ можетъ быть, зъ Ахтирки до Харкова, до Чугуева, до Радкувки, до Маловатки, до Бѣленкой, где треба увѣдомитись о перевозѣ Донскомъ, въ якой оний станицѣ отправляется, поневажъ оній по рознихъ станицяхъ бываетъ, а найчастѣй въ сихъ: въ Цимлѣ, въ Бабіомъ, въ Роздорѣ, то туда зъ Бѣленкой и слѣдовать, и пріехавши въ станицю, об'явитись атаманови и зъ протчіими людми перевюзшись черезъ Донъ и за перевозъ 5 алт. отъ воза заплативши, запуститись до помянутого Рождества, где тако жъ отъ воза соли въ турецкіе руки дается по 5 а., а отъ перевозу до соли дорога зъ поворотомъ, можетъ отправитись волами за 8, а по крайней мѣри за 9 день; назадъ знову до перевозу, а туда пріехавши, где суль, въ день погодній суль брать, то чистая будетъ. По станицахъ діогту бочка по 15 р. выходитъ, чили кухва.

Пятокъ. 24. Сегодня рано вставши рушилисмо зъ Калитви и уехавши верстъ зъ 15 пріехали до слободки, називаючойся Меженка, на обѣдъ, а по обѣдѣ такъ же уехалисмо верстъ зъ 10, и привернули къ футору Чаплѣя, у лѣвой ручѣ стоячого надъ Калитвою.

Субота. 25. Сегодня рано рушивши передъ свѣтомъ зъ футора, уехали верстъ зъ 20 и стали на дорозѣ, на степу, где и обѣдали, а пообѣдавши тожъ степомъ уехалисмо верстъ зъ 15 и пріехали до футора при дорозѣ стоячого, сотника ливенского Матвѣя Микитовича Турченина. Тутъ въ ночѣ дожчъ, а по дожчу снѣгъ зъ вѣтромъ великимъ и холодомъ и морозомъ напалъ. Андрѣй Раковичъ, хоровавшій на ногу хорую, сказивалъ что его лѣчилъ старикъ такимъ способомъ: зѣлле ранникъ и вовчугу оттоплювалъ у водѣ и тимъ напаровалъ ногу хорую, а потомъ ранника зѣлля насушивши, обсипалъ ногу, а обсипавши, прикладалъ плястеръ зъ воску, яець и олту здѣланнихъ, а на нозѣ была рана великая. Вовчугъ зѣлле широкее, круглее, мохнатее, а ранникъ—довговитее да мохнатое.

Неделя. 26. Сегодня рано, поневажъ дорога зимная зъ морозомъ стала, того ради жабку на колеса поставленную, тако жъ и для колеса зломившогося переставивши знову на санѣ, рушилисмо зъ оного футора сотничого а уехавши верстъ зъ 20 зъ залишкомъ, пріехали до другого футора, тожъ на степу будучого, прозиваемого Маликового, где и до ночи глубокой простоялисмо.

Понеделокъ. 27. Зъ футора Маликового вставши о полночи, рушилисмо и пріехали въ городокъ Ливенку, полку рибянского сотенний, отстоящій отъ оного футора въ 20 верстахъ, где и обѣдалисмо и ночовалисмо.

Вовтор. 28. Сеей ночи украдено зъ коня моего хомутъ лутшій и попонъ 4. Рушилисмо рано зъ Ливенки и перебувши 2 яра, пріехали до села Московского, прозиваемого Подкопаева, до городка руского Полатова, провинцѣи Бѣлагородской належачого, якое село отъ Ливенки въ 10 верстахъ отстоитъ, где ради снѣжной метелицѣ, мусѣли заночовать.

Мѣсяць Мартъ. Середа. 1. Сегодня при полночи рушилисмо зъ Подкопаева и уехавши верстъ зъ 15, пріехали до села зовемого Осколища, которое уездное до Волжекъ городка, провинцѣи Бѣлагородской, належитъ; тутъ рѣку Осколъ черезъ мостъ перебулисмо, а постоявши мало тамъ, поехали и уехавши верстъ зъ 20 пріехали къ рѣчцѣ Платвѣ, на которой гребля и млинокъ о двохъ колахъ

Лаврентія Шидловского, черезъ которую переехавши, тутъ обкущевалисмо.

Четвер. 2. Сегодня передъ свѣтомъ рушилисмо отъ млина и уехавши верстъ зъ 15, пріехали до городка Миколаевки, сидячого надъ рѣчкою прозиваемою Вовчою, на которой и млини Лаврентія Шидловского, полковника Узюмского, бо и село его сее. Тутъ мы и обѣдалисмо. На расходъ Вѣжевскому далемъ 10 р., що и записалемъ въ реестрѣ. Получилемъ писма 2, одно отъ полков. ахтир., а другое отъ брата Семена 17-го февр. зъ Ахтирки отпущенніе, черезъ сотника Високополского Докторовича посланного въ низовий походъ зъ денгами козакамъ тамъ будучимъ. Пообѣдавши, рушилисмо и проехавши верстъ зъ 5, стали на степу при байраку.

Пятокъ. 3. Сегодня рушилисмо зъ ночлѣга вчорайщого и пріехавши до слободи новоосаженной ея величества, називаючойся Таволжанка, при рѣчцѣ Донцю, где и заночовалисмо и на вози зъ саней перебралисмося, потому что зъ ранку снѣгъ ишолъ зъ холодомъ и вѣтромъ жестокимъ, а по полуднѣ дожчъ до вечора зъ вѣтромъ же. Таволжанка слобода належачая до Рубѣжной отстоитъ отъ Миколаевки въ 30 верстахъ албо и болшъ, тутъ Донець рѣка течетъ и млини на оной государинѣ.

Субота. 4. За тимъ, что на вози перекладалисмося и что снѣгъ великій барзо ишолъ, дновалисмо на семъ же мѣстцу. П. Федоръ дядко въ разговорѣ сказалъ, что суддѣная прилуцкая дворомъ шинковнимъ небожчика п. суддѣ въ ринку стоячомъ у Капленковъ купленнимъ, безъ тестаменту завладѣла и денегъ ей взять именно не означенно въ ономъ. Въ Багмутѣ за сутки, что хто будетъ себѣ соль варить на сковородѣ, заплатить долженъ въ казну 6 р., а дрова всякъ себѣ возитъ, и 4-го дня отъ Багмута знову назадъ зъ дровами повернется, а купить въ сутки дровъ можетъ за 3 р. Въ виготованню соли тоей тожъ потреба, жебы добре воду висмажить, а соль не была бы сира, то не будетъ танути; зъ сковороди бочокъ соли тамошнихъ багмуцкихъ виходитъ 11, албо 12, а бочки у 7 пудъ албо хочъ мало болше. Пошлини на дорозѣ въ таможню даютъ отъ воза по 5 копѣекъ. Кузубъ, человѣкъ Томаринъ, пози-

чилъ у Вѣжевского моихъ грошей 3 р. а такъ зъ тими денгами, которіе 10-го февр. самъ Томара позичилъ состоитъ должнихъ денегъ 15 р. П. Федоръ дядко позичилъ у Вѣжевского жъ 3 р. Зъ Миколаевки простѣйшій трактъ до Харкова на Рубѣжнее, пѣжъ на Таволжанку, а отъ Миколаевки до Рубѣжного щитаютъ верстъ зъ 40.

Неделя. 5. Сегодня випогодилося морозомъ и ради вчорайшого снѣгу дорога санная учинилась добрая, чего ради мы черезъ рѣку Донець ліодомъ переехавши, пріехали въ село руское, зовемое Напрасная оттоль поехавши лѣсомъ, пріехали до села рускаго жъ Мурава прозиваемаго, где и рѣчкм Мурава течетъ, где и обѣдаласмо, а Мурава отъ Таволжанки отстоитъ въ 6 верстахъ. Оттоль поехавши, на степу заночевалисмо.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано вставши, поехалисмо и пріехали до слободи государинѣ императрицѣ, Веселой, отстоящей отъ Муравы въ 30 верстахъ, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ уехалисмо верстъ около 20 и пріехали въ село Батушнее, до Харкова належачее, Даниловка наживаючееся, где и заночевалисмо. Вѣжевскому на расходъ у Веселой далемъ 6 р.

Вовтор. 7. Сегодня поневажъ вѣтеръ зъ метелицею черезъ ночь и до полдня тривалъ жестокій, того ради до обѣда тутъ у медлилисмо, а по обѣдѣ поварколившись (sic) зъ атаманомъ тамошнимъ, поехалисмо и пріехавши въ Харковъ, отстоящій отъ Даниловки въ 10 верстахъ, стали на Господѣ близъ дому писара Харковскаго Романовича.

Середа. 8 Сегодня рано былисмо у фелтмаршала князя Голѣцина, которому въ гостинецъ и пѣщаль горскую зъ ладовницею далемъ, а оттуду у генерала маіора Ветеранина и до своей квартери прійшлисмо. Вѣжевскому на расходъ далемъ 5 р. Раковичу Вѣжевскій зъ тихъ же денегъ позичилъ 4 р. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ заходилимод о Штофеля генерала, квартермистра лейтенанта Синъ мой Семенъ въ дому померъ. До Харкова отъ Царицина верстъ 764.

Четвергъ. 9. Рано простилисмося зъ генераломъ маіоромъ Ветераниним, такъ-же зъ полковникомъ Гайденрейхомъ и подполков-

никомъ Дукаломъ и Баскаковимъ, а потомъ зайшли до Штофеля, где позабавивши, прійшли до своей квартери и откушавши виехалисмо, а мимо ездомъ зайшли до Николаевича, у котораго и шумни были, а потомъ поехали и уехавши ворстъ зъ 7, пріехали до монастира Харковского Преображенія господня, где и заночовалисмо.

Пятокъ. 10. Сегодня рано поехавши отъ монастира, пріехалисмо на обѣдъ въ городокъ сотенній Олшанее, отъ Харкова въ 26 верстахъ отстоящій, а потомъ поехалисмо и пріехали въ Богодуховъ, полку ахтирского, отстоящій отъ Олшаной въ 29 верстахъ, где и заночевалемъ въ дворѣ сотника Павловича, на сухоти хорунючого, где и п. полковникову ахтирскую, пріехавшую посѣщать его, засталемъ.

Субота. 11. Сегодня зъ п. полковниковою ахтирскою видѣлся я и обѣдалъ, а по обѣдѣ отехала оная въ свой домъ и мы заночовали тутъже. Вѣжевскому далемъ на расходъ 8 р. зъ тихъ денегъ Вѣжевскій далъ 3 р. Кузубови, а 2 р. п. Федору дядку.

Неделя. 12. Сегодня передъ свѣтомъ поехалисмо зъ Богодухова и пріехали до села зовемого Куліоваха, отъ Богодухова отстоящихъ въ 18 верстахъ, где службы Божой слухалисмо и абѣдалисмо, а по обѣдѣ поехалисмо до Каплуновки и пріехали, которая отъ Куліовахи въ 10 верстахъ отстоитъ. Простий трактъ до Ахтирки зъ Куліовахи, не заежджая до Каплуновки, а лѣчать отъ Куліовахи, просто, до Ахтирки, степомъ, 27 верстъ, а на Каплуновку кружно, але ми ради икони чудотворной Пресвятой Богородицы поехали.

Понеделокъ. 13. Сегодня рано былисмо въ церквѣ каплуновской, а потомъ поехалисмо до Ахтирки, где на дорозѣ стрѣтили насъ санки отъ п. полковниковой ахтирской, противъ насъ висланніе, которими обое мы зъ п. Фодоромъ и пріехалисмо въ Ахтрику, отъ Каплуновки въ 20 верстахъ отстоящую, и стали квартерою въ дому полковничомъ, где у лазнѣ былисмо и заночовалисмо.

Вовтор. 14. Сегодня тамъ же обѣдалисмо, а передъ обѣдомъ пріехали зъ Ромна Яковъ Дуброва, Воротелякъ и протчіи и по-

дали листъ отъ родителя и брата п. Семена, зъ желателнимъ нашего прибытія ожиданнемъ и спалня прійшла. По обѣдѣ поехалисмо въ путь свой и пріехали до Злодѣевки, села отстоящаго отъ Ахтирки около 4-хъ верстъ, и тутъ въ дворѣ полковничомъ заночовалисмо. Пріездилъ къ намъ заводу табачного государевого досмотрщикъ Степанъ Федоровъ синъ Павловъ, зъ которимъ ездилисмо до оного заводу, где по избахъ многіе работники, зъ которыхъ едни папуши разбираютъ по листу и зъ листовъ коренцѣ витягаютъ тіе въ довгіе трубки дѣлаютъ, крутячи оніе колами желѣзными третіи трубки тіе въ стовпчики скручуютъ, якіе рулями називаютъ а покроплюютъ оніе юшкою, въ якой варено чорнослив зъ придаткомъ соли, а четвертіи тіе стовпчики въ прасѣ желѣзномъ витискаютъ сокъ зъ онихъ горкій, послѣдніи таковіе стовпчики рушутъ нарочно здѣланними сѣчками сталними и въ картузи кладутъ Стовпчики нерѣзанніе, а цѣліе важатъ по 4 и по полъ 5 фунта, а въ картузахъ по фунту. А табачнимъ сѣменемъ засѣваютъ такъ великіе левади, же вомѣщается 50 десятинъ, а въ десятинѣ должини 60 саженъ, а ширини 40 саженъ. Работниковъ въ лѣтѣ бываетъ до 500 человѣка и болшъ; збираютъ табаку буде урожай добрій до 7000 пудовъ и менше; и такіе заводи въ Ахтирцѣ.

Середа. 15. Поехалисмо рано зъ Злодѣевки всѣ, але я поездомъ родителскимъ поскорилемъ, а пріехавши въ Комиши, отстоящіе отъ Злодѣевки около 30 верстъ, тутъ и обѣдалемъ, куда и дядко п. Федоръ зъ протчіими сопутниками наспѣли. Оттуда жъ я, оставивши ихъ, поехалемъ и пріехавши въ мѣстечко полку Гадяцкаго Веприкъ, отстоящій отъ Комишовъ, тако жъ на 30 верстъ тутъ мало позабавилемъ, а потомъ поехалемъ и пріехалемъ въ Гадячъ за 9 верстъ оттуду отстоящій, где и сталемъ на квартерѣ за мѣстомъ; а позабавивши тамъ до заходу солнца, поехалемъ и пріехалемъ въ село Липовее, полку гадяцкого жъ отъ Гадяча въ 26 верстахъ отстоящее, где и заночевалемъ.

Четвертъ. 16. Сегодня рано поехалемъ зъ Липоввго и пріехалемъ передъ обѣдомъ до Ромна, где родителку а (радитель оте-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.